

**Российская ассоциация политической науки
Исследовательский комитет по проблемам публичной политики и
гражданского общества**

**Санкт-Петербургский гуманитарно-политологический центр
«Стратегия»**

**Департамент прикладной политологии Национального
исследовательского университета «Высшей школы экономики» - Санкт-
Петербург**

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА - 2015

Ежегодный альманах

Под редакцией М.Б.Горного и А.Ю.Сунгурова

Рекомендовано к печати

департаментом прикладной политологии

НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург

Норма

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2016

ББК 76
П88

Рецензенты:
Д.фил.н. Г.Л. Тульчинский
К.ф.н. В.В. Костюшев

Публичная политика - 2015. Ежегодный Альманах. / Под редакцией
М.Б. Горного и А.Ю. Сунгурова. – СПб: Норма., 2016. – 198 с.

ISBN 978-5-87857-261-3

Ежегодный альманах, продолжая традицию одиннадцати предыдущих выпусков (Публичная политика-2004 - Публичная политика-2014) посвящен развитию технологий и практик публичной политики, политической науки как таковой. В альманах вошел ряд материалов Четвертой ежегодной конференции политологов НИУ «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге «Октябрьские чтения - 2015»: «Демократические институты и авторитарные практики в сравнительной перспективе». Наряду с традиционной для альманаха темой взаимодействие органов власти и структур гражданского общества в современной России, этот выпуск открывается текстом, посвященном 25-летию Ленсовета XXI созыва и дебатам, связанным с возвращению Санкт-Петербургу его исторического имени.

Альманах рассчитан на ученых и лидеров неправительственных организаций, государственных чиновников, представителей бизнеса и журналистов – на всех лиц, заинтересованных в разработке способов решения стоящих перед российским обществом сложных задач достойного развития нашей страны.

с СПб центр “Стратегия”, 2016

с Норма, 2016

Оглавление

Введение

Раздел 1. К 25-летию работы Ленсовета XXI созыва

М.Б. Горный. 25 лет демократии в Санкт-Петербурге: Ленсовет 21 и возвращение городу его исторического названия.

Раздел 2. Политологическое знание: теория и практика

И.Б.Гоптарева. Постдемократия и легитимность: вопросы теории.

Е.В.Суслов. Нелиберальные демократические институты как фактор порождения авторитарных политических практик.

О.Ч. Реут, Т.П. Тетеревлёва. Политологическое знание на федеральных телеканалах: а Usable Politics?

А. А. Балаян, Л. В. Томин. Интернет и социальные медиа в современном политическом процессе: по ту сторону киберутопизма.

Раздел 3. Межэтнические и межрегиональные отношения

М.Е. Попов. Социокультурная интеграция как инструмент деэскалации региональных конфликтов идентичностей.

С.С. Рожнева. Национальная идея в программах политических партий: федеральный и региональный уровень (на материалах Северо-Западного федерального округа)

Раздел 4. Публичная политика: региональные аспекты

Д.И. Даугавет. Предложения по улучшению регулирования развития городов и поселков пригородов Санкт-Петербурга.

И.И. Брянцев. Институт Уполномоченного по правам человека в региональном пространстве публичной политики Саратовской области

С.А. Севастьянов. Публичная политика большого города на современном этапе: особенности федеральной, региональной и муниципальной политической повестки

Раздел 5 . Проба пера: Публичная политика глазами студентов-политологов

К.Д. Амбрасовская Измерение коррупции в России в 2014 и 2015 г. (на примере городов Петрозаводск и Санкт-Петербург)

М.С. БОРИСЕНКО. ГРАЖДАНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ: СРАВНЕНИЕ ПОДХОДОВ.

О.Ю. Бузенкова. Институт омбудсмана в России как фактор демократизации

А. В. Коломацкий. Анализ политической культуры России и Украины через призму постматериалистических ценностей

Е.А. Лисица. Сравнение политических машин в моногородах и городах-миллионниках.

М. К. Расчупкин. Влияние партийной идеологии на позицию по законодательной политике в сфере проституции

И.А. Сапсай. Проблемы реализации антикоррупционной политики на уровне бизнеса в Российской Федерации.

А.Б.Сорбалэ. Влияние особенностей национальных партийных систем на скорость вступления стран-кандидатов в Европейский союз: случай постсоциалистических государств Центральной, Восточной и Южной Европы

Список авторов

Введение

Представляемый читателям сборник статей является уже двенадцатым выпуском ежегодного альманаха «Публичная политика», публикуемого СПб центром СТРАТЕГИЯ и департаментом прикладной политологии НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург под эгидой Исследовательского Комитета по проблемам публичной политики и гражданского общества Российской Ассоциации политической наук (РАПН). Этот сборник, продолжая традицию предыдущих выпусков¹, посвящен развитию осмыслению опыта и проблем российской публичной политики, а также анализу ее конкретных технологий и практик.

Первый раздел альманаха посвящен 25-летию начала работы Ленсовета XXI созыва, которое было отмечено в марте 2015 года традиционной встречей его депутатов, в которой приняли участие более 150 депутатов, и которая состоялась в музее политической истории. Здесь представлена работа М.Б. Горного о роли Ленсовета в возвращении Санкт-Петербургу его исторического имени и о политических дебатах, которые велись и ведутся сейчас вокруг этого решения.

Второй раздел альманаха: «Политическая наука: теория и практика» содержит работы исследователей из различных регионов России: Республик Карелия (О.Ч. Реут) и Марий Эл (Е.В.Суслов), Архангельской (Т.П.Тетеревлева) и Оренбургской (И.Б.Гоптарева) областей и г. Санкт-Петербурга (А.А.Балаян и Л.В.Томин). И.Б.Гоптарева анализирует соотношение концепций постдемократии и легитимности, а Е.В.Суслов показывает, как нелиберальные демократические институты могут стать фактором порождения авторитарных политических практик; О.Ч. Реут и Т.П.Тетеревлева рассматривают феномен презентации политического знания на российских телеканалах, а А.А.Балаян и Л.В.Томин сравнивают роль Интернета и социальных сетей в современном политическом процессе.

В третьем разделе, озаглавленном «Межэтнические и межрегиональные отношения» представлены две работы, в которых рассматриваются различные аспекты современных межнациональных (в смысле межэтнических) отношений на Северном Кавказе и в Республике Карелия. Так, М.Е.Попов (Ставрополь) в своем исследовании демонстрирует, что

¹Публичная политика – 2014. Сборник статей. – СПб., Норма, 2015; Публичная политика – 2013. Сборник статей. – СПб., Норма, 2014; Публичная политика – 2012. Сборник статей. – СПб., Норма, 2013; Публичная политика – 2011. Сборник статей. – СПб., Норма, 2012; Публичная политика – 2010. Сборник статей. – СПб.: Норма, 2011; Публичная политика – 2009. Сборник статей. – СПб: Норма, 2010; Публичная политика – 2008. Сборник статей. – СПб: Норма, 2009; Публичная политика – 2007. Сборник статей. – СПб: Норма, 2007, эл. версия - <http://strategy-spb.ru/index.php?do=biblio&doc=771>; Публичная политика – 2006. Сборник статей. – СПб: Норма, 2006. Эл.версия - <http://www.strategy-spb.ru/index.php?do=biblio&doc=754>; Публичная политика – 2005. Сборник статей. – СПб: Норма, 2006, Эл.версия - <http://www.strategy-spb.ru/index.php?do=biblio&doc=743> ; Публичная политика – 2004. Сборник статей. – СПб: Норма, 2004, Эл.версия - <http://strategy-spb.ru/index.php?do=biblio&doc=173>

социокультурная интеграция может стать эффективным инструментом деэскалации региональных конфликтов идентичностей, которые сегодня вносят серьезный вклад в напряженность на Северном Кавказе. С.С.Рожнева (Петрозаводск) на материалах Северо-Западного федерального округа анализирует представленность национальной идеи в программах политических партий.

Четвертый раздел альманаха посвящен традиционной для него теме региональным аспектам публичной политики. Здесь представлен текст петербургского социолога Д.И. Дауговета, в котором его многолетних исследований предлагаются конкретные шаги по улучшению регулирования развития городов и поселков пригородов Санкт-Петербурга. За ним следуют два очерка состояния публичной политики в Саратове (И.И.Брянцев) и в Уфе (С.А.Севастьянов), сравнение которых между собой позволяют нам лучше понять различные аспекты политической жизни российских регионов.

Завершает наш альманах уже традиционный раздел «Проба пера: Публичная политика глазами студентов-политологов», в котором на этот раз представлены студенческие тексты из НИУ ВШЭ – СПб и СЗИУ РАНХиС.

В альманах вошел ряд материалов Четвертой ежегодной конференции политологов НИУ «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге «Октябрьские чтения - 2014»: «Демократические институты и авторитарные практики в сравнительной перспективе» (СПб, 15-17 октября 2015 г.), а также исследования, доложенные в 2014 году на заседания Межрегионального семинара по публичной политике, работающего в рамках деятельности Исследовательского комитета РАПН по публичной политике и гражданскому обществу.

В этом выпуске альманаха, как и в предыдущих, представлены работы авторов из разных регионов России – Республик Башкортостан, Карелия и Мари Эл, Ставропольского края, Архангельской, Саратовской и Оренбургской областей, и г. Санкт-Петербурга.

Многолетний опыт издания Ежегодного альманаха «Публичная политика» нашел недавно отражение в посвященном ему обзоре в журнале «Политическая наука»². На смену нашему альманаху должен прийти научно-просветительский журнал с эти же названием, документы которого находятся сейчас в процессе регистрации. Соответственно, этот двенадцатый выпуск альманаха рассматривается нами как заключительный. Редакторы этого

² М.А. Соколов. Ежегодный альманах «Публичная политика». // Политическая наука: Науч. журн. – М., 2015. – № 3: Социальные и политические функции академических и экспертных сообществ. С. 286-289.

выпуска надеются, что журнал «Публичная политика» буди развивать и продолжать лучшие традиции нашего ежегодного альманаха.

университета

Раздел 1. К 25-летию работы Ленсовета XXI созыва

Михаил Горный, Санкт-Петербург

25 лет демократии в Санкт-Петербурге: Ленсовет 21 и возвращение городу его исторического названия

В 2015 году исполнилось 25 лет со дня начала работы Ленсовета, а затем Петросовета XXI созыва (3 апреля 1990г. – 21 декабря 1993г.). «Ленсовет-21» в период его работы куда чаще ругали, чем хвалили, сегодня наиболее распространенной его характеристикой служит слово романтический. В сложный исторический период депутаты в большинстве своем старались поддержать жителей в трудную минуту, прокормить их, не допустить кровавых событий, случившихся в Москве в 1991 и 1993 годах.

Общепризнанной отличительной особенностью «Ленсовета-21» были искренность помыслов и бескорыстие большинства депутатов. Подавляющее большинство из них голосовали по совести, исходя из своих убеждений. «Ленсовет-21» стремился действовать созвучно общественным настроениям и часто принимал решения, которые опережали свое время и предвосхищали будущее развитие общества.

Важнейшими решениями «Ленсовета – 21», оказавшими влияние на развитие города, страны, демократии стали следующие:

- Впервые в стране создана комиссия «По правам человека» (1-я сессия),
- Работа Совета над проблемой приватизации жилья началась еще на 4-ой сессии (конец декабря 1990г.). В решении «Об основных направлениях жилищной реформы в Ленинграде» предусматривалась возможность приватизации жилищного фонда. На 12-й сессии (ноябрь-декабрь 1991г.) принимается решение о приватизации жилого фонда, согласно которому 18

кв.м. жилплощади на человека передаются в собственность бесплатно, наконец, 16-я сессия (ноябрь 1992г.) принимает решение о полностью бесплатной приватизации жилья,

- Впервые в стране утвержден состав и стоимость минимальной потребительской корзины, назначена выплата компенсаций удорожания жизни (6-я сессия, февраль 1991г.),

- 7-я сессия: решение о выделении земельных участков жителям города,

- 30 апреля в последний день 7 сессии принято решение о проведении опроса по возвращению городу его исторического названия, а 6 мая 1991 года 8-я сессия Ленсовета утвердила положение об опросе населения Ленинграда «О восстановлении первоначального названия города». Городу было возвращено его историческое название Санкт-Петербург 6 сентября 1991г.,

- Впервые в стране принято положение о главе городской администрации (мэре) Ленинграда, вводившее принцип разделения властей в систему управления городом (8-я сессия, май 1991г.),

- Решение № 26 девятой сессии Ленсовета «О порядке распоряжения нежилым фондом в Ленинграде» (июнь 1991г.) регулировало процесс распоряжения объектами недвижимости в городе,

- В «Ленсовете-21» были разработаны первые варианты городской конституции (Устава города). Работа началась еще в 1991г., 14.10.91 11-я сессия рассмотрела проект закона «О статусе Санкт-Петербурга», разработанный специальной рабочей группой, и направила его в Верховный Совет. Данный проект законом так и не стал, однако, работа над Уставом города не прекращалась и в 1992г. Результаты этой работы были доложены на 17-й сессии (март 1993г.) и впоследствии использованы при окончательном принятии Устава Санкт-Петербурга первым созывом Законодательного Собрания,

- Впервые в стране на 11-й сессии (октябрь 1991г.) принято решение «О принципах формирования бюджета на 1992 год», в результате чего бюджет начал предоставляться и рассматриваться открыто, подробно и постатейно. В бюджет стали включаться составной частью адресная программа капитального строительства, программы капитального ремонта и реконструкции (13-я сессия, декабрь 1992г., решение малого Совета в 1993г.),

- Утвержден флаг и гимн города (14-я сессия, июнь 1992г.). Впервые в своей истории город получил флаг и гимн,

- Решение о состоянии окружающей среды в Санкт-Петербурге (14-я сессия, июнь 1992г.),

- Решение о выплате пособий родителям воинов, погибших в Афганистане (15-я сессия, октябрь 1992г.),

- Решение о борьбе с коррупцией в органах власти и управления (17-я сессия, январь 1993г.). Одним из первых в стране «Ленсовет-21» обратил внимание на коррупцию в органах власти,

- Решение о льготах по проезду на городском транспорте (19-я сессия, май 1993г.). Согласно данному решению для всех пенсионеров на всех видах транспорта проезд стал бесплатным.

В 2016 году исполняется 25 лет с момента возвращения городу имени Санкт-Петербург. Возможно некоторые решения «Ленсовета - 21» сегодня не актуальны, но самое главное решение действует – город носит имя Санкт-Петербург. Рассмотрим подробнее, как проходил процесс возвращения нашему городу его исторического названия.

Первые идеи о возвращении городу его исторического названия связаны с январским 1987 г. пленумом ЦК КПСС, на котором был провозглашен курс на перестройку. В городе появились неформальные объединения, некоторые были зарегистрированы: клуб «Перестройка», а в следующем, ленинградское отделение общества «Мемориал». Тогда же возникло (ещё без юридического оформления) Движение «За народный фронт» в Ленинграде – также под девизом «За перестройку», впоследствии оформившееся как Ленинградский народный фронт (ЛНФ). После XIX-й партконференции КПСС летом 1988 года общественные организации и даже политические партии (первой такой партией стал Демократический союз (ДС)) стали расти как грибы: христианско-демократический союз, клуб социал-демократов и др., национал-патриотические: общество «Память», «Русское знамя» и др.

Именно в этих сообществах можно было вслух размышлять о желательности возвращения к историческим традициям и о восстановлении первоначального имени города.

Идея переименования города к 1990 году носилась в воздухе. Депутат «Ленсовета-21» Павел Цыпленков вспоминает, как в сентябре того года в газете «Невский курьер» была напечатана открытка «Я хочу жить в Санкт-Петербурге» с адресом Ленсовета - поддерживавшие эту идею граждане могли вырезать ее, приклеить марку и отправить в Мариинский дворец.

К моменту избрания «Ленсовета-21» идеи о переименовании города высказывали и «демократы», и «патриоты», и отдельные личности. Главными аргументами переименования были: во-первых, вернуть в название города имя его покровителя Святого Петра, во-вторых, вернуть имя основателя города Петра Великого, в-третьих, убрать из названия города имя Ленина.

1-я сессия открылась 4 апреля 1990 г. и была посвящена структурированию Совета и формированию его исполкома.

Уже на второй сессии (сентябрь 1990 г.) вопрос о переименовании города был включен в повестку дня сессии. Вот как это было.

Впервые идея переименования прозвучала официально в сентябре 1990 г., на второй сессии Ленсовета, из уст депутата Натальи Фирсовой. Заявив, что с такой инициативой выступают демократические организации, Фирсова потребовала включить в повестку дня сессии вопрос о переименовании города. И его даже включили - в раздел «разное», но так и не рассмотрели. Дадим слово самой Наталии Евгеньевне Фирсовой³.

«... Нужно ли говорить, кто первый вбежал в открывшийся зал заседаний и сразу занял микрофон, чтобы обязательно успеть внести своё предложение (о переименовании Ленинграда в Санкт-Петербург – курсив автора). Надо сказать, что это как раз был период, когда председателем нашего Ленсовета был А.А. Собчак, который потом стал мэром. Когда А.А. Собчак увидел меня у микрофона, то он, не подозревая ничего плохого, предложил мне сформулировать своё предложение в самых доброжелательных, даже несколько галантных выражениях. Вплоть до комплиментов. ... Надо было видеть, как радикально изменилось выражение лица и тон председателя, когда он услышал, что я предлагаю. Вместо галантного доброжелательного мужчины передо мной стоял классовый враг, который заклеил меня как бездельницу, которая вместо того, чтобы делом заниматься, предлагает всякую ерунду.

Я трепетала: а что Совет, поддержит ли он включение в повестку дня этот вопрос?

Судорожно продумывала, что сказать, когда мне дадут слово для аргументов по мотивам голосования. И вот я на подиуме, у меня 3-4 минуты, чтобы объяснить, почему необходимо вернуть городу исходное имя Санкт-Петербург. Пытаюсь убедить аудиторию, что невозможно построить что-то хорошее в городе, который носит имя одного из самых страшных злодеев в истории человечества.А.А. Собчак воспользовался своим правом и также высказался по мотивам голосования. С присущим ему красноречием он постарался убедить аудиторию голосовать против. Он говорил и о дороговизне процедуры переименования, и о блокадниках, и, конечно-же о том, что надо заниматься делом, а не ерундой. Было видно, что он был взбешён моей инициативой. С трепетом ждала голосования. Ведь если не поддержат, то... конец мечте. Ура!!! Поддержали. Вопрос включён в повестку дня! На место шла, пошатываясь.

³ Н.Е.Фирсова. Воспоминания. Текст любезно предоставленный автору в 2015г.

Но не тут то было. Профессор-юрист А.А.Собчак заблокировал включение этого вопроса в повестку, хотя это было совершенно незаконно. Позже я узнала, что различные организации обращались к нему с просьбой провести это решение о возвращении городу его первоначального имени, но он блокировал тему.

Испытываю глубокое удовлетворение, в частности, в связи с тем, что моё потомство (сын и четыре внуки) живут в Петербурге...»

Работа по возвращению исторического имени велась и в комиссиях Ленсовета. Приведем отрывки из воспоминаний депутата А.В.Толмачева⁴.

«...В начале 1990 года в Ленсовете были сформированы постоянные комиссии, в том числе, постоянная комиссия по правам человека, председателем которой стал Юлий Андреевич Рыбаков. В состав этой комиссии был включен и я. В составе Постоянной комиссии была образована подкомиссия по делам вероисповеданий и религиозных обществ, председателем которой был избран Алексей Симаков (диакон Павел Симаков). Помимо Алексея Симакова в состав подкомиссии входили депутаты Роальд Пясковский, Владимир Шумский, Анатолий Осипов и другие.В ходе одного из обсуждений, состоявшихся в первые месяца работы Ленсовета мы, Алексей Симаков (если мне не изменяет память, первым начал обсуждение вопроса возвращения Городу, именно он), Роальд Пясковский (при крещении нареченный Николаем), обсуждали вопрос о важности для нашего города небесного покровительства Святого Петра и, следовательно, возвращения городу первоначального имени – Санкт-Петербург. В тот момент, когда, по нашим ощущениям, в результате политических перемен часть горожан уже начала испытывать ощущения еще не шоковые, но уже стрессовые, помощь Господа и заступничество святого Петра представлялись нам исключительно важными. Сразу же после обсуждения, на рабочем месте Алексей Симаков на листе бумаги сочинил обращение к депутатам Ленсовета о необходимости возвращения нашему городу имени Святого Петра. Обращение было пущено по рядам депутатов и вернулось назад подписями, количество которых я уже вспомнить не могу. Дальнейшая судьба обращения мне не известна. Впоследствии, обсуждая с другими депутатами вопрос о переименовании мы в качестве основного довода необходимости переименования указывали на важность для нас заступничества Небесного покровителя».

На второй же сессии была учреждена топонимическая комиссия, которая вместе с комиссией горсовета по культуре взяла на себя основной труд по переименованиям города и городских объектов. Позже в июле 1991 г. президиум Ленсовета утвердил положение о топонимической комиссии, согласно которому топонимическая комиссия руководствуется при

⁴ А.В.Толмачев. Воспоминания. Материалы любезно предоставлены автору в 2015г.

переименовании города, городских улиц, площадей др. следующим: не придумывать новые названия, а возвращать старые, исторические.

Через некоторое время к вопросу о переименовании пытаются вернуться и даже намереваются включить его в повестку дня четвертой сессии Ленсовета в декабре 1990 г., но этот вопрос заслоняют более неотложные дела. И только начиная с апреля 1991 г., с седьмой сессии Ленсовета, переименованием города начинают заниматься всерьез.

На 7 сессии принято решение о проведении опроса, на 8 сессии утвердили положение о проведении опроса, на 9-й – утвердили результаты опроса и обратились в Верховный Совет РСФСР, наконец, на 11-й – принято решение о переименовании Ленсовета в Петросовет. Кроме этого были еще заседания Президиума Ленсовета, Верховного Совета РСФСР, Президиума Верховного Совета РСФСР и решение Съезда народных депутатов РФ. Но обо всем по порядку.

26 апреля 1991 г. на 7-й сессии выступает депутат Виталий Скойбеда и говорит дословно следующее: *«Уважаемые депутаты, я прошу вас включить в повестку дня непродолжительное рассмотрение и решение вопроса о назревшем уже вопросе по многочисленным обращениям наших избирателей - проведение общегородского референдума по вопросу восстановления исторического названия города. Мы все: и демократы, и коммунисты давали во время выборов обещание прислушиваться к своим избирателям, поэтому необходимо по такому вопросу спросить их мнения. Проект заключения Ленсовета и юридической службы по такому вопросу вам роздан, обсуждение это не займет, я думаю, много времени. Вопрос перезрел, мы все давали обещание включить этот вопрос еще в повестку 4-й сессии, но тогда это не было сделано»*⁵.

Депутат Александр Сазанов обращается к председательствующему на сессии Анатолию Собчаку: *«Анатолий Александрович, я предлагаю изменить формулировку, предложенную депутатом Скойбедой: не о переименовании города, а о возвращении городу прежнего названия»*⁶.

Далее следуют единственные слова, сказанные в Ленсовете его председателем по вопросу о возвращении городу его исторического имени Санкт-Петербург: *«Собчак А.А. Если депутат Скойбеда не возражает («Не возражает», — отвечает Скойбеда), то давайте сформулируем так: кто за то, чтобы включить в повестку дня вопрос о возвращении городу прежнего*

⁵ Текст стенограммы 7 сессии от 26 апреля 1991 г.

⁶ Там же.

названия, прошу проголосовать... Прошу депутатов принять участие в голосовании. За — 194»⁷.

Итак, первый шаг сделан: вопрос включен в повестку дня сессии, и, в отличие от 2-й сессии, он рассматривается. Собчак уходит из зала и более не участвует в обсуждении. Заседание продолжает вести первый заместитель председателя Ленсовета Вячеслав Щербаков (будущий вице-мэр), и вечером того же дня, 26 апреля, он объявляет:

«Уважаемые депутаты, находящиеся за пределами Большого зала! Прошу всех пройти в зал, потому что состоится поименное голосование по проекту решения о проведении референдума по вопросу восстановления первоначального названия города! Техническая группа готова к поименному голосованию? Ставлю на голосование проект решения о проведении референдума о первоначальном восстановлении города. Кто за то, чтобы принять проект за основу? Идет поименное голосование... За — 218, против — 20, воздержались — 9 (аплодисменты). Решение принято за основу»⁸.

В принятом за основу решении говорится о необходимости проведения референдума о восстановлении первоначального названия города.

30 апреля проводится обсуждение поправок. Заседание опять ведет В.Н. Щербаков. Об остроте обсуждения свидетельствует тот факт, что к небольшому решению (менее одной страницы) было подано 22 поправки, рассмотрено 6 вариантов формулировки вопроса, задаваемого жителям.

Рассмотрим наиболее значимые поправки и обратимся к стенограмме сессии⁹. На трибуне Юрий Кравцов – председатель редакционной комиссии.

Первая поправка председателя комиссии по культуре С.А. Басова. Предлагается заменить слово «референдум» на слово «опрос». Дело в том, что организация и проведение референдума в городе необходимо урегулировать городскими нормативными актами, которых еще нет, опрос населения такого не требует. Поправка принимается.

Отклоняются поправки депутатов, предлагающих сохранить за городом имя «Ленинград», а «Санкт-Петербургом» называть только его центр.

Отклоняются предложения не проводить опрос жителей, а решить вопрос о переименовании города самим на сессии.

⁷ Там же..

⁸ Там же.

⁹ Выдержки из стенограммы 7-ой сессии от 30 апреля 1991г.

Далее рассматриваются 6 вариантов формулировки вопроса, выносимого на опрос населения.

Депутат А.Н.Беляев проинформировал сессию о том, что на 4 конференции регионального отделения движения «Демократическая Россия» было принято обращение, которое подписали более 100 депутатов Ленсовета, и в котором сессию призывали принять решение о переименовании Ленинграда в Санкт-Петербург. Ведущий сделал замечание А.Н.Беляеву, поскольку тот нарушил порядок работы.

1-ый вариант (Ю. Кравцов). Предложить жителям самим выбрать, какое название они желают для города из списка: Ленинград, Петербург, Петроград, Санкт-Петербург.

2-ой вариант (С. Басов). Оставить только один вариант: Санкт-Петербург и смягчить модальность: вместо «...желаете ли Вы...» писать «...считаете ли Вы возможным...».

3-ий вариант (А. Аникин). Также предлагает оставить только Санкт-Петербург, но обратиться к Верховному Совету, чтобы жители не считали, что решение о переименовании уже принято. При этом в вопросе должно использоваться «восстановление имени, с которым город родился».

4-ый вариант (В. Жаров). Считаете ли Вы необходимым восстановление наименования Предлагается также добавить в список самое первое название Санкт-Петербурх.

5-ый вариант (А. Ковалев). Желаете ли Вы возвращения нашему городу его первоначального названия Санкт-Петербург.

6-ой вариант (Н. Смирнов). Предложение состоит в следующем: во-первых, в случае переименования города оставить название Ленинградская область и не требовать переименования предприятий, напрямую не подчиненных Ленсовету, во-вторых, опрос провести на добровольные пожертвования тех, кто желает переименования.

Наибольшее число голосов набирает вариант А.Ковалева – 201 голос.

Наконец голосование поправок заканчивается, и Вячеслав Щербаков заявляет: *«Я с чувством выполненного долга готов поставить вопрос на голосование в целом. Поименное голосование. Кто за решение в целом, прошу голосовать. За — 228, против — 18, воздержались — 8. Решение ПРИНЯТО».* Итак, 30 апреля 1991г. решение принято: *вопрос звучит так*

«Желаете ли Вы возвращения нашему городу его первоначального названия – Санкт-Петербург?».

Ответы: ДА

НЕТ.

Депутаты начинают готовиться к опросу о переименовании. На следующей 8 сессии рассматривается положение об опросе.

23 мая на 8-ой сессии Ленсовета последним вопросом стоит принятие положения об опросе населения. Заседание снова ведет В.Н. Щербаков. Представляет положение председатель городской избирательной комиссии В.И. Фомичев, поскольку само положение разрабатывалось избирательной комиссией. Он рассказывает об особенностях этого объемного документа (4 страницы, 19 пунктов). Форму и текст опросных листов утвердил президиум Ленсовета 6 мая 1991 г. в соответствии с решением 7-ой сессии.

Депутаты принимают положение за основу, и начинается голосование поправок. Очень важную поправку вносит Н.Н. Смирнов: он предлагает дать право участвовать в опросе только жителям, постоянно проживающим в городе (т.е. текст поправки – вставить слово «постоянно»), поскольку есть небезосновательное опасение, что непостоянно проживающие сорвут опрос, не придя на избирательные участки, т.к. проблемы города их не волнуют. Поправка принимается. Депутат В.В. Лапинский предлагает по результатам опроса принять решение на сессии Ленсовета – принимается. Голосуются документ в целом: за - 225, против - 4, воздержались – 14.

Город да и вся страна готовятся к президентским выборам, к выборам мэра и к опросу о переименовании Ленинграда в Санкт-Петербург. По всем этим вопросам в газетах и на телевидении вспыхивает яростная дискуссия - сталкиваются противоположные точки зрения. Одни поддерживают Бориса Ельцина (они же большей частью поддерживают и возвращение городу имени «Санкт-Петербург»), другие, напротив, Бориса Николаевича на дух не переносят (и они же, как правило, требуют сохранить имя «Ленинград»)¹⁰...

Приведем выдержки лишь из некоторых статей и высказываний. Свое мнение выразил А.И.Солженицын. Приведем его полностью¹¹.

«К жителям города на Неве. Я слышал, что в Вашем городе готовится референдум о возвращении ему названия «Санкт-Петербург» (а исторически-то «ПитербурХ»?) Я хотел бы тоже подать голос и убедить Вас, что этого звучания возвращать не надо. Оно было в XVIII веке навязано вопреки русскому языку и русскому сознанию (Как и город на Урале, его устроителем В.Н. Татищевым хорошо звавшийся «Екатерининск», был утверждён петербургскими бюрократами - «Екатеринбург»).

¹⁰ Б.Л. Вишневский. Легенда о возвращении. Анатолий Собчак был против переименования Ленинграда.
<http://flb.ru/info/25113.html>

¹¹ Газета «Смена» от 30 апреля 1991г. Отметим, что А.И.Солженицын предлагал также название Невград.

Переименование в 1914 году «Петроград» было вполне разумным, и оно верно, если считать город названным в честь императора. (Если же хотели сохранить, как исторически было, в честь Апостола Петра — то естественная русская форма: Свято-Петроград).

И может быть, это решение по важности должно быть обсуждено не только жителями Вашего города, но и всей России.

Александр Солженицын. 28.IV.91 г.»

В воспоминаниях депутата Г.И.Трубникова сказано следующее:

«...У меня сохранилась вкладка (страницы 3-я и 4-я) газеты «Смена» от 11 июня 1991 года. Третья страница - рисунок на всю полосу ангела на Александровской колонне и напоминание о завтрашнем опросе. На четвертой - письма читателей накануне опроса о возвращении городу его исторического имени. Из шестнадцати писем только три против переименования. Собственно, позиция самой популярной газеты и ее редактора Виктора Югина вполне однозначна.

Среди писем одно «депутатское».

«ГОРОД СВЯТОГО ПЕТРА

Многих, и меня в том числе, смущает необходимость - возвращая Городу его настоящее имя - снова, уже в третий раз на протяжении восьмидесяти лет, производить акт переименования. Такие города дышат тысячелетиями, а мы - суетливо, как бы боясь не успеть за срок своего пребывания Ленсовете...

Недавно пришла голову мысль, несколько меня успокоившая. Я вспомнил некоторые факты из биографии того, в честь которого назван город. Святой Петр был человеком остро ощущающим, непосредственно реагирующим. Видимо, эти качества ученика позволили Иисусу сделать мрачное предсказание: «Не успеет петух второй раз прокричать, как ты трижды отречешься от меня».

А потом был суд, и Петра знобило не только от холода, он грелся вместе со стражей у костра, и на вопросы - не из друзей ли он Иисуса, - он отвечал отрицательно, все равно ведь не поможешь, и после третьего отречения прокричал петух. Не такая уж это большая вина, и не раз и до и после Петр доказывал свою преданность Христу и его делу, но факт троекратного отречения, вошел в историю.

Не так ли и нашему Городу суждено в третий раз отречься от имени и тем самым остаться Городом Святого Петра?

Что же касается техники переименования, то, по-моему, нужно ввести период, в течение которого будет официально разрешено пользоваться обоими названиями. Чтобы почта доставляла корреспонденции, адресованные как в Санкт-Петербург, так и в Ленинград. Разрешить, скажем, Университету хоть со следующего дня сменить свои вывески, печати и бланки. А какой-то другой вуз не захочет спешить и будет менять вывески по мере их естественного обветшания. И никто не будет удивляться, что Ленинградский комитет ветеранов называется именно так, а не иначе. Период этот должен быть достаточно длительным, чтобы все происходило естественно, безо всякого насилия. В итоге, как мне представляется, это и дешевле получится.

Г. ТРУБНИКОВ, депутат Ленсовета».

Еще мне хорошо запомнилась акция христианского демократа Игоря Барыльника, который разбил палатку возле фасада Мариинского дворца и объявил голодовку с требованием к депутатам вернуть городу имя. И было это в сентябре 1990 года, т.е. задолго до опроса-референдума»¹².

Депутат «Ленсовета-21» Андрей Толмачев вспоминает:

«...Вспоминаю, как уже в ходе общественного обсуждения вопроса о переименовании города в Постоянную комиссию по культуре и культурно историческому наследию граждане представляли самые разные точки зрения, так один из заявителей – художник по профессии выражал мнение, что название Санкт-Петербург является слишком жестким и неблагозвучным для нашего города и предлагал оставить городу имя Ленинград, при этом считать, что город называется не в честь вождя пролетарской революции, а в честь Елены прекрасной. В качестве компромисса он предложил дополнить название одной буквой и назвать город - Еленинград. Появлялись и предложения, аргументируемые важностью отражения в названии города патриотических эмоций, поддерживаемые, по сообщениям СМИ А.И. Солженицыным...»¹³

¹² Г.И.Трубников. Воспоминания. Любезно предоставлено автору в 2015г.

¹³ А.В.Толмачев. Воспоминания. Любезно предоставлено автору в 2015г.

Лидер движения «Русское знамя» И.Б.Иванов писал о высказываниях по поводу переименования города¹⁴:

«...В одном из номеров «Ленинградской правды»¹⁵ было опубликовано заявление юных «нахимовцев» под грозным заголовком: «Руки прочь от Ленинграда!», явно состряпанное под диктовку начальства...

5 июня 1991 года в Кремле было подписано Обращение Верховного Совета к жителям Северной столицы, выражавшее позицию высшего советского органа власти по вопросу о названии города. В нём, в частности, говорилось: «...*Как можно вычеркнуть из памяти нашего народа тот факт, что именно в вашем городе началась Октябрьская революция, и родилось новое Советское государство! Широким потоком идут к нам, в Верховный Совет СССР, обращения, подтверждающие, что народы Советского Союза питают искреннее уважение к личности Ленина и выступают за сохранение его светлого имени. Верховный Совет СССР обращается к вам, уважаемые ленинградцы, с просьбой сохранить вашему городу нынешнее, ставшее историческим название*»¹⁶.

Свой решительный голос в защиту имени Ленина подал и сам генеральный секретарь КПСС М. Горбачёв: «*Всем нам надо иметь в виду, – заявил он, – что решение увековечить имя Ленина, принятое в 1924 году на Втором Съезде Советов СССР выразило волю народов всей страны. Это справедливое решение, и я твёрдо убеждён, что нет ни нравственных, ни политических оснований его изменения*»¹⁷.

.....После того как было решено вынести вопрос на референдум, и “неформальные” христианские организации громко призвали к возвращению городу имени Св. Апостола Петра, руководство Московской Патриархии уже было просто вынуждено как-то сформулировать свою позицию. Лишь в конце мая 1991 года митрополит Ленинградский и Ладужский Иоанн (Снычев) заявил, что он благословляет возвращение «Ленинграду» прежнего названия — Санкт-Петербург, и сам будет голосовать за это¹⁸. И только 31 мая, в ответ на просьбу журналистов сформулировать, наконец, позицию Московской Патриархии в связи с

¹⁴ И.Б.Иванов. Движение за Санкт-Петербург. История зарождения, борьбы и побед 1989-1991гг.
<http://izput.narod.ru/dzspsb.html>

¹⁵ Ленинградская правда. 1991, №128.

¹⁶ Ленинградская правда, 1991, №130.

¹⁷ Вечерний Ленинград, 1991, № 131

¹⁸ Вечерний Ленинград, 1991, №119

референдумом, референт Московского патриарха, диакон Андрей Кураев заявил: «Мы надеемся, что жители города Петрова выскажутся за возвращение городу его исторического и священного имени – Санкт-Петербург»¹⁹. Позднее появилось и официальное заявление в том же духе, подписанное Московским патриархом...».

Многочисленные, очень эмоциональные статьи появились в ленинградских газетах. «Ленинградская правда» от 12 мая 1991 г. опубликовала текст-призыв общественного комитета «В защиту Ленинграда» под названием МЕДАЛЬ «ЗА ОБОРОНУ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА»? Приводим выдержки:

«Дорогие ленинградцы! Земляки! Мы члены инициативного общественного комитета «В защиту Ленинграда», в это трудное время обращаемся ко всем тем, кому не безразлична судьба нашего великого города, его историческое прошлое, настоящее и будущее, честь и слава. Через считанные дни, 12 июня, может случиться непоправимое: с карты нашей Родины исчезнет название близкого и родного нам Ленинграда. И вновь появится чуждое слово с немецким звучанием «Санкт-Петербург». Впрочем, на картах немецких генштабистов он так и назывался. И гитлеровцы, вынашивая мечту захватить город, затем сразу же хотели переименовать его в Санкт-Петербург. Не получилось!.....

Мы обращаемся ко всем, кому дорог наш город, с призывом: возродим родной Ленинград. Мы предлагаем для этого объединиться всем, в каких бы партиях или общественных движениях не состояли, какую бы религию не исповедовали. ...

Дорогие ленинградцы! Требуйте от Ленсовета прекратить словесную эквилибристику и заняться будничной созидательной работой.

Скажем 12 июня «Нет!» переименованию родного города и «Да!» возрождению Ленинграда».

Были статьи и в защиту переименования. Приводим выдержки из статьи в газете Вечерний Ленинград от 10 июня 1991.

«ВЕЛИКИЙ ГОРОД ПОД ИМЕНЕМ?...»

«...Переименовывая ранее город Святого Петра в Петроград и Ленинград, ни одна предыдущая власть не обращалась к народу за советом, а решала это «сверху». Поэтому сам факт проведения в городе референдума – завоевание сегодняшней демократии. Многочисленные митинги и массированная обработка общественного мнения, кажется,

¹⁹ Вечерний Ленинград, 1991, №133

достигли своего накала. Не будем лукавить друг перед другом – все это происходит из-за того, что сейчас посягнули на главную нашу икону – имя Ленина, которое, как нас учили в школе, должно жить в веках.

.....Наше обращение прежде всего к ветеранам войны и блокадникам. Пожалуй, вам мучительнее всех было бы смириться с мыслью о возвращении к старому имени города. Потому что Ленинград – это 900 дней невиданного мужества. Чаще всего возмущенные письма – именно от вас. Трудно, но попробуйте оставить горькие эмоции и попытайтесь понять. Никто не в силах переиначить историю. Ленинградская блокада навсегда уже вписана золотом в Летопись Отечества. И именно под таким названием в памяти потомков. Но это лишь 4 года за многовековую историю города. Посмотрим на карте – нет Трои, нет Порт-Артура, нет Сталинграда – есть новые названия, но героические подвиги их защитников продолжают именоваться так, как во времена тех событий.

Во всех книгах по истории Второй мировой войны и у нас, и за рубежом – Сталинградская битва. И конечно же, никто не заменит и название «Ленинградская блокада». Обвинения в «кощунстве», «пренебрежении к жертвам» неосновательны и, главное, не историчны

.....Яростнее всех выступают за сохранение названия «Ленинград» коммунисты. Конечно очень трудно представить себе «Петербургский обком КПСС», хотя еще ужаснее каждый день читать «Ленинградский ордена Ленина метрополитен имени Ленина». Хуже другое: газета ленинградских коммунистов постоянно играет на национальных чувствах горожан: неужели вы хотите иметь немецкое название «Петербург»?

.....Предлагаем коммунистам последовать примеру большевиков и оставить «Ленинградская» для организации КПСС. В истории человечества и великих людей, и серьёзных учений было и будет еще много. А вот Святой Петр – один. И уже более двух тысячелетий человечество исповедует его идеи. И город у нас один. Город Святого Петра. Санкт-Петербург. ...

А.Марголис, директор Фонда спасения Петербурга-Ленинграда

Л.Нарусова, кандидат исторических наук»

А вот как появился данный текст. Выдержки из воспоминаний Валентина Викторовича Майорова (гл. редактор "Вечёрки" и депутат «Ленсовета-21»)²⁰. «...А «Вечерний Ленинград» превратился в «Вечерний Петербург». Вот как это случилось. Мы готовили номер к общегородскому референдуму, инициированному Ленсоветом, о возвращении городу его исторического имени, как открывается дверь ко мне в кабинет, и председатель Фонда спасения Ленинграда-Петербурга Александр Давидович Марголис вводит ко мне женщину и говорит: «Слушай, вот у неё статья есть. Не напечатаешь?». Я взглянул в текст, статья была толковой. Женщина говорит: «Может быть, напечатаете и вот это? А то я был в «Ленинградской правде» у Кузина (это главный редактор), у них вышла статья под заголовком «Враг у ворот, не дадим святое имя Ленина отнять», и он мне отказал». Она протянула мне текст обращения Алексея II к верующим, который призывал вернуть городу его первоначальное имя. Я напечатал оба материала. Это был серьёзный шаг. Женщиной, как потом выяснилось, была ни кто иная, как Людмила Борисовна Нарусова – супруга Анатолия Александровича Собчака. Как только прошёл референдум, и большинство горожан проголосовало за возвращение городу имени Санкт-Петербург, наша газета, в нарушение закона, вышла под шапкой «Вечерний Ленинград (Санкт-Петербург)». А когда итоги референдума были утверждены, мы вышли уже под именем «Вечерний Петербург». Уже потом мы оформили все необходимые документы...».

Из приведенных цитат видно, какого накала достигла борьба за имя родного города. Окончательный выбор хорошо объяснил ставший летом 1991 года председателем «Ленсовета-21» А.Н.Беляев.

«... Мы мечтали, чтобы вместе с именем город вернул себе прежний блеск, который имел на протяжении веков. А Петроград - символ катастрофы в истории города: десять «петроградских» лет вместили в себя Первую мировую, две революции, Гражданскую войну, голод, разруху, красный террор...»²¹.

12 июня 1991г. опрос состоялся, приводим его итоги.

В голосовании приняли участие 64,7% процента горожан, имеющих право на участие в опросе.

..... Опрос горожан по поводу возвращения Ленинграду имени Санкт-Петербург: ответивших «да» - 1 345 848 (54.86 % горожан от числа граждан, принявших участие в опросе,

²⁰ В кн.: Автобиография Петербургского горсовета. Т.1, Издательство Александра Сазанова, СПб, 2005, стр.417.

²¹Сергей Глезеров. Не надо возвращаться в Петроград. «Санкт Петербургские Ведомости», 26 августа 2014г.

или 35.49% от общего числа граждан); ответивших «нет» - 1 047 216 (42.68% от числа граждан, принявших участие в опросе, или 27.61% от общего числа граждан)²².

Т.е., мнения горожан разделились, практически поровну, но большинство высказалось за Санкт-Петербург. У людей менялся менталитет.

Опрос состоялся, жители свою волю выразили, и депутатам Ленсовета предстояло проверить правильность его проведения и утвердить итоги в соответствии с положением об опросе, принятым на 8-й сессии. На 9-й сессии Ленсовета происходило более чем интересное обсуждение этого вопроса.

Итак, 25 июня 1991 г., заседание сессии ведет Игорь Михайлович Кучеренко – заместитель председателя. У Мариинского дворца множество людей, которые ожидают решения о переименовании города.

На трибуне В.И. Фомичев – председатель горизбиркома. Владимир Иванович рассказал о том, как проходил опрос: в опросе приняли участие все жители города, обладающие активным избирательным правом, он сказал также о нарушениях во время опроса. Обратимся к стенограмме 9-ой сессии. *«... Что касается протестов и обращений, в городскую избирательную комиссию поступил протест от избирательной комиссии Невского района с требованием признать результаты выборов недействительными по всему Ленинграду в связи с, как они считают, некорректной постановкой вопроса. Были заявления от ряда избирательных комиссий Ленинграда с аналогичными вопросами. К сожалению, никаких численных материалов, подтверждающих масштаб лиц, введенных в заблуждение данной постановкой вопроса, указано не было. Заявления носили по существу единичный характер. И не было никаких оснований считать, что это сколь-нибудь значительно ставит под сомнение результаты проведения референдума целиком в городе...*

В итоге избирательная комиссия определила, что при голосовании «Желаете ли вы возвращения нашему городу его первоначального названия Санкт-Петербург» число граждан, внесенных в списки для голосования – 3 млн. 792 тыс. 370, число граждан, получивших опросные листы – 2 млн. 465 тыс. 881, число граждан, принявших участие в голосовании – 2 млн, 453 тыс. 412, что составило 64.7%. Число граждан, ответивших «да» на поставленный вопрос – 1 млн. 345 тыс. 852, что составило 54.9%. Число граждан, ответивших «нет» на поставленный вопрос – 1 млн. 47 тыс. 216, что составило 42.7%. И число граждан, не выразивших своего отношения при ответе на вопрос, это граждане, которые зачеркнули оба

²² Вечерний Ленинград, 14 июня 1991г.

ответа, либо оставили оба ответа, либо изменили формулировку вопроса. Такое количество граждан – это 60 тыс. 344, что составило 2.5% ». Далее В. Фомичев сказал, что результаты опроса выносятся на сессию Ленсовета.

После этого началось обсуждение, острое обсуждение результатов опроса. Достаточно долго обсуждалось, когда принимать решение в тот же день или 27 июня. Решили – в тот же день. Записались на выступления 15 человек, предложено к обсуждению 4 варианта решения. Решили предоставить слово только авторам проектов решений, т.е. 4 депутатам.

1-ый вариант (мандатная комиссия, представляет А.А.Ливеровский). Суть предложения состоящего из одного пункта: результаты голосования вообще не надо утверждать. Необходимо сразу обратиться в Президиум Верховного Совета РСФСР с предложением вернуть Ленинграду его первоначальное название Санкт-Петербург.

2-ой вариант (комиссия по законодательству, представляет Э.Б.Перчик). В решении 2 пункта: 1-ый – утвердить результаты опроса; 2-ой – обратиться к Верховному Совету с предложением об официальном признании и возвращении Ленинграду названия Санкт-Петербург.

3-ий вариант (группа из комиссии по законодательству, представляет В.С.Жаров). Выступление В. Жарова было очень эмоциональным. Он начал свое выступление с цитирования статьи «Жить в Петербурге», опубликованной в газете Вечерний Ленинград 4 июня 1991г. Приведем эту цитату *«...Вот и родился ты снова! Как долго ты болел мой бедный город!... И это совершили мы с вами, петербуржцы. Спасибо вам всем друзья мои и единомышленники. Спасибо за то, что подарили моему сыну и всем нашим детям великое счастье и честь - жить в Санкт-Петербурге ...В городе нашем праздник. 12 июня был днем суверенитета России, днем выборов первого российского президента, днем рождения Петра Великого. Плакала старая блокадница: С праздником! С Санкт-Петербургом! Все-таки дожили!...».*

Затем Владимир сформулировал предложения в решение: 1 - утвердить результаты опроса; 2 сделать день 12 июня праздником – днем возрождения Санкт-Петербурга; 3 – обратиться сразу к Съезду народных депутатов с предложением вернуть городу имя Санкт-Петербург; 4 – поручить мэру и Ленсовету подготовить мероприятия по переименованию; 5 –

обратиться к коллективу газеты «Вечерний Ленинград» с предложением переименовать ее в «Вечерний Петербург»²³.

4-ый вариант (группа «Возрождение Ленинграда», представляет Е.С. Красницкий). Выступление Евгения, который выражал мнение части депутатов Ленсовета, связанных с коммунистической партией, также было очень эмоциональным.

Он утверждал, что по вопросу о переименовании город раскололся на две примерно равные части, и что не следует спешить с утверждением результатов опроса. Следует провести повторное голосование на основе закона о местном референдуме. При этом расходы на новое голосование должны взять на себя заинтересованные организации.

Далее перед поименным голосованием выступили 2 народных депутата СССР: Народный депутат от Всесоюзной организации ветеранов войны и труда Фалин Владимир Иванович и Народный депутат от Пушкина и Колпино Владимир Левашев.

Фалин, естественно, выступил против переименования, говорил о связи с именем Ленина, о блокаде, о том, что решать данный вопрос должны жители всей страны, и закончил свое выступление так : *«... Именем спящих вечным сном в ленинградской земле, в пучинах Ладожского озера, именем павших и совестью живых защитников Ленинграда призываю вас, депутатов Ленсовета, выступить против переименования Ленинграда...»*²⁴.

Левашов, напротив, говорил, что жители однозначно выразили свою волю, что на них никто не давил, и депутаты должны утвердить результаты опроса и обратиться в Верховный Совет с предложением вернуть городу имя Санкт-Петербург.

Затем прошло поименное голосование, и наибольшее число голосов набрал 2-ой вариант, представленный комиссией по законодательству. В итоге появилось решение сессии (за – 205, против 47, воздержалось 17),

25.06.91 N 4

Р Е Ш Е Н И Е

²³ Отметим, что впоследствии такое переименование произошло, и вместо «Вечернего Ленинграда» стала выходить газета «Вечерний Петербург», хотя Ленсовет принял вариант комиссии по законодательству. Последний номер другой газеты «Ленинградская правда» вышел 30 августа 1991г., а уже 3 сентября газета вышла под названием «Санкт-Петербургские ведомости».

²⁴ Из стенограммы 9-й сессии от 25.06.91.

О возвращении Ленинграду

первоначального названия

Санкт-Петербург

Заслушав сообщение Ленинградской городской избирательной комиссии о результатах проведённого 12.06.91 опроса населения Ленинграда о восстановлении первоначального названия города Ленинградский городской Совет народных депутатов решил:

1. Утвердить результаты проведённого 12.06.91 опроса населения Ленинграда о восстановлении первоначального названия города.

2. Обратиться в Верховный Совет РСФСР с предложением о возвращении Ленинграду первоначального названия Санкт-Петербург.

Заместитель председателя

Ленсовета

подпись

И.М.Кучеренко

Вот как отреагировала это на решение Ленсовета газета Ленинградская правда²⁵:

«Открылась 9-я сессия Ленсовета XXI созыва.

Сессия буквально за полчаса приняла решение по результатам опроса ленинградцев относительно возвращения городу его первоначального названия ... Большинство голосов был отклонен проект, предложенный депутатской группой «Возрождение Ленинграда», где предлагалось во имя поддержания общественного согласия и рабочей обстановки в городе воздержаться от политических акций в связи с итогами опроса и решить проблему переименования в ходе повторного опроса (референдума) по формуле, исключающей ошибки при голосовании. Окончательный же вердикт сессии был таков: утвердить итоги опроса и обратиться в Верховный Совет РСФСР с предложением об официальном признании и возвращении Ленинграду его первоначального названия Санкт-Петербург... Нетрудно

²⁵ Ленинградская правда от 26 июня 1991г.

представить, сколько разочарования и слез вызовет это принятое за полчаса решение. Ну, до них ли Ленсовету, торопящемуся делить уже отнятую у него власть?».

Ну что ж на уровне города депутаты сделали, все, что могли, далее вопрос должен был быть решен на федеральном уровне.

Для изменения названия города федерального значения необходимо было внести соответствующие изменения в Конституцию РСФСР, а это компетенция Съезда народных депутатов.

Все ленинградские народные депутаты России (и реформаторы, и, что удивительно, консервативно настроенные коммунисты) единым фронтом добивались утвердить волю жителей города. В 1991 году мнение избирателей уважали все. В июне 1991 г. на 3-ей сессии Верховного Совета РСФСР решение Ленсовета о возвращении имени Санкт-Петербург городу, основанное на результатах опроса жителей, представил его председатель А.Н. Беляев. Российские депутаты, однако, проголосовали лишь за то, чтобы поручить рассмотрение по существу этого вопроса своему президиуму. Далее был августовский путч, и к вопросу о переименовании вернулись в сентябре. 6 сентября Руслан Хасбулатов подписал соответствующий указ. Внесение изменений в Конституцию Российской Федерации произошло на 6-м Съезде, уже в апреле 1992 г. Но обо всем по порядку.

Для реализации решения сессии Ленсовета в Москву на 3-ю сессию Верховного Совета РСФСР отправилась делегация во главе с Председателем Ленсовета Беляевым А.Н. На сессии присутствовал народный депутат России и «Ленсовета-21» Юрий Михайлович Нестеров. Предоставляем им слово.

Председатель Ленсовета (с июня 1991 г.) А.Н.Беляев:

«... Первый раз я доложил Верховному Совету итоги опроса в июле 1991 года. Но если вспомнить, каким был тогда состав Совета, то не удивитесь, что решение с ходу принято не было. Но депутаты и не сказали «Нет». Как понимаю, руководство страны всё-таки хотело поддержать петербуржцев и приняло другое решение: поручить решить этот вопрос Президиуму Верховного Совета. Ожидалось, что там с пониманием будет получше. Но тут грянул путч.»²⁶.

Юрий Михайлович Нестеров вспоминает.

²⁶ Александр Беляев *Имя – это судьба* «Санкт Петербургские Ведомости», 10.06.2006 г.

«.... Моя личная роль в процессе возвращения имени более чем скромная. Разве что я абсолютно искренне поддержал инициативу коллег по Ленсовету о проведении одновременно с выборами первого президента России и первого мэра нашего города опроса о переименовании Ленинграда в Санкт-Петербург .

.... проходило заседание Президиума Верховного Совета. В соответствии с регламентом, именно Президиум рассматривал проект повестки дня сессии Верховного Совета, которую, как правило, депутаты утверждали без дополнительного обсуждения. Но проект решения Президиума тоже кто-то должен был подготовить и внести на заседание Президиума. И сделать это пришлось мне. Скажу откровенно – сам я, скорее всего, «прозевал» бы это. Как-то так вышло, что все мы, депутаты от Ленинграда, понадеялись друг на друга, и никто не догадался проявить инициативу и внести на Президиум нужный проект. Но коллеги – депутаты Ленсовета во главе с председателем Александром Беляевым специально приехали в Москву, чтобы присутствовать при историческом событии. Они-то и обнаружили, а обнаружив, сообщили мне, что за час до заседания Президиума в проекте повестки дня завтрашнего заседания сессии нет пункта о переименовании Ленинграда. Дальнейшее было делом техники, и нужный пункт в проекте повестки дня 3-ей сессии Верховного Совета появился.»²⁷. Как уже было сказано, на сессии депутаты приняли решение поручить Президиуму рассмотреть вопрос по существу.

Президиум рассмотрел и принял решение уже после августовского путча. Соответствующий указ был принят 6 сентября 1991г. и приведен ниже.

Указ Президиума Верховного Совета РСФСР

о возвращении городу Ленинграду его исторического названия Санкт-Петербург

Президиум Верховного Совета РСФСР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Вернуть городу Ленинграду его историческое название — город Санкт-Петербург.

Первый заместитель председателя Верховного Совета РСФСР

Р.И.Хасбулатов,

Москва, Дом Советов РСФСР

²⁷ Ю.М.Нестеров. Воспоминания. Материалы любезно предоставлены автору в 2015 г.

6 сентября 1991 года № 1643-1

После данного постановления на 11 сессии Ленсовета (1 октября 1991 г.) Ленсовет был переименован в Санкт-Петербургский городской Совет народных депутатов (Петросовет).

Окончательное решение о переименовании и внесении изменений в конституцию произошло на 6-м Съезде народных депутатов в апреле 1992г. Говорит Ю.М. Нестеров.

«...Изменение названия любого субъекта Российской Федерации требовало изменения Конституции, поскольку все эти названия были в Конституции перечислены. А это значит – надо получить за это 2/3 голосов депутатов съезда. И съезд, на котором можно было попытаться это сделать, открылся в апреле 1992 года (6-й Съезд народных депутатов РСФСР)... На следующий день, насколько помнится, при голосовании по повестке дня возражений не было. Но эти возражения появились, как только дело дошло до обсуждения этого вопроса по существу. От нашей делегации проект решения представлял Олег Басилашвили. Но он не убедил «коммунистическую» часть депутатов, и «за» проголосовало недостаточное число депутатов, т.е., решение не было принято. ... Наша делегация потребовала повторного голосования, но и это предложение съезд не поддержал. И тогда вся наша делегация покинула зал заседаний. Минут 30 мы просидели в вестибюле. Курящие нервно курили в «курилке». Все надеялись, что наши демарши повлияет на позицию депутатов съезда.

Так и вышло. Ведь в повестке дня съезда было немало вопросов, важных для делегаций различных субъектов РФ²⁸. И по некоторым из этих вопросов без наших голосов было проблематично получить не только квалифицированное, но и простое большинство. И тогда председательствовавший на заседании Руслан Хасбулатов объявил перерыв и «провел работу» с руководителями фракций и территориальных групп депутатов. Нас пригласили в зал, вопрос о внесении в Конституцию России нового (то есть старого, исторического названия Санкт-Петербурга) снова был поставлен на голосование, и решение было принято. ..

Историческое событие свершилось! ..»²⁹

²⁸ РСФСР была переименована в РФ законом №2094-1 от 25.12.91г., внесение соответствующих изменений в конституцию произошло на 6-м Съезде народных депутатов в апреле 1992 г.

²⁹ Ю.М.Нестеров. Материалы любезно предоставлены автору в 2015 г.

Решение было оформлено в виде закона №2708-1, принятого 21 апреля 1992г. (выдержки из этого закона приведены ниже).

Приводим выдержки из воспоминаний еще одного участника: депутата «Ленсовета-21» и России Бэллы Алексеевны Курковой³⁰.

«...Наша ленинградская делегация в Москве, в которую входили депутаты Ленсовета И.М. Кучеренко, М.Е. Салье, Ю.М. Нестеров, П.С. Филиппов, Н.М. Аржанников, В.З. Васильев, М.М. Киселев, по моему убеждению, очень конструктивно и активно отстаивала интересы родного города. Когда референдум жителей Ленинграда высказался за возвращение городу его исторического имени, а Ленсовет принял соответствующее решение, необходимо было и положительное решение Верховного Совета по внесению соответствующей поправки в Конституцию. Поначалу съезд проголосовал против, и тогда вся наша ленинградская делегация покинула зал (из 30 человек в зале осталось только шестеро), сказав, что не вернемся, пока съезд не одумается и не поддержит волю большинства ленинградцев. У Председателя Верховного Совета Руслана Имрановича Хасбулатова хватило ума понять, что это серьезно. С нашим мнением, мнением депутатов от Ленинграда, с нашим городом считались, считались с мнением Ленсовета. Был объявлен внеочередной перерыв, состоялась наша встреча с Русланом Имрановичем, и он нас заверил, что все будет в порядке. После перерыва было объявлено повторное голосование, большинством голосов были внесены соответствующие поправки, а Ленинграду было возвращено имя Санкт-Петербург. Все мы чувствовали, что после изменения имени города в нём многое стало меняться к лучшему...».

Закон N 2708-1 принят на 6-м Съезде народных депутатов РСФСР 21 апреля 1992 года

ЗАКОН ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ И ДОПОЛНЕНИЯХ КОНСТИТУЦИИ (ОСНОВНОГО ЗАКОНА) РОССИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В целях совершенствования конституционного законодательства Съезд народных депутатов Российской Федерации постановляет:

³⁰ В кн.: Автобиография Петербургского горсовета. Т.1. Издательство Александра Сазанова, 2005, стр. 402

Раздел I.

.....

12. Часть первую статьи 71 изложить в следующей редакции:

...

в части второй слова "Горьковская", "Калининская", "Куйбышевская" заменить соответственно словами "Нижегородская", "Тверская", "Самарская" и разместить их в статье в алфавитном порядке, а слово "Ленинград" заменить на слово "Санкт - Петербург"; ...

13. В статьях 105, 107, 164 слова "Ленинград", "Ленинградского", "Ленинградским" соответственно заменить словами "Санкт - Петербург", "Санкт - Петербургского", "Санкт - Петербургским".

Итак, Ленинград стал Санкт-Петербургом.

Что же происходило дальше?

В последующие годы данное событие не вызывало особого ажиотажа. В юбилейные годы на 10-летие, 15-летие, 20-летие о нем вспоминали журналисты, появлялись немногочисленные статьи в СМИ. Демонстраций и митингов по данному поводу не наблюдалось, проводились социологические опросы. Подробнее.

Рассказывает депутат «Ленсовета-21» Георгий Сергеевич Васюточкин³¹:

«В 1999 году был проведён финансируемый администрацией Смольного социологический (выборочный) опрос о названии города. Сам губернатор предложил принять двойное название: «Санкт-Петербург (город герой Ленинград)». Результаты опроса позволили счесть тему о названии города закрытой:

Санкт-Петербург – «За» - 40,8%.

Ленинград – «За» - 30,1%

Санкт-Петербург (город герой Ленинград) – «За» - 12,4%

Петроград – «За» - 4,5%.

³¹ Г.С.Васюточкин. Материал любезно предоставленный автору в 2015г.

Таблицы, в которые занесены результаты «опроса, в частности, и с разбиением по возрастным категориям, были опубликованы в главной городской газете «Санкт-Петербургские Ведомости»³².

Знаменательно, что отношение численности сторонников «Санкт-Петербурга» к численности граждан, голосовавших за «Ленинград» осталось практически неизменным: в 1991-ом году – 1,29, в 1999-м году – 1,36. Мы обречены на двоемыслие; по этому поводу хорошо сказал литератор Самуил Лурье: «Петербург окружён Ленинградом».

В 2001 г. (10-летие переименования) в газете «Санкт-Петербургские ведомости» появилась статья Инны Ивановой, в которой описывались переживания депутатов во время принятия решения о переименовании³³.

2006 г. (15-летие переименования). Публикуется статья Б.Л. Вишневого³⁴ с подробным анализом событий, связанных с возвращением имени городу и ролью А.Собчака.

2011 г. (20-летие переименования). Выходит брошюра «Ленинград – Санкт-Петербург. 20-лет. Возвращение имени»³⁵. В брошюре приведены основные нормативные документы и тексты современников и участников тех событий.

2011г. Интернет-газета vesti.ru приводит высказывания председателя Геральдического совета при Президенте РФ Георгия Вилинбахова и Председателя Синодального отдела по взаимоотношениям церкви и общества протоиерея Всеволода Чаплина о значении возвращения городу его исторического названия³⁶.

2011 г. председатель Центрального комитета организации «Коммунисты Петербурга и Ленобласти» депутат Сергей Малинкович заявил, что коммунисты не признают результаты опроса о переименовании города (он не изменил своего мнения и сегодня – март 2016г.).

³² Имя нашего города «Санкт-Петербургские Ведомости», еженедельное приложение «Афиша», 11-18 июня 1999 года.

³³ И.Иванова Санкт-Петербургские ведомости. 1 сентября 2001г.

³⁴ Б.ЛД.Вишневский. «О Петербурге и Собчаке. 15 лет назад город на Неве вернул свое историческое имя». Московские новости», 9 июня 2006 года.

³⁵ Ленинград – Санкт-Петербург. 20 лет. Возвращение имени. Законодательное Собрание Санкт-Петербурга, 2011.

³⁶

2011 г. Телефонный опрос ВЦИОМ проведен 15-26 сентября 2011 года в Санкт-Петербурге. Опрошено 1,2 тысячи респондентов. Более трети петербуржцев (37%) до сих пор считают переименование их города из Ленинграда в Санкт-Петербург, которое состоялось 6 сентября 1991 года, неправильным решением.

Как говорят данные опроса, основным минусом переименования петербуржцы считают лишние затраты, которые повлек за собой этот шаг (38%). Часть респондентов также считают, что название "Ленинград" имеет большое историческое значение (15%), по мнению 8%, название "Санкт-Петербург" является слишком длинным и труднопроизносимым.

Однако более половины петербуржцев (53%) уверены, что решение переименовать город из Ленинграда в Санкт-Петербург было правильным.

Как показал опрос, сами петербуржцы свой город чаще всего называют "Питером" (54%). Названия "Петербург" и "Ленинград" употребляют по 12% опрошенных. Все названия в равной степени используют 20%.

В 2013 г. «Левада-центр» проводил всероссийский социологический опрос, основной вопрос которого – переименования Санкт-Петербурга в Ленинград..

По результатам опроса «Левада-центра», в котором приняли участие более 1,6 тысячи человек из 45 регионов страны, 53% процента россиян против переименования Санкт-Петербурга, 30% - за и 17% затруднились ответить.

.....Опрос был приурочен ко дню рождения Владимира Ленина – вождь пролетариата родился ровно 143 года назад. По данным «Левада-центра», среди опрошенных за Ленинград выступили 35% рабочих и 34% пенсионеров – в основном жители маленьких городов и сел. Против переименования – 70% руководителей и 65% домохозяек. К самому Владимиру Ленину россияне также изменили свое отношение – если в 1995-м году 12% процентов опрошенных считали его диктатором, то в 2013-м эта цифра сократилась до 5%. По мнению 13% опрошенных, через 50 лет о Ленине будут вспоминать как о великом мыслителе, 17% - как о вожде, соблюдавшем интересы трудящихся, 28% - как об основателе Советского государства. 31% посчитал, что через 40-50 лет фигура Ленина будет интересовать только историков.

В 2013г. в издательстве Алетейя вышла книга «Возвращая Россию», в которой опубликованы статьи (в т.ч., статья депутата «Ленсовета-21» П.В.Цыпленкова), посвященные переименованиям города, его улиц и других объектов³⁷.

³⁷ Павел Цыпленков. «Вернуть городу Ленинграду историческое название...». Воспоминание депутата. В кн.: «Возвращая Россию». Сборник статей. Алетейя, СПб, 2013, с.14-20.

В 2015 г. автор провел анкетный опрос, касающийся возвращения имени Санкт-Петербург городу, среди депутатов «Ленсовета-21». Вопрос был один: Как голосовал в 1991 г., и как проголосовал бы сейчас. Из 381 избранных в 1991 г. депутатов к 2015 г. 76 человек умерло, многие ныне живут в других городах и странах, но, тем не менее, на празднование 25-летия «Ленсовета-21» пришло более 150 человек. Более половины вернули анкеты. Результаты: примерно 90% голосовали «за» переименование в 1991 г. и проголосовали бы «за» сейчас. Сравним это с результатами голосования на 7 сессии по вопросу о проведении опроса населения: «за» - 228; против – «18», воздержались – 8. Можно предположить, что голосовавшие за проведение опроса, проголосовали и за переименование, т.е., тоже примерно 90%. Сравним теперь с результатами голосования на 9 сессии по утверждению результатов опроса. «За» - 205, «против» - 47, «воздержались» - 17. Чуть более 75% - «за». Депутаты «Ленсовета-21» конечно изменились за 25 лет³⁸, однако, по принципиальным вопросам они и сегодня голосовали бы также как в 1991 г.

Можно утверждать, что имя Санкт-Петербург укоренилось, вошло в повседневную жизнь жителей города и страны, как вошли в быт мобильные телефоны и компьютеры.

До сих пор не утихают споры, чья заслуга была решающей в переименовании, при этом особое внимание уделяется роли А.А. Собчака. Сегодня распространено утверждение, что именно он вернул городу название Санкт-Петербург. С таким утверждением скромно согласен сам Анатолий Александрович³⁹, его вдова Людмила Нарусова⁴⁰, депутаты Ленсовета Ватаньяр Саидович Ягья⁴¹ и Бэлла Алексеевна Куркова⁴². У современников и участников тех событий другое мнение. Так считает большинство депутатов «Ленсовета-21», правозащитник

³⁸ О «Ленсовете-21» см. М.Горный «Ленсовету-21» - 25 лет». Телескоп, №3, 2015.

³⁹ А.А.Собчак. Что в имени твоём? Санкт-Петербургские ведомости, 19.04.1997

⁴⁰ Ксения Клочкова. «Нарусова: Собчак был перед Лениным» 20.02.2015. fontanka.ru

⁴¹ В.Ягья. В кн. «Ленинград – Санкт-Петербург. 20 лет. Возвращение имени», СПб, 2011, с.19.

⁴² Б.Куркова. В кн.: Биография Петербургского горсовета. Т.1, Издательство Александра Сазанова, СПб, 2005, с.402.

В.Э.Долинин⁴³, журналист и депутат Законодательного Собрания 5 созыва Б.Л.Вишневский⁴⁴, лидер движения Русское знамя И.Б.Иванов⁴⁵ и многие, многие другие.

Собчак в самом начале (1990 г.) был против переименования и аргументировал это тем, что сначала надо навести порядок в городе, накормить людей, а потом можно рассматривать вопрос о переименовании. В дальнейшем А.А. Собчак мотивировал свою позицию тем, что переименование – это оскорбление памяти блокадников; далее ближе к опросу, он утверждал, что переименование повлечет за собой лишние затраты. В связи с «лишними затратами» приведем воспоминания А.Н.Беляева⁴⁶: *«Были интервью, в которых Собчак указывал на, так скажем, несвоевременность и затратность переименования, звучала сумма 150 миллионов рублей, но она ничем не была подтверждена, не говоря о том, что ее и не потратили. У нас вообще не было в бюджете статьи на переименование. Сразу названия сменили только органы власти, и сделано это было за счет их текущих расходов. Для всех остальных мы предусмотрели пятилетний переходный период, в течение которого можно было менять вывески и бланки».*

Лишь перед самым опросом Анатолий Александрович резко изменил свою позицию и призвал жителей голосовать за возвращение названия Санкт-Петербург. По-видимому, такая метаморфоза связана с проведенными в то время социологическими опросами. Опрос о переименовании был совмещен по дате с выборами мэра, и основным претендентом выступал как раз А. Собчак. Опросы социологов в конце мая – начале июня показывали, что 42% респондентов против переименования, соответственно, и Собчак - против. Перед опросом мнение горожан постепенно меняется: все большая их часть выступает за Санкт-Петербург, и, чтобы не потерять электорат, Собчак меняет позицию на противоположную.

Приведем одну из цитат с высказыванием самого Анатолия Александровича.

А.А. Собчак. «Я знаю, - заявлял он, - что сегодня у переименования города довольно много сторонников. Но я не любитель поспешных решений. С нынешним именем город

⁴³ В.Э.Долинин: из книги «Общественная жизнь Ленинграда в годы перестройки 1985-1991. Сб. материалов / Сост. О.Н.Ансберг, А.Д.Марголис. СПб., 2009, с 492

⁴⁴ Б.Л.Вишневский. Легенда о возвращении. Анатолий Собчак был против переименования Ленинграда.
<http://flb.ru/info/25113.html>

⁴⁵ И. Б.Иванов. Движение за Санкт-Петербург: история зарождения, борьбы и побед.
<http://izput.narod.ru/dzspbl.html>

⁴⁶ Станислав Волков. Почему Собчак не хотел переименовывать Ленинград в Петербург. Материалы от 7 сентября 2011г.

пережил самый тяжёлый период, блокаду, и это имя вне всякой зависимости от политики сроднилось с жителями. Я думаю, славное имя Петра, основателя города, мы сможем восстановить в других вариантах...»⁴⁷.

Мое (да и не только мое) глубокое убеждение, что решающую роль в возвращении городу его исторического имени Санкт-Петербург, сыграли жители, выразившие свою волю на опросе 12 июня 1991 г., инициатором и организатором всего процесса выступил «Ленсовет-21» и его депутаты.

Раздел 2. Политологическое знание: теория и практика

Ирина Гоптарева, г. Оренбург

Постдемократия и легитимность: вопросы теории

Понятие постдемократии, впервые появившееся у Ж. Рансьера («Разногласие», 1995), затем у К. Крауча («Постдемократия», 2003) вызвало дискуссии о дефиците демократии, проявившемся, прежде всего, в ее деинституционализации и изменении легитимности⁴⁸. Деинституционализация демократии – кризис ее институтов, быстро устаревающих в эпоху глобализации, прежде всего, это кризис институтов контроля и легитимности, вызванный изменениями в политике и экономике:

- снижение социального контроля парламента (кризис института представительства), обусловленное растущей конкуренцией неправительственных организаций (НПО);

- ослабление взаимного контроля и антагонистического равновесия между различными сферами власти, в то время как «демократия – это совокупность институтов, легитимирующих

⁴⁷ Журнал «Огонек», №28, 1990.

⁴⁸ Meyer, K. Kritik der Postdemokratie. Rancière und Arendt über die Paradoxien von Macht und Gleichheit // Leviathan. Berliner Zeitschrift für Sozialwissenschaft. Heft März 2011. Ausgabe 1. S. 22.

политическую власть в трех отношениях: 1) осуществление социальных изменений без применения силы; 2) контроль и баланс структур власти; 3) политическое участие»⁴⁹;

- цинизм политических акторов по отношению к традиционной политике;
- возрастание популизма, приобретающего различные оттенки;
- спад избирательной активности, связанный с падением авторитета (в том числе, и численности) политических партий и института представительной власти;
- растущая апатия населения, в целом, электората, в частности;
- кризис сознания: оптимизм 60-х - начала 70-х гг. сменился глубоким пессимизмом, вызванным страхами перед ядерной войной, терроризмом, перед истощением ресурсов в экономически устойчивых странах, перед экологическими, природными катастрофами, перед всеобщей деградацией традиционных ценностей, перед экстремистскими государствами, несущими угрозу обществу⁵⁰ и т.п.;
- растущее бессилие публичных структур: сокращение достоверности информации, зависимость судов, неспособность профсоюзов к сопротивлению – отстаиванию интересов работника; партии, перестав быть инструментом или каналом представительства интересов граждан, превращаются в «самодостаточные механизмы», позволяющие делать карьеру тем, для кого политика стала ремеслом, и выталкивающие тех, кто хочет заниматься политикой «по совместительству», из гражданских побуждений; превращение политики в приватизированный и монополизированный бизнес, отнятый у граждан профессиональными политиками.

Складываемая постдемократическая практика управления и соответствующая ей легитимность (легитимность *после народа*, пострепрезентативная), по меткому выражению Ж. Рансьера, «устраняет как само явление народа, так и его разногласия...; возникающая при постдемократии консенсусная система, состоящая из режима мнения и режима права, в конечном счете, способствует исчезновению политики»⁵¹.

⁴⁹Dahrendorf, R. Die Krisen der Demokratie. Ein Gespräch mit Antonio Polito. München: C. H. Beck Verlag, 2002. S. 9-10. ISBN 3-406-48750-5.

⁵⁰Bauer W.T. Krise der Demokratie – Zukunft der Demokratie. Österreichische Gesellschaft für Politikberatung und Politikentwicklung ÖGPP. Wien, April 2003. S. 5-6.

⁵¹Цит. по Kajewski, M.-Ch. Postdemokratie. [URL] // Sozialethik Online. Режим доступа: https://www.ekd.de/sozialethik/download/Postdemokratie_Kajewski110503.pdf. Дата обращения: 16.06.2015.

Все эти сложные проблемы трансформируют демократию, она начинает меняться и приобретать черты постдемократии:

- деятельность представительских групп интересов становится активнее, чем деятельность граждан, т.к. при сохранении демократических институтов и процедур в формально-институциональной сфере происходит фактическое снижение широкого участия граждан в принятии политически важных решений;

- политика победивших на выборах партий как-то «незаметно освобождается» от содержания политики правительства, намеченной предвыборными программами партий; содержание же политики в дальнейшем определяется взаимодействием политических и экономической акторов («фирмой»/кланом/корпорацией и т.п.);

- смещение баланса законодательной и исполнительной власти в сторону последней;

- управление общественным мнением небольшой по численности политико-экономической элитой;

- падение доверия и уважения к политикам;

- противостояние политиков и общественности, в котором верх одерживают, преимущественно, первые, поэтому общественные группы не в состоянии активно и в собственных интересах воздействовать на политическую повестку дня;

- глобализация экономической элиты и партикуляризация остального населения способствует тому, что общественно-политические силы, озабоченные вопросом политического и экономического неравенства, теряют свое былое влияние и поэтому стремятся вернуться к иерархическому порядку преддемократического времени.

Постдемократия, с точки зрения сказанного, понимается как «видимость демократии в институциональном корпусе полноценной демократии»⁵², т.е. она минимизируется до такой степени, что от нее остается оболочка («старая упаковка»), от которой политические «вожди», пришедшие на смену демократическим лидерам, не решаются избавиться, чтобы не вызвать народного гнева.

⁵²Ritzi, C., Schaal, G. Politische Führung in der «Postdemokratie» // Aus Politik und Zeitgeschichte (APuZ). Januar 2010. 2-3. S. 10.

Если провести аналогию между демократическим процессом и рынком, то увидим смещение идеала демократии от спроса к предложению, смещение от демократии гражданского участия к ориентации на политического «вождя». Развитие политического потребительского рынка превращает избирателей в потребителей предложенных в ходе выборов программ. Растущая конкуренция политических предпринимателей на этом рынке усиливает конфликты за влияние на политические и экономические структуры.

В политической системе постдемократического периода граждане оказывают меньшее влияние на процесс принятия решений, вместо этого – политик-менеджер, чьи шансы быть избранным повышаются в зависимости от того, насколько оперативно он найдет ту часть недовольного существующим положением вещей электората, на которую другие участники предвыборной борьбы не обратили внимание, и включит их требования в свою политическую программу. В результате, избирателя смещает потребитель, а политика – организатор (антрепренер) политического рынка.

Ряд исследователей постдемократии XXI века считают ее главным признаком замену демократического лидера на «демократического вождя», который, в отличие от первого, осуществлявшего управление в интересах большинства и общего блага, под завесой демократии реализует свои личные интересы, используя властные полномочия, полученные от народа⁵³. Они связывают дефицит представительной демократии с усилением персонализации власти⁵⁴, что в свою очередь можно объяснить новыми образцами легитимности, вызванными инновационным сдвигом демократии, обусловленным развитием цифровых технологий, интернета, социальных сетей, служб (twitter, face book и др.), позволяющих избирателю напрямую общаться со своим кандидатом, позднее, с политиком, высшими должностными лицами государства, вплоть до президента страны. Всё это меняет основу легитимности демократии: сегодня при помощи интернета происходит реорганизация социальных отношений и процесса принятия политических решений, которые в силу новых технологий выходят за рамки медийных и инструментальных функций; интернет по-новому определяет вопросы общественного дискурса, соотношение между обсуждением проблемы и принятием политических решений, и т.д.

⁵³ См.: Helms, L. «Politische Führung» als politikwissenschaftliches Problem // Politische Vierteljahresschrift. September 2000. Volume 41. Issue 3. S. 411-434; Helms, L. Leadership-Forschung als Demokratiewissenschaft // Aus Politik und Zeitgeschichte (APuZ). 11. Januar 2010. Nr. 2-3. S. 3-8.; Ritzi, C., Schaal G. Politische Führung in der «Postdemokratie» // Там же. С. 9-15.

⁵⁴ Nolte, Paul. Von der repräsentativen zur multiplen Demokratie // APuZ. 3. Januar 2011. Nr. 1-2. S.10. ISSN 0479-611 X.

Управляемый или вождистский характер власти, целью которой становится реализация необходимых политических решений, с точки зрения «политического вождя», и освобождение представительной демократии от неспособности решать конфликты в плюралистическом обществе, т.е. в обществе, наполненном множественными противоречивыми интересами, представляют опасность для ответственности и легитимности демократического государства.

Проблема доминирующих в постдемократии процессов плюрализации, партикуляризации и деконсолидации состоит в том, что агрегация политических интересов с помощью партийных программ перестала быть эффективной, не дает нужных результатов, что грозит демократии недееспособностью. Это заставляет и политиков, и граждан защищать свой статус кво в плане большей сосредоточенности на краткосрочных рациональных задачах в ущерб необходимым реформам, требующим более взвешенного подхода и определенного времени. Поэтому политическая система перестает зависеть от гражданского участия (редуцирование легитимности на входе), на первое место выходят результаты политики, которые берется обеспечивать политико-медийный класс, используя различные технологические механизмы управления, все меньше рассчитывая на собственных граждан, и меньше привлекая их к участию в принятии решений (например, правительству проще использовать неквалифицированный труд мигрантов, чем реформировать отдельные отрасли экономики и т.п.).

Смещение акцента на легитимацию «на выходе» фокусирует внимание исключительно на результатах политических решений, воспринимаемых сегодня как политиками, так и большей частью общества как основной критерий демократии. Такое понимание легитимации, скорее, создает препятствие демократическому потенциалу, в то время, как показывает опыт западной демократии, она как нуждалась, так и нуждается в легитимации на «входе», обеспечиваемой гражданской активностью, разнообразием форм политического участия и т.п. Поэтому сохранение таких значимых элементов демократии, как вовлечение общественных групп в демократический процесс и идентификация их поддержки (одобрений) и действий с политическими решениями, могли бы помочь справиться с явными издержками постдемократии: негативным восприятием всего политического («отвращение к политике»), социальной апатией, политическим бессилием и т.п. Сегодня это относится не только к транзитивной, но и к западной демократии, утрачивающей спрос на организованное политическое участие⁵⁵. Эта структурная слабость демократии, вызванная, прежде всего, кризисом института представительства (снижение доверия к парламенту, в целом, ослабление функции парламентского контроля, снижение прозрачности законодательного процесса и

⁵⁵ Mouffe, C. «Postdemokratie» und die zunehmende Entpolitisierung // Там же. S. 3-5.

т.д.) в постдемократической практике стала замещаться личностью – «вождем», аргументирующего свои действия ссылкой на экспертов, находящих «объективные», «фактически правильные» решения, способствующие выходу из любой сложной (финансовой, экономической и т.п.) ситуации. Репрезентативная демократия заменяется патерналистской ответственностью (вместо «демократии народа» – «демократия для народа»). Это значительно сужает активность граждан при «входе» в политическую систему, а вместе с тем, и их ответственность за собственное благополучие, но повышает ответственность политического класса на «выходе» из системы, что способствует увеличению его полномочий по управлению народом-потребителем.

В свое время Й.А. Шумпетер, придерживаясь позиции сильной элиты, правящей в результате народного избрания на благо большинства, считал, что политический лидер следует идеалам изобретательного политического антрепренёра: проявляет инициативу, формулирует политическую повестку дня, формирует у граждан те политические предпочтения, с помощью которых впоследствии в процессе принятия решений будет вырабатываться консенсусная политика⁵⁶.

По К. Краучу, постдемократия отмечена разочарованием, фрустрацией, скукой, где представители влиятельных групп интересов гораздо более активны, чем гражданское общество, где политические элиты научились манипулировать требованиями и интересами народа, где граждан убеждают при помощи избирательной рекламы «все-таки прийти на выборы»⁵⁷. Постдемократия отмечена также усиливающимся влиянием специальных групп интересов/давления (бизнесмены, предприниматели, банкиры и т.п.), лобби на властные структуры.

В такой системе граждане фактически отчуждены от власти, хотя с формальной точки зрения, они наделены широкими политическими правами, в том числе, избирательными. В формально-институциональной сфере продолжают сохраняться демократические институты и процедуры, что создает видимость демократии, но в реальности народ отгорожен от процесса принятия решений увеличивающимися полномочиями политического «вождя».

⁵⁶ Postdemokratie // Freidenker. Juli 2010. Nr. 2-10. 69. Jahrgang. S. 12-15. [URL] // Deutscher Freidenker-Verband. Режим доступа:

http://www.freidenker.org/cms/dfv/index.php?option=com_content&view=article&id=258:postdemokratie&catid=53:demokratie-medien-aufklaerung&Itemid=91. 27.06.2015.

⁵⁷ Crouch, C. «We can't beat the monster, but we can be little flies that irritate it» // Powision: Neue Räume der Politik. November 2011. Jahrgang VI. Heft 2. ISSN 1864-9777. [URL]. Режим доступа: http://www.uni-leipzig.de/~powision/wordpress/wp-content/uploads/2012/08/Heft11_end.pdf. 16.06. 2015.

В период постдемократии происходит усиление политических и экономических элит в качестве главных акторов политических процессов. Им противостоят граждане, находясь по другую сторону выборов, как инертная и аполитичная масса. В то время как экономические акторы, почти невидимые для общества, действующие, как правило, на заднем плане публичной политики (лобби в парламенте, правительстве, министерствах и т.п.), едва ли воспринимаются как правящая элита, политические акторы, занимающие высшие должностные посты в управлении государством и центральное место в массмедийном пространстве, пытаются в качестве лидеров добиваться симпатии избирателей, их доверие и поддержку с расчетом на последующее переизбрание⁵⁸.

Если демократия предполагает определенный уровень политического образования избирателей, живое участие большого числа граждан в серьезных политических дебатах, в формировании политической повестки дня и т.п., то в фокусе постдемократии, несмотря на формальное наличие института выборов, по преимуществу находятся конкурирующие группы PR-экспертов, фокус-группы, политтехнологов, имиджмейкеров и т.п., которые так сильно контролируют публичные дебаты в период избирательной кампании, что они превращаются в спектакль, в котором, по преимуществу обсуждаются только те вопросы, которые выбрали его «постановщики».

Главной чертой постдемократической системы является смещение легитимности «на входе» в сторону легитимности на «выходе». При этом, как отмечают исследователи этой проблемы⁵⁹ демократические институты и процессы на формальном уровне выглядят так же, как и прежде: регулярные выборы, партийная конкуренция, разделение власти и т.д., но фактически демократическое начало в них выхолощено из-за снижения уровня гражданского участия. А поскольку участие представляет собой основу легитимности «на входе», образуемая легитимационная лакуна, заполняемая системой принятия решений «на выходе» (законы, правовые нормы, реформы и т.п.), оставляет в стороне активное участие граждан.

Если в период репрезентативной демократии (примерно, с XVIII века до 80-х годов XX в.) дискуссии о демократии и демократической легитимности велись в рамках почти неизменяемой понятийной лексики, то сегодня, как отмечает П. Розанваллон, произошла «революция легитимности»: категория общей воли радикально дифференцировалась, вместо сообщества репрезентативного гомогенного меньшинства – партикулярное общество, в котором индивиды постоянно пересматривают свою идентичность и социальные

⁵⁸ Ritzi, C., Schaal, G. Politische Führung in der «Postdemokratie» // APuZ. Januar 2010. Nr. 2-3. S. 11.

⁵⁹ Указ соч. Kajewski M.-Ch.; Decker, F. and all. Demokratie ohne Wähler? Neue Herausforderungen der politischen Partizipation. Bonn: Dietz Verlag, 2013. S. 40-42. ISBN 978-3-8012-0439-6.

коммуникации, которые Розанваллон связывает с расцветом «партикулярной экономики», где производительность работника измеряется его способностью мобилизовать свои собственные ресурсы для самостоятельного позиционирования себя на рынке труда; «...теперь уже недостаточно механически следовать предписаниям, работник постоянно должен приспосабливаться к меняющейся ситуации, проявлять инициативу, вовремя реагировать на неожиданные ситуации в процессе решения проблем»⁶⁰. Эта особенность экономических отношений не могла не сказаться на изменении отношений граждан к политическим институтам. Например, выборы как инструмент легитимации теряют свое значение. «Революция легитимности» является частью глобальной тенденции децентрализации демократии⁶¹. Для того, чтобы демократическое управление приобретало новые формы с четкими очертаниями демократической легитимности самой требуется постоянное обновление. Демократическая легитимация как процесс общественного признания всенародно избранных представителей власти – нестабильна, испытывает потребность постоянно доказывать свою правомерность, зависит от общественного восприятия действий демократических институтов. Более всего нестабильность легитимности стала усиливаться под влиянием резко возросшей «коммерциализации общественных услуг», «коммерциализации гражданства»⁶², что повлекло за собой появление, помимо традиционных (легитимность «на входе», легитимность «на выходе», легитимность «насквозь»), ее новых, постдемократических форм: легитимность беспристрастности, легитимность рефлексивности, легитимность близости/соседства⁶³.

Легитимность беспристрастности связана с государственными учреждениями, бюрократией, судами и функционерами как «беспристрастными наблюдателями, которые, несмотря на соблюдение всех необходимых дистанций, должны проявлять любопытство, сочувствие, сопричастность к объектам управления»⁶⁴.

Экспертотократия в этом случае придает демократии «временную консистенцию» для укрепления ее фундамента. Способность общества к демократическому самоуправлению

⁶⁰ Цит. по Kemmerer, A. Für welche Regierung spricht der Regierungssprecher? // Frankfurter Allgemeine от 22.08.2010. [URL]. Режим доступа: http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/rezensionen/sachbuch/pierre-rosanvallon-demokratische-legitimitaet-fuer-welche-regierung-spricht-der-regierungssprecher-1999076.html?printPagedArticle=true#pageIndex_2. 12.06.2015.

⁶¹ Gaus, D. Die Dezentrierung der Demokratie. Neuere Beiträge zur Demokratietheorie // Zeitschrift für Politische Theorie (ZPTh). 2012. Jg. 3. Heft 2. S. 298-299.

⁶² См.: Крауч, К. Постдемократия. М.: Изд. дом Гос.ун-та – Высшей школы экономики. 2010. С. 102-130. ISBN 978-5-7598-0740-7.

⁶³ Rosanvallon, P. Demokratische Legitimität: Unparteilichkeit, Reflexivität, Nähe. Aus dem Französischen von Thomas Laugstien. Hamburg: Hamburger Edition, 2010. S. 14. ISBN 9783868542158.

⁶⁴ Там же. С. 93.

предполагает новое понимание временного измерения демократической системы (легитимность рефлексивности).

Конституционное государство, в основе которого лежит принцип равенства прав и свобод, может гарантировать будущее, обеспечивающее консенсус между большинством и меньшинством (легитимность близости/соседства = демократия взаимодействия (интеракции))⁶⁵.

Конституционный суд, одной из функций которого – формирование общей воли (что отличает конституционные суды от судов общей юрисдикции, выносящих непосредственное судебное решение по конкретному делу), по Розанваллону, является основным признаком рефлексивной демократической легитимности, поскольку именно конституционное судопроизводство способствует дифференциации места, времени и форм публичного дискурса. Рефлексивность в данном случае помогает осмыслить факты, события и т.д. по-новому, с позиций временного промежутка, исторических прецедентов и т.п. Конституционное судопроизводство, требующее определенного времени, можно рассматривать как часть стратегии демократического государства, доказывающей, что демократический способ принятия решений, заслуживает доверия. Кстати, из всех демократических институтов (парламент, политические партии, общественное мнение, выборы) наибольшим доверием, например, у жителей ФРГ в настоящее время пользуется федеральный конституционный суд – ему доверяют более 80 % граждан этой страны⁶⁶.

Новая эра легитимности, начавшаяся по П. Розанваллону, в 80-е годы XX века, когда система «двойной легитимности» стала терять свою убедительность, причиной чему и является растущая общественная партикуляризация, радикально изменила условия управляемости и отношения общества к политике⁶⁷. Обостренное восприятие контрастов повседневности, особенно жизненных обстоятельств, ослабляет, прежде всего, легитимность управляющего слоя по заданной схеме. Представление о демократической универсальности как позитивном определителе общего блага потеряло свою былую ценность, хотя это, в целом, не меняет того факта, что легитимность, как и прежде, исходит из демократического дуализма (интересы общества/государства). В дальнейшем, демократия также должна приспосабливаться к двум различным атрибутам легитимности: с одной стороны, периодические выборы между сильно дифференцированными программами и представляющими их кандидатами, с другой, - создание

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Pickel, Gert. Wiederkehr der Autokratie, Postdemokratie, Politikverdrossenheit – Gibt es eine grundlegende Legitimitätskrise der Demokratie? [URL] // Powision: Neue Räume der Politik. 27. Mai 2013. Ausgabe 11. Режим доступа: <http://www.uni-leipzig.de/~powision/wordpress/magazin/gert-pickel/>

⁶⁷ Указ.соч. Rosanvallon P. С.12.

институций (совокупность норм, правил, традиций) блага для большинства, стоящих над этими дифференциациями.

Используя понятия «легитимность беспристрастности» и «легитимность рефлексивности»⁶⁸, П. Розанваллон объясняет, почему некоторые политические институты, которые иногда интерпретируются в теории демократии как наносящие вред демократии, на самом деле выполняют важную функцию в рамках демократического устройства. (В целом, П. Розанваллон рассматривает теорию демократии как рефлексию исторического опыта). Как правило, речь идет о контролирующих и регулирующих органах власти, нацеленных на укрепление демократической легитимности: поскольку они устанавливают контроль (например, парламентский) над практикой принятия и исполнения решений, они гарантируют определенные ожидания граждан, придерживаясь при этом беспристрастного поведения, и исходят из намерений рассматривать все стороны проблемы, учитывать любые ситуации⁶⁹. Именно таким образом они участвуют в реализации идеала негативного (в гегелевской терминологии – обнаружение недостатков) универсализма во избежание партикулярных льгот и привилегий.

Подобным образом П. Розанваллон рассматривает конституционное судопроизводство как подлинный демократический институт, поскольку он представляет в выгодном свете некоторые аспекты демократического универсализма, скрытые электорально-репрезентативными институтами. Благодаря ориентации на основные права человека и гражданина, конституционные суды формируют легитимность рефлексивности⁷⁰ и тем самым способствуют дифференциации демократического представительства. С одной стороны, конституционные суды сохраняют память об историко-формирующих элементах демократического сообщества, выполняя функцию коллективной памяти, являющейся своего рода противовесом краткосрочного периода политических выборов, с другой, - их практика контроля гарантирует волю большинства, включающей всеобщую волю граждан, обладающих равными правами.

Если легитимность беспристрастности и рефлексии каждого помогает создавать тот или иной тип политической институции, то легитимность близости относится к определенному общественному ожиданию образа действий властвующих⁷¹. Доверие к власти могут вызывать

⁶⁸ Там же. С. 93-94.

⁶⁹ Там же. С. С. 110.

⁷⁰ Там же. С.151.

⁷¹ Там же. С. 209.

ее отзывчивость, сострадание, понимание, сочувствие, признание «особенности» каждого дела, находящегося на рассмотрении, политика присутствия, интеракции, непосредственного участия⁷² и т.п.

На самом деле переход от демократии к постдемократии, как отмечают многие авторы⁷³, почти незаметен: стадия постдемократии наступает тогда, когда начинают попирааться принципы демократии, т.е., когда обещания равенства, самоуправления и т.д., остаются нереализованными, когда легитимность «на входе» заменяется легитимностью «на выходе», демократические процессы заменяются усиливающимися действиями групп интересов, как правило, большого бизнеса, влиянием лоббистов, а политика при этом как способ формирования и регулирования общественных связей, как процесс принятия и исполнения коллективных решений, минимизируется, что приводит к апатии и деполитизации широких социальных масс, растущей формализации политических конфликтов или разногласий. Все это вкупе с неолиберальной дерегуляцией экономики способствует в последние десятилетия политической самомаргинализации государства⁷⁴ (дефолты, банкротства и т.п., поражающие целые государства).

Олег Реут, Петрозаводск,

Татьяна Тетеревлёва, Архангельск

Политологическое знание на федеральных телеканалах: a Usable Politics?

В современной медиакультуре телевидение остаётся влиятельным источником, который поставляет огромной аудитории образы *политического* и формирует представления о способах функционирования политически организованного общества. Изучая телевизионные версии политических процессов, можно попытаться понять, каким правилам подчиняется переложенная на язык медиа деятельность субъектов политики по формированию, функционированию и преобразованию

⁷² Там же. С. 271.

⁷³ Jörke, D. Auf dem Weg zur Postdemokratie // Leviathan. 2005. Nr.33 (4). S. 482-491. [URL]. Режим доступа: <http://www.s-gs.de/texte/VR08Postdemokratie.pdf>; Schäfer, A. Krisentheorien der Demokratie: Unregierbarkeit, Spätkapitalismus und Postdemokratie // Zeitschrift für Public Policy, Recht und Management. 2009. Heft 1. S. 159-183; Crouch, C. Das befremdliche Überleben des Neoliberalismus: Postdemokratie II. Berlin: Suhrkamp Verlag, 2011. 248 S. ISBN: 978-3-518-42274-8.

⁷⁴ Указ.соч. Meyer. К. S. 22.

социально-политической системы, и какие особенности участия в политической жизни выделяются и артикулируются как в отдельных телепрограммах, так и на всём телепространстве.

За *политическим* в массовой культуре закреплены противоречивые смыслы. С одной стороны, именно оно актуализирует проблемы идентичности и ценностных ориентиров. С другой, представляется обоснованным заключение, в соответствии с которым именно с *политическим* в масс-культуре связаны негативные коннотации. «Политика – грязное дело». «Без политики». Актуально-политическое предстаёт слабо соединённым с проблематикой нормативного поведения, а скорее служит для конфликтного и однозначно понимаемого разделения на «своих» и «чужих», обозначения прагматических целей и корыстных интересов. Это подталкивает потребителя массовой культуры к выводу о том, что для разговора о *политическом* не нужны профессиональные знания, которые приобретаются в процессе специальной подготовки⁷⁵.

На отечественном телевидении, особенно региональном, политика становится общедоступной, «готовой к употреблению», что и позволяет определить её как *Usable Politics*. Любой гражданин, независимо от образования и уровня политической социализации, узнаёт о способах и методах осуществления политики, просто посмотрев телепередачу. Порой кажется, что экспертом в области политологического знания здесь может выступить человек, который стал известен и реализовал себя в совершенно любой другой сфере. Ведь и политика, и телевидение, ориентированные на практически неограниченное коммуникационное взаимодействие, представляются априорно совместимыми по своей природе.

Этому средству массовой коммуникации, особенно с учётом возможностей, открываемых при использовании Интернет-технологий, удаётся зафиксировать длящееся чувство настоящего, дискурсивно существующего в пространстве нынешней масс-культуры. Язык медиа без труда передаёт нынешнее актуальное «здесь и сейчас», приближая политические процессы к зрителям. Фактическая аккуратность, равно как и ощущение схожести *политического* с повседневно-бытовым, оказываются не менее важны, чем узнаваемость чувств, правда «общечеловеческих» радостей и страданий. Телевидение разрабатывает собственные технологии производства проживаемого политического настоящего, особые формы обращения к актуальным и востребованным источникам, событиям и свидетельствам.

Собственно помещение *политического* в медиасреду предопределяет основные параметры формирования коммуникативного пространства, в котором конгломераты идентичностей раскрываются, как принято считать, не только политическим, но при этом весьма эффективным образом. Именно игра идентичностей и идентифицирующих интерпретаций перемещает телепродукцию в различные семантические контексты, которые аудитория с удовольствием осваивает. Подобно прочим нарративам,

⁷⁵ Реут О.Ч. Политологическое знание в российском сегменте Интернета: проблемы поиска публичного языка // Вестник Пермского университета. Серия «Политология», № 2, 2012, с. 94-106.

определяющим соотношение идентичностей, результат телепроизводства неизменно задаёт поля единства и различия, однотипности и многообразия. Однако определяющим в установлении гетерогенности политико-медийного пространства страны выступает унификаторский режим господствующего властного дискурса.

Именно отсюда и возникают исследовательские вопросы, к которым авторы обращаются в данной статье. Может ли отечественное телепространство способствовать плюрализации через упрочение политических дискурсов, отличных от унитарного, навязываемого сверху? Или же аудитории предписано оказаться в тренде, влекущем масс-медиа к более иерархичному, «вертикальному», выстраиваемому извне обществу, которое отстаивает правящий политический класс. Неочевидное соотношение этих двух сценариев, находящихся в зависимости, среди других вещей, от уровня политологического образования, планируется раскрыть в этом материале.

Начать стоит с того, что выходящих сегодня в эфир телепрограмм, в которых непосредственно присутствует политологическое знание, довольно немного. И, конечно, совсем мало просветительских программ, непосредственно посвященных профессиональной экспертизе политических процессов. В сетке вещания федеральных каналов практически отсутствуют передачи не в формате телешоу, а также вдумчивые – документальные или выполненные в формате фильмов-расследований (но не разоблачений) – фильмы об актуальных политических событиях. Не будет преувеличением заключить, что преобладают новостные программы, в которых функция политического высказывания доминирует над образовательной.

В таких передачах представлена привычная для нетелевизионного пространства расстановка действующих лиц: два-три политолога-профессионала комментируют текущие события, повествуют о возможной подоплёке происходящего, обращаясь к широкой аудитории, априорно не имеющей специальной подготовки, но готовой узнать, например, о политической психологии, ставящей в центр исследований субъективные механизмы политического поведения. В этой модели заложены представления о «правильной» политологии, рассказываемой сверху, и «любительском интересе» к *политическому* снизу. Неоспоримое право говорить о *scientia politica* принадлежит группе специалистов. Их задача – найти сравнительно простые, увлекательные и непротиворечивые способы сообщить свое знание дилетантам, ведь «зрителям должно быть интересно и понятно».

Концентрация на увлекательном, а не аналитическом, субъективном, а не объективном в репрезентации *политического* во многом предопределена тем обстоятельством, что представление о политической истории, начиная с этапа освоения школьного курса истории России, формируется на основе характеристики сменявших друг друга государственных деятелей. Кризис формационной парадигмы, на основе которой строилось преподавание истории в советской школе, привёл в большинстве случаев к практически полному отказу от рефлексии относительно объективных факторов развития политических систем и режимов; политическая история страны нередко подменяется историей правителей, интриг и личного противоборства, и это задаёт условия репрезентации всех остальных

событий из сфер экономики, социальной и духовной жизни. Внутри нарратива делается акцент на истории тех «макровыборов» предельно персонифицированной власти, которым подчинялась и, следовательно, должна подчиняться жизнь «простого человека».

Поэтому телекомментаторы, как правило, скептически оценивают возможность установления общих закономерностей развития политических процессов и построения единой научной системы теоретических знаний, адекватной политической действительности. Для них приоритетные «прикладные» задачи политологии состоят не в предсказаниях чего-то ещё не существующего, а в том, чтобы добросовестно исследовать прошлый опыт, давая как можно более детальное описание сложившейся реальности. Таким образом, можно заключить, что из системы научного знания о политике и одновременно совокупности всех политических дисциплин наименее востребованной оказывается политическая философия, в центре внимания которой находятся фундаментальные основы политического бытия: что есть благо и справедливость в политике. В телевизионном приложении политология совсем не выглядит наукой об общих принципах и закономерностях политической жизни общества и их специфическом проявлении, о формах и методах их реализации в деятельности субъектов политики.

Обсуждаемые программы придают рассказу о политике, с одной стороны, «академические» черты – серьёзность, значимость, большую перспективу. С другой – сугубо публицистические: использование специальной терминологии соседствует с эмоционально окрашенной лексикой, без труда обнаруживается сочетание стандартных и экспрессивных средств языка, использование и конкретного, и абстрактного словарей. Именно поэтому в телекомментариях сохраняются интонации споров начала 1990-х годов, предполагавших, что многое в нашем представлении о политической жизни было искажено и скрыто, а теперь, благодаря отказу от доминирования сугубо идеологической функции медиа, стало доступно подлинное знание. Аудитории предлагается «заново открыть» для себя события совсем недавнего прошлого и их истинный смысл. По данной причине более актуальными оказываются политические события, память о которых еще жива или происходящие в настоящее время.

При этом качественная острота обсуждений управляемо притупляется. Это связано, в первую очередь, с тем, что сегодня в открытом информационном пространстве новые сведения тонут в море медиапрочтений и реинтерпретаций. И хотя это не исключает существования лакун и умолчаний, а также не подразумевает полного консенсуса относительно смыслов обсуждаемых событий и процессов, телеаудитория воспринимает конфликтующие интерпретации *политического* без прежнего энтузиазма.

Кроме того, в последнее время российское телевидение всё чаще обращается к формам и риторике советской политической культуры. Эта тенденция хорошо заметна даже в таких телеформатах, как выпуски новостей. Много говорится об «усталости народа от чернухи», о насущной «необходимости позитива». На фоне заметного отхода от строгой политико-правовой логики в освещении событий за пределами России во всё большей мере начинает преобладать комментарийный контент политологов-

профессионалов. В условиях такой медийной политики зрительский интерес к «узнаванию правды» обоснованно снижается.

Политика предстаёт скорее как некая объективная данность, наличествующая в качестве одной из четырёх сфер жизнедеятельности, а не как плод усилий субъектов политики и последующей интерпретации исследователями. Сам же образ *политического* определяется выбором лишь освещаемых событий и набором приглашённых комментаторов. Способ его представления отходит на второй план. Визуализация реализуется при помощи традиционных средств, которые ассоциируются исключительно с репрезентацией политической истории – фрагментов хроники, документальных, значительно реже художественных (как правило, относящихся к советскому периоду) фильмов, фотографий. В таких программах создаётся телевизионный образ своеобразного «исторического источника»: зрителю предъявляются документы, «извлеченные из архивов», – распоряжения, рапорты, письма, газеты, благодаря чему достигается эффект правдоподобия. Второй распространённый способ представления – упрощенный вариант инфографики, задействованный, как правило, при иллюстрировании результатов социологических опросов.

Конечно, такой способ подачи материала отчасти обусловлен спецификой телевизионного показа, предполагающего фрагментацию, дробность видеоряда. Быстро чередующиеся кадры и планы помогают удерживать внимание зрителей. Это в значительной степени визуальный интерес, потребление изображений. Не удивительна живучесть политической карикатуры, когда весьма примитивные графические сатирические (или юмористические) изображения ориентируют на эмоциональность, нацеленность на быструю реакцию аудитории и, в конечном счёте, на агрессивный антиинтеллектуализм, заменяющий рациональный, аналитический и критический подходы. Вместе с тем, известно, что скорость смены образов и высокий темп повествования затрудняют восприятие содержания.

Аутентичность знания политолога-профессионала подкрепляется довольно ограниченной совокупностью деталей – называются точные даты каждого события, даются полные названия, например, государственных органов, научно-исследовательских центров, общественных организаций, возникают отсылки к расходящимся контекстуальным полям. Все это, несомненно, повышает статус комментатора, но объективно мешает зрителю следить за хитросплетениями сюжета. В лучшем случае, он способен лишь уловить общую суть повествования, или зафиксировать повышенную сложность рассматриваемого предмета, или принять одну из множества оценок. Главным же остается сам образ *политического* – сложного, запутанного «в истории», глубоко противоречивого и требующего специальных компетенций для его извлечения на свет.

В эфире российских федеральных телеканалов регулярно появляются документальные фильмы и программы, повествующие о жизни известных людей или о ярких исторических событиях, в которых прошлое представлено глазами политолога. Так подчеркивается отсутствие принципиальной разницы

между «профессиональным» и «публицистическим» способами говорения о политике. Однако различия есть, и они довольно существенны.

Важной чертой политической телепублицистики выступает использование наиболее типичных для текущего момента общественно-политической жизни способов изложения материала, наиболее частотных лексических единиц, характерных для данного времени фразеологизмов и метафорических словоупотреблений. Злободневность содержания заставляет искать актуальные формы его выражения, общепонятные и в то же время отличающиеся свежестью, новизной. Телепублицистика является основной сферой возникновения и наиболее активным каналом распространения языковых неологизмов: лексических, словообразовательных, фразеологических. Как известно, поэтому данный стиль оказывает существенное влияние на развитие языковой нормы.

Можно заключить, что если политолог-«академик» ориентируется на официально-деловой стиль, то политолог-«публицист» скорее отдаст предпочтение стилю журналистского повествования. В таком случае иноstileвые элементы включаются в состав выразительных средств публицистического стиля, усиливая взаимодействие разностилевых единиц в рамках теленарратива. Отсюда и связывание фактов, выстраивание логики происходящего под углом зрения тайн и сенсаций. Сами передачи анонсируются как повествования об «интригах и заговорах», «политических масках» и «кровавых драмах». Объяснения фактического материала строятся на основе культурных стереотипов и клише, хорошо известных аудитории. Меняется и стилистика речи: она допускает использование конструкций обыденного языка, оценок, вынесенных с точки зрения «здорового смысла».

Однако равенство политолога-«публициста» с телезрителем иллюзорно. Благодаря формальной простоте содержание, логические допущения и переходы сильнее нагружены ценностно-идеологическими подтекстами. В таких телепередачах, как правило, хотя и нет прямого школярства, смысловые акценты расставлены предельно ясно. Конечно, в этом проявляется общий тренд на «приватизацию» социально-культурных пространств, включая систему образования и научных исследований. Побочным следствием рассматриваемого явления оказывается изолированность части профессиональных политологов, специализирующихся на политической теории, от новых возможностей присутствия в публичной сфере. В этом же ряду стоит отметить и определённое разочарование в научном активизме на уровне общественно-политической жизни, сокращение рынка академического труда в России двухтысячных годов вкупе с растущей дифференциацией между «звёздами» профессионального сообщества, отказавшимися от теоретизирований в пользу медиаприсутствия, и теми, кто испытывает интеллектуальный восторг от нахождения в границах замкнутого профсообщества.

Стоит уточнить, что вышеописанному сегодня способствуют качественные изменения в способах генерации и трансляции политологического знания. Медиатизация отвечает ожиданиям телеаудитории от описания, например, национально ориентированных особенностей политического опыта, проявляющихся посредством межпоколенной трансляции норм и ценностей. В такой ситуации

теледостоверность замещается имитационными формами, простотой и однородностью, что делает её чувствительно пластичной, податливой для внешнего воздействия. С другой стороны, теледостоверность объективно перестаёт быть достоинством профессионального политолога. Получается, что он уже не должен выявлять и доносить достоверные факты, не обязан в неперменном порядке обладать собственным мнением об этих фактах и квалифицированно его формулировать. В этом смысле, осознавая, что политика занимается приданием фактам ценностей, а политические науки отделяют ценности от фактов, политолог должен не сообщать, а говорить. Описание, систематизация и объяснение политических процессов посредством системы понятий, идей и теоретических построений способствуют, но не обеспечивают полноту достоверного представления о *политическом*.

По существу, через дискурс теледостоверности можно выделить некоторые общие черты, присущие феномену восприятия политологического знания со стороны аудитории. Во-первых, это отрицание политических наук в качестве самостоятельной группы наук, обладающей собственным понятийным аппаратом, аксиоматическими допущениями и объяснительными моделями. Для телезрителей политологические исследования – лишь некий непрекращающийся, не имеющий чётких границ и целей комментарийный процесс, который не может и не должен претендовать на создание теоретических конструкций. Этому способствует и тот факт, что политологи рассматривают, например, идеологии как социально конструируемые феномены, в то время как телезрителям удобнее воспринимать их в качестве внешним образом полагаемой реальности. Данное наблюдение отражает актуализацию оппозиции «социально сконструированное / объективное», пришедшую посредством конструктивистской теории на смену классической дихотомии «субъективное / объективное».

Во-вторых, в отличие от некой совокупности рационально алгоритмизированных методов познания, постулируется ценность релятивизма и нормативности. Объясняется это тем, что сами политологи встроены в замкнутый – определённый политикой телеканалов – контекст, что не позволяет им увидеть более широкую картину. Отсюда и заряженность телезрителей на восприятие себя как части «нормального» общественного консенсуса: всё, что делает власть, – благо, народ не может не поддерживать то, что делается для его блага, а те, кто не поддерживает, вне сомнений, действуют вопреки интересам народа.

В-третьих, комплекс политических наук узко воспринимается соотносительно с политической властью, сама же политология выступает как наука о власти, о способах её завоевания и удержания. Хотя определение политики в категориях властных отношений представляет собой не более, чем одно из проявлений группы сущностных дефиниций, ориентированных на раскрытие методологически приемлемой первоосновы. Подобное сужение предмета политических наук не может не вести к самому серьёзному искажению понимания её сути и задач.

Телевизионная версия политологического знания зачастую рассматривается как хранилище рационально воспринимаемых описаний и объяснений, которые в определенном контексте придают вес тем или иным политическим доводам и, следовательно, подтверждают требуемые идеологические

установки. В этом проявляется и обыгрывается роль современных средств массовой информации, ориентированных на выполнение функций политического аргумента.

Интерпретационно-обслуживающая модель деформирует уровень вопросов, по поводу которых высказываются профессиональные политологи. Другими словами, роль академии в публичном пространстве ослабевает именно по причине того, что представители политологического сословия ставят мелкие вопросы или стремятся рассматривать большие темы самым детальным образом, что приводит к выявлению конкретно исторических подробностей, но никак не к появлению идей, имеющих важные общественно-политические последствия. Отчасти это происходит потому, что темы обсуждений берутся из ситуации «комментирование текущих событий», а не из совокупности внутривластных или общественно-политических противоречий. Несмотря на то, что системное осмысление столь же увлекательно, как и «техническая» виртуозность, интеллектуалы, ставящие масштабные вопросы, перемещаются на периферию публичного пространства.

В последнее время на отечественном телевидении появляются проекты, ориентированные на снижение интерактивности, развитию которой ещё несколько лет назад уделялось повышенное внимание. Возможности обратиться в прямом эфире к приглашённым экспертам резко ограничиваются: уже практически нет передач, во время выхода которых телезрители могли бы позвонить в студию, задать вопрос через короткое сообщение с мобильного телефона, проголосовать, выразив поддержку позиции, например, приглашённого собеседника.

На федеральных телеканалах получают распространение выходящие в записи классические ток-шоу со зрителями в студии. При внешней форме свободного диспута пределы коридора, по которому развивается дискуссия, предельно сужены. Как максимально персонифицированная телеформа, наряду с вопросно-ответной основой этого жанра, ток-шоу «затачиваются» на позиции приглашённых профессионалов и могут быть рассмотрены в качестве варианта политологической практики.

Поиск языка, при помощи которого можно устанавливать связь со зрителями в студии ток-шоу и с более широкой аудиторией, представляется нетривиальной задачей. Уметь писать и говорить «за пределами дисциплины» означает проявлять компетенцию размышлять об общественной жизни, быстро переключать языковые регистры с обсуждений серьёзных журналов, книг и сайтов на актуальные дискуссии. Но не менее важным оказывается и навык реагирования на телеколлажность, когда сопутствующий комментарию видеоряд включает мультимедийные заставки, компьютерные «окна» с различной информацией, изображения курсора, «загрузки файлов» из «базы», тексты, появляющиеся на экране смартфона. В конечном счёте всё это призвано создавать ощущение достоверности, привлекать зрителя и удерживать его внимание.

В этой связи важно подчеркнуть, что содержание обсуждаемых телепрограмм находится в полном соответствии с их формой. Политические события соседствуют с подробностями из частной жизни политиков, журналистскими штампами, подтверждающими стереотипные зрительские представления.

С одной стороны, в этом соседстве нет ценностной ангажированности. Ориентированное на лёгкость восприятия и довольно часто – на коммерческий успех, оно могло бы прочитываться как выражение определённой свободы по отношению к условностям «политических механизмов» разрешения общественных проблем, но подобной трактовке мешает опора на клише обыденного сознания.

С другой стороны, это – пример нейтрализации *политического*. Сентенции о том, что современное российское телевидение «нейтрализует политику», стали общим местом для политологов-«академиков». Как правило, в их интерпретации политика является системой представительства интересов, способом делегирования гражданами права управления обществом. Соответственно, политическая субъектность концептуально базируется на способности представлять интересы различных социальных групп. Исходя из такой трактовки, телевизионная версия деполитизации проявляется, например, в решении большинства злободневных проблем так называемым «непредвзятым», «пост-идеологическим» экспертом, предстающим в качестве носителя «рационального знания», или в сокращении электорального пространства посредством заградительного процентного барьера при выборах, запрета на создание партийных блоков и объединений, жёстком выборе в пользу подписей или денежного залога при регистрации. Последствия подобной нейтрализации проявляются в том, что политические способы управления заменяются административными; при этом вытеснение политики одновременно означает сужение сферы публичности и прозрачности, равно как и укоренение управленческих практик, основанных на теневых, негласных отношениях.

Получается, что граждане, включая телевизор и останавливая свой выбор на политической передаче, начинают тяготеть к выразителям мнений, которые подкрепляют их собственные взгляды и убедительно обещают не ставить их под сомнение. Именно таким образом оформляется телеаудитория, но не публичное пространство. Как авторитетному голосу академического политологического знания найти своё место в медиакультуре? Ведь публичное знание – это не просто новый рынок труда. Оно преодолевает последствия деполитизации, возвращает политику в публичное пространство, формируя особую сферу *Usable Politics* – «политики, пригодной к употреблению».

Без сомнений, телевизионная версия политологического знания синтезирует черты профессиональных и обыденных представлений, интеллектуальной и массовой культуры. Комментарии и дебаты здесь помещены в контексты настоящего времени и рассматриваются с точки зрения пользы, утилитарности, прагматизма в решении сегодняшних проблем. И даже если оценки выносятся, как правило, с опорой на «здравый смысл», на убеждения и предубеждения, которые, предположительно, разделяет большинство аудитории, то стоит, по крайней мере, признать, что такой подход имеет мало отношения к реальному политологическому знанию, хотя и облегчает обществу процесс постоянного диалога о способах и методах осуществления политики, что выступает материалом для построения новых моделей политической идентичности.

Нелиберальные демократические институты как фактор порождения авторитарных политических практик

Реанимация господствовавшего в России на протяжении почти всей ее политической истории авторитарного политического порядка – это не исключение из правил, а, скорее, закономерность, дань традиции, которую несколько раз пытались сломать, однако, все возвращалось на круги своя. «Оттепели» в России случались, с одной стороны, по причине естественной или насильственной смерти царей, генеральных секретарей, с другой – в силу острой необходимости политических и экономических реформ, когда со всей очевидностью вставал вопрос о том: быть или не быть России как государству. Когда благодаря либерализации экономики, первым шагам по пути политической модернизации и, наконец, просто счастливой случайности удавалось разминуться с пропастью – тут же следовал сдвиг в сторону авторитарных традиций и механизмов, которые в России издавна считались наиболее надежными, поскольку позволяли, сосредоточив всю власть в одних руках, обеспечить ее безопасность.

Сторонники возвращения в лоно авторитаризма рассматривали его как альтернативу хаосу в стране в первые и последующие годы после распада СССР, возможность восстановления твердого порядка. В качестве аргументов в пользу этой тенденции приводились ставшие достоянием истории авторитарные концепции французского мыслителя Ж. де Местра, уповавшего на авторитет как на сердцевину государственного порядка и стабильности, на теорию русского философа И.Ильина с его авторитарно-воспитывающей диктатурой, которая только и может обеспечить переход отсталых стран к современной демократии.

В России «великий князь, царь, император, вождь, генеральный секретарь, президент – это всегда самодержец, воплощение самодержавной власти... Самодержавный характер власти – это не только архаика (хотя и архаика тоже), но прежде всего способ удержать от развала огромную по территории, полиэтничную страну. Еще Екатерина II писала, что «Российская империя есть столь обширна, что кроме самодержавного государя всякая другая форма правления вредна ей, ибо все прочие медлительнее в исполнениях»⁷⁶. Это был такой способ самооправдания самодержавия в глазах нарождавшегося общественного мнения, с которым во избежание общественных потрясений приходилось считаться. И, тем не менее, энергичная и

⁷⁶ Пантин В.И. Мировые циклы и перспективы России в первой половине XXI века: основные вызовы и возможные ответы / В.И.Пантин. Дубна: Феникс +, 2009. С. 216.

способная к принятию быстрых решений, особенно во время войны, самодержавная власть, исчерпав свои ресурсы, вынуждена была прибегать к услугам демократии: «несмотря на воспроизводящийся самодержавный характер российской власти, она нуждается и в некоторых, пусть даже декоративных, демократических институтах, будь то Земский Собор, Верховный Совет или государственная дума с Общественной Палатой»⁷⁷.

Поэтому причины политических «приливов» и «отливов» в стране лежат не только и не столько в плоскости институционального дизайна, сколько в немалой степени обусловлены теми установками, ценностями и в целом специфической политической культурой, которые складывались веками в условиях России царской, советской и постсоветской. Менялись политические системы, опрокидывая друг друга посредством радикального революционного насилия. Менялись название страны и должности первых лиц государства, но почти неизменной оставалась авторитарная суть российской политики. Российская политическая практика неудержимо тяготела и тяготеет к авторитарным методам и средствам отправления власти независимо от того, в рамках какого политического режима это происходит.

Можно с уверенностью предположить, что неинституциональные факторы в политическом устройстве России, как правило, довлеют над институциональным оформлением политического порядка. Перечень неинституциональных факторов немал и распространяется от персоналистской гипертрофированности власти до патрон-клиентских отношений во внутривластной системе, от клерикализации сферы политики и до харизматической легитимности национального лидера. Конечно, неинституциональные факторы стараются всячески скрыть, используя для их «камуфлирования» демократическую ширму, суть которой, в конечном счете, сводится к утверждению нелиберальных политических институтов.

Целью предлагаемой статьи является выяснение, во-первых, глубинных причин возникновения авторитарных трендов в историческом развитии страны, во-вторых, определение степени каузальности между нелиберальной демократией и авторитарными политическими практиками, в-третьих, каким образом авторитарные практики начинают реализовываться на базе демократических институтов, превращая их в имитацию?

Исходя из необходимости выбора теоретического основания исследования, предпочтение отдается базовому понятию «тип развития», являющему собой соотношение между задачами развития общества и реально существующими ресурсами, которые возможно использовать для решения задач. По мнению О.В.Гаман-Голутвиной, именно тип развития является ключевым фактором, определяющим специфику организации власти и политической

⁷⁷ Пантин В.И. Мировые циклы и перспективы России в первой половине XXI века: основные вызовы и возможные ответы / В.И.Пантин. Дубна: Феникс +, 2009. С. 217.

организации общества в целом⁷⁸. Принято говорить об инновационном и мобилизационном типах (моделях) развития, которые, как правило, в чистом виде не существуют, а представляют собой промежуточные формы.

Совершенно очевидно, что между моделью развития и формами и методами политической организации существует тесная взаимосвязь. Инновационный тип развития характеризуется наличием в социуме значительных экономических, научных, технологических, информационных и, наконец, политических ресурсов. Превалирующая роль в этой системе факторов принадлежит, конечно же, экономике, когда «экономические интересы хозяйственных субъектов совпадают с интересами государства (последнее фактически реализует интересы экономических субъектов); роль импульсов развития выполняют внутренние экономические потребности, обусловленные собственным органическим ритмом движения общества; наличные ресурсы соответствуют возникающим потребностям, а в социальном регулировании велика роль элементов саморегуляции»⁷⁹.

Как видим, в условиях инновационной экономики определяющими тенденциями являются совпадение интересов хозяйствующих субъектов и государства, особая роль феномена самоорганизации, что означает серьезное влияние гражданского общества на государство, контроль за ним не только в сфере экономики, но и в других сферах человеческой деятельности, где ценностью становится свобода человеческой личности с широкими возможностями автономной самореализации. Таким образом, создаются условия для формирования «адекватных» граждан⁸⁰, независимых в экономическом отношении, самодостаточных – в политическом. Настоящие граждане – это «озабоченная публика», по выражению Г.Алмонда. Они не только «эксперты», но и «деятели», причем в основе гражданской деятельной активности лежит свойственное им «системное чувство страны»⁸¹.

Мобилизационный тип развития как следствие действий в условиях острой нехватки ресурсов (интеллектуальных, финансовых, временных, внешнеполитических) «формируется как инструмент разрешения противоречия между потребностями государства и возможностями населения по их решению. Это противоречие является основой несовпадения политических интересов и целей государства (суть которых – обеспечение безопасности и развития в

⁷⁸ Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. С.33.

⁷⁹ Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. С.34.

⁸⁰ Термин принадлежит известному ученому в области теории журналистики Прохорову Е.П.

⁸¹ См. Прохоров Е.П. Журналистика и демократия. М.: Изд. РИП-холдинг, 2001. С.83.

условиях дефицита ресурсов) с интересами и целями хозяйственных субъектов»⁸². Иными словами, наблюдается дисбаланс между интересами государства и гражданского общества, который в условиях авторитарного политического порядка порождает конфликты преимущественно латентного характера. Для сохранения видимого баланса государство обращается к средствам принуждения и насилия: «По существу мобилизационный тип развития – это милитаризованный тип организации социума, в условиях которого насилие выступает в качестве компенсаторного механизма, призванного восполнить дефицит необходимых ресурсов развития»⁸³.

Однако важно отметить, что милитаризованный характер общественных отношений сложился вынужденно в условиях мобилизационного типа развития. Не испытывая симпатий к мобилизационной модели развития, на вынужденный характер использования насильственных средств в России обращает внимание известный западный исследователь Р.Пайпс, который пишет: «Природа... предназначила России быть раздробленной страной, составленной из множества независимых самоуправляющихся общностей»⁸⁴, однако, «военная организация делалась просто необходимой, ибо без нее нельзя было проводить столь жизненно важную для народнохозяйственного благополучия России колонизацию»⁸⁵.

При этом нельзя оставить без внимания и такую особенность авторитарного политического режима, как его склонность к использованию специфической наступательной риторики с целью формирования массового сознания, основанного на идеях «осажденной крепости», стержнем которых становятся императивы милитаристского характера. Наличием врагов оправдывается беспомощность властей и отсутствие креативных идей, неспособность к модернизации экономики и обеспечению жизненно важных социальных прав граждан. От риторики, выдержанной в военно-наступательных тонах, до территориальных притязаний к соседним государствам, которые, как многим кажется, незаконно владеют чужими землями, – один шаг. Нередко по прихоти авторитарных государств вспыхивают военные конфликты, оправдываемые, с одной стороны, стремлением к исторической справедливости, с другой – заботой о национальной безопасности страны, сохранением ее территориальной целостности.

Обреченность на мобилизационный характер развития делает практически невозможной изменение траектории движения страны во времени и в пространстве. Поэтому модель

⁸² Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. С.35.

⁸³ Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. С. 36.

⁸⁴ Пайпс Р. Россия при старом режиме // Независимая газета. 1993. С.35.

⁸⁵ Там же. С.35.

развития или, точнее сказать, преобладание инновационной, либо мобилизационной тенденции в ней, предопределяет дизайн политической организации общества и, соответственно, суть политических институтов. Можно сказать, что нелиберальные политические институты есть порождение утвердившегося мобилизационного типа развития страны.

Судя по отмеченным признакам, характерной для России моделью развития является мобилизационная ее разновидность, сформировавшаяся в значительной степени под воздействием, с одной стороны, природно-географической среды с ее неплодородными землями и суровым северным климатом, с другой – непродолжительным летним временем, отпускаемым для проведения сельскохозяйственных работ и получения урожая, необходимого для продовольственного обеспечения страны.

Присоединению новых более плодородных земель – характерная черта всех без исключения великих держав мира и континентов – вкупе с усилением самодержавной власти в случае с Россией создает спрос на обеспечение безопасности и обороны страны, на ее форсированное развитие в условиях дефицита ресурсов. Благое желание по расширению территориальных пределов, демонстрирующее растущую военную мощь государства, требует еще больших затрат для их сохранения. В этих условиях важнейшими факторами усиления ресурсных возможностей становятся чрезвычайные меры, основанные на страхе и насилии, используемых для достижения цели административно-репрессивным аппаратом, который, будучи фактически бессменным, неконтролируемым, не допускает и мысли о своей зависимости не только от подданных монарха, но и от институтов парламентаризма, пребывающих, как правило, в опереточном состоянии. Пренебрежение чрезвычайно важной для сохранения тренда развития обратной связью между лицами, принимающими решения (ЛПР), и подданными (гражданами) приводит государство, в конечном счете, к летальному исходу, что в XX веке с Россией случалось дважды.

В целом же крайне востребованное в рамках инновационной модели развития институциональное разнообразие, характеризующееся конфликтностью в рамках установившихся «правил игры», является угрозой для авторитарного политического порядка. По С.Хантингтону, простые формы правления имеют больше всего шансов для вырождения, в то время как государство смешанного типа с большей вероятностью окажется устойчивым⁸⁶. В данном случае речь идет об институциональном и функциональном разнообразиях потенциальных и реальных возможностей демократических политических систем в сравнении с авторитарными, которые к подобному разнообразию не стремятся, полагая, что именно они являются факторами нестабильности в сфере политики. Поэтому любое упоминание о

⁸⁶ Huntington S. Political Order in Changing Societies. New Haven and London: Yale University Press, 1968. P. 32-42.

конфликте, тем более об институционализированном конфликте, вызывает аллергию в среде авторитарных руководителей.

Мобилизационные тренды с целью придания авторитарному политическому режиму привлекательного образа могут создавать квазидемократические институты, но их контент не может быть либеральным, поскольку это будет в любом случае угрозой его существованию. Как справедливо отмечает Ф.Закария, в разных частях света режимы, избранные демократическим путем (причем многие из них переизбраны повторно или подтвердили свою легитимность в ходе общественных референдумов), сплошь и рядом игнорируют конституционные ограничения своей власти и лишают граждан фундаментальных прав⁸⁷. По Ф.Закария, этот феномен наблюдается повсюду, поэтому его можно назвать «нелиберальной демократией»⁸⁸.

В условиях нелиберального политического порядка, что означает дрейф в сторону авторитарного политического устройства, институты стремительно превращаются в симулякры, имитирующие демократические институты. Так происходит с выборами, которые почему-то продолжают называть демократическими. В них власти по-прежнему нуждаются, поскольку выборы, имея почти абсолютный управляемый характер, наделяют власти правом на властвование, т.е. важнейшим властным ресурсом – легитимностью. По мнению известного российского политолога А.И.Соловьева, «авторитарная власть способна обеспечить лишь принудительную легитимность. Но столь ограниченная в своих возможностях общественная поддержка сужает для режима возможности политического маневра, гибкого и оперативного управления в условиях сложных политических кризисов и конфликтов»⁸⁹. Однако динамика новейшего авторитаризма демонстрирует его удивительную способность к самовывживанию, как это обнаружилось после решительного наступления демократической оппозиции, поддержанной гражданами, недовольными фальсификацией выборов в Государственную Думу в декабре 2011г.

Всерьез озабоченные размахом оппозиционных выступлений власти использовали широкий спектр средств и методов против оппозиционно настроенных граждан и их лидеров. От обвинения в подкупе их Госдепом США до провокаций на Болотной площади г. Москвы, что позволило преследовать наиболее активных граждан с применением УК РФ. Успехом оппозиции казалось бы стало начало политических реформ, а именно решение властей о

⁸⁷ Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами / Пер. с англ. Под ред. В.Л.Иноземцева. М.: Ладомир, 2004. С. 6.

⁸⁸ Там же. С.6.

⁸⁹ Соловьев А.И. Политология: политическая теория, политические технологии. М.: Аспект Пресс, 2001. С. 250.

возвращении выборов губернаторов российских регионов. Однако выборная процедура, в конечном счете, была обставлена множеством рогаток (например, муниципальным «фильтром» для кандидата, претендующего на должность главы субъекта федерации), которые свели на нет усилия оппозиции и «адекватных» граждан. Возможность для регистрации большого количества политических партий, на первый взгляд, создает необходимые условия для конкуренции между политическими акторами. В действительности же некоторые политические партии демократической ориентации не могут зарегистрироваться в качестве полноправных участников избирательного процесса, поскольку ими собранные подписные листы оказываются забракованными под разными предлогами региональными Центризбиркомами. Более того, ответственные за сбор подписей лица начинают преследоваться в уголовном порядке за, якобы фальсификацию предвыборных документов. В данном случае как региональные избирательные комиссии, так и суды, действующие в интересах сохранения статус-кво, выступают в роли нелиберальных политических институтов, способствующих усилению авторитарного режима в его персоналистском исполнении. Таким образом, как отмечает В.М.Кулагин, неизменной чертой авторитаризма остается недопустимость политической состязательности и появления реальной оппозиции, которая могла бы отобрать у автократии власть⁹⁰.

Продолжая поиск ответа на вопрос о том, каким образом авторитарные практики начинают реализовываться на базе демократических институтов, превращая их в имитацию, отметим, что современный российский политический режим, как считают известные российские политологи И.Бусыгина, Л.Шевцова, является гибридным. Это означает сложное сочетание демократических и авторитарных процедур и механизмов управления и демонстрирует способность режима сохраняться продолжительное время, а значит — представлять собой определенное равновесие (эквilibриум). Жизнеспособность ему придают, как уже отмечалось, привлекательный образ, который господствует в массовом сознании россиян и до недавнего времени был симпатичен на Западе, пока Россия не посягнула на существующий миропорядок, установленный в рамках Ялтинско-Потсдамского мира.

Следствием преимущественно мобилизационной модели развития страны становится возвращение к патриархально-самодержавного типа политической культуре с возобладанием традиционных ценностей, индикатором которых является народная мудрость («моя хата с краю – я ничего не знаю», «пусть барин приедет, барин и рассудит»). Власть до поры до времени сохраняется за счет сакральной легитимности национального лидера и его способности поддерживать порядок и обеспечивать защиту от внешней военной агрессии. Однако

⁹⁰ Кулагин В.М. Соревнование «либерального» и «авторитарного» проектов в контексте глобализации / Современные глобальные проблемы мировой политики / Под ред. М.М.Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2009. С.219.

сакральная легитимность – явление хрупкое: оно требует невероятных усилий от царя, генсека, президента по сохранению мессианского ресурса. Подобный тип легитимности, до поры до времени державшийся на «народной любви» к вождю, имеет обыкновение терять свою значимость, как только обнаруживается его неспособность одерживать военные победы, чтобы удовлетворить ура-патриотические запросы населения, и – накормить страну. Проблема «пушек» и «масла» возникает в самый неподходящий момент, но авторитарная власть уже – заложник ситуации, потому что и «пушки» и «масло» она одновременно позволить себе не может.

Традиционная политическая культура, в которой превалируют интересы государства в рамках мобилизационной модели развития, порождает тип подданного как личности с авторитарным характером. Для такого типа личности присущи построение двухполярной системы взаимоотношений с миром, деление людей на сильных и слабых, неосознанное стремление примкнуть или подчиниться более могущественной силе, преклонение перед военной или просто физической силой. Эти люди по определению не могут быть созидателями новой конструкции власти, готовой к самоограничению и к ее потере в результате демократических выборов.

Либеральных демократических институтов в России, по сути, еще не было. На заре демократических преобразований после победы над ГКЧП Россия фактически отказалась от системы разделения властей. В соответствии с новой Конституцией РФ, Президент страны оказался над системой разделения властей и получил право единолично определять внутреннюю и внешнюю политику страны. Этот конституционный изъян привел к беспрецедентному сосредоточению власти в одних руках, еще более усилив авторитарные ресурсы власти.

Российское политологическое сообщество дискутировало по поводу преодоления этой конституционной «ловушки», приведшей страну к автократическому правлению. Конституционно-правовой взгляд на проблему высказал известный юрист-конституционалист, в прошлом помощник первого Президента РФ по правовым вопросам Михаил Краснов, отмечавший, что «сегодня мы оказались в исторической ловушке: общество, завоевавшее и заслужившее свободу и демократические институты, могло покончить с политическим персонализмом, означающим в пределе не что иное, как всевластие. Однако персонализм не предстал перед обществом как зло. Наоборот, он пробил себе дорогу, облекшись в «демократическое платье», и потому сумел вновь себя легитимировать. И «виновато» в этом отсутствие в обществе причинной связи между качеством жизни и устройством властного организма. А связь эта отсутствует потому, что и досоветская, и советская, и постсоветская элита прикладывала и продолжает прикладывать все возможные усилия к тому, чтобы убедить

народ – альтернативой единовластию, т.е. бесконтрольному единоличному правлению, является лишь смута»⁹¹. Какой же выход из сложившейся ситуации видится известному правоведа? М.Краснов полагает, что это возможно с помощью часто используемого метода – аннигиляции: «То есть персонализм может быть преодолен с помощью персонализма. Другими словами, в наших нынешних условиях, только обладая президентским постом и при этом высокой популярностью, лидер может инициировать изменение самих институциональных условий, продуцирующих персоналистский режим»⁹².

Спустя без малого десять лет после той большой дискуссии, вряд ли можно согласиться с подобным утверждением, поскольку М.Краснов все сводит к личностным качествам первого лица государства и делает огромную страну заложником его психологических комплексов, той неадекватной реальности картины мира, сложившейся в нем в предыдущие годы и в настоящее время. Но уже тогда с Красновым не согласился другой российский политолог Л.Шевцова, в принципе, не исключавшая случаев, «когда носитель персонифицированной власти осознанно начинает ее демонтировать и открывает окно для дегерметизации общества, за которой следует либерализация и затем построение основ демократической системы. Именно так действовали испанский реформатор Суарес и южноафриканский реформатор де Клерк. Но, во-первых, такой прорыв делали те, кто не строил режим персонифицированной власти, кто его унаследовал и начал тяготиться им. Во-вторых, системщики, которые стали антисистемщиками, начали демонтировать свои режимы, когда последние себя полностью исчерпали... Может ли сам авторитарный Субъект стать могильщиком своей Моносубъектности?»⁹³. Шевцова вопрос оставила открытым.

В краткосрочной и даже среднесрочной перспективе надежд на зарождение либеральных политических институтов не существует, однако, функционирование авторитарных (в том числе гибридных) режимов изобилует огромным количеством точек полифуркации (кризисные явления в экономике, зависимость от цены на углеводородное сырье, падение материального благополучия и как следствие ухудшение социального самочувствия, внешнеполитические риски, приведшие к ощутимым для экономики санкциям, возможное ухудшение здоровья первого лица и др.). В каждой такой точке может быть целый веер возможных сценариев развития страны, прогнозировать которые невероятно сложно, если вообще возможно.

⁹¹ Краснов М. Фатален ли персоналистский режим в России / Российское государство: вчера, сегодня, завтра / Под общ. ред. И.М.Клямкина. М.: Новое издательство, 2007. С.36.

⁹² Там же. С.36.

⁹³ Персонализм против персонализма? Обсуждение статьи Михаила Краснова «Фатален ли персоналистский режим в России?» / Российское государство: вчера, сегодня, завтра / Под общ. ред. И.М.Клямкина. М.: Новое издательство, 2007. С. 65.

Предложенный в статье анализ дает основание для формулирования следующих выводов:

- авторитарный политический порядок в России является не исключением из правил, а сложившейся в течение продолжительного времени закономерностью, продолжением исторической традиции, попытки изменить которые всегда заканчивались неудачей;
- российская политическая практика неудержимо тяготела и тяготеет к авторитарным методам и средствам отправления власти независимо от того, в рамках какого политического режима это происходит;
- важнейшей характеристикой авторитарного политического режима является его склонность к использованию специфической наступательной риторики с целью формирования массового сознания, основанного на идеях «осажденной крепости», стержнем которых становятся императивы милитаристского характера;
- нередко по прихоти авторитарных государств вспыхивают военные конфликты, оправдываемые, с одной стороны, стремлением к исторической справедливости, с другой – заботой о национальной безопасности страны, сохранением ее территориальной целостности;
- преобладание инновационной, либо мобилизационной тенденций в модели развития страны предопределяет дизайн политической организации общества и, соответственно, суть политических институтов;
- нелиберальные политические институты есть порождение утвердившегося мобилизационного типа развития страны, определяемого авторитарным политическим режимом, в условиях которого институты стремительно превращаются в симулякры, имитирующие демократические институты;
- крайне востребованное в рамках инновационной модели развития институциональное разнообразие, характеризующееся конфликтностью в рамках установившихся «правил игры», является угрозой для авторитарного политического порядка;
- динамика новейшего авторитаризма демонстрирует его удивительную способность к самовывживанию, что в значительной степени является следствием гибридности существующего политического режима.

Таким образом, можно сделать общий вывод, что актуализация повестки дня через институт уполномоченного позволит формировать более, политически не ангажированный, взгляд на происходящие общественно-политические и социальные процессы и снизить накал общественного противостояния, а также будет способствовать выработке профилактических мер по противодействию их замалчивания и протеканию скрытых негативных общественных процессов.

Интернет и социальные медиа в современном политическом процессе: по ту сторону киберутопизма.

В последние годы исследователи подробно анализируют влияние интернета и социальных медиа на политический процесс, демократизацию и протестные движения в различных странах. Можно согласиться с авторами⁹⁴, утверждающими, что мы вступили в период новой политической турбулентности. «Арабская весна», протестные движения в странах Южной Европы, кампания Occupy Wall Street, массовые выступления против политики Р. Эрдогана в Турции и митинги на Болотной, площади Сахарова в России. Политологи, анализируя вышеозначенные события, помимо изучения конкретной ситуации в каждой стране подчеркивали роль интернета и социальных медиа как инструментов политической мобилизации.

Информационный сдвиг в конце XX века привёл к сокращению информационно-политических, экономических и культурных пространств. Мир стал «плоским»⁹⁵ и многие процессы начали протекать быстрее. Всё более существенную роль играла информация, что было связано, прежде всего, с бурным технологическим развитием. Так, по мнению Э. Тоффлера период третьей волны характеризуется возросшей ролью информационных потоков, их усложнением и их дифференциацией⁹⁶. Преобразования, которое возникает, в связи с этим, приводят к «одинаково значительным модификациям общественных форм пространства и времени и возникновению новой культуры»⁹⁷.

Общество в процессе перехода впитывает внешние культурные нормы и процедуры. Но впитываясь, данные процедуры изменяются и конфигурируются под новую социально-политическую реальность. В такой ситуации тотальность является важным принципом постижимости социального порядка, хотя, при этом практически любая социальная система ограничена и её окружает «избыток значения», которым невозможно овладеть⁹⁸. Поэтому проблема общества заключается в поиске невозможной фиксации идентичности. Социальное

⁹⁴Badiou A. The Rebirth of History: Times of Riots and Uprisings, transl. by Gregory Elliott; New York: Verso, 2012.

⁹⁵Фридман Т. Плоский мир. Краткая история XXI века. АСТ.: 2007. С. 608.

⁹⁶Тоффлер Э. Третья волна. - М., 1999. С. 268.

⁹⁷Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. - М., 2000. С. 106.

⁹⁸Лаклау Э., «Невозможность общества» // Логос 4-5 (39), 2003, С. 55.

же включает не только саму игру различий, но так же и попытку ограничить эту игру, заключить ее в конечность порядка, который несет своей целью охватить «социальное», установить гегемонию над ним. Однако такой порядок невозможен, поэтому социальное всегда выходит за рамки попыток конструировать общество⁹⁹. При этом в каждом обществе существует своя структура, которая будет заниматься его формированием, предугадать и классифицировать ее невозможно.

До последнего времени в дебатах о роли интернета и социальных медиа в политическом процессе доминировали оптимистические теории, в основе которых имплицитно лежал технологический детерминизм. Согласно этим теориям мир входит в новую эпоху, в котором благодаря интернету все сферы жизни, но что особенно важно политика и экономика претерпят кардинальные изменения. Нужно отметить, что аналогичные оптимистические ожидания в прошлом исследователи и политики связывали поочередно с телеграфом, телефоном, радио и телевизором¹⁰⁰. Взгляд либерально настроенных теоретиков кибероптимизма представлен в работах социолога М. Кастельса¹⁰¹, который, утверждал, что мир под влиянием новых коммуникационных технологий трансформируется, и мы переходим к новому обществу сетевых структур, где вертикальные бюрократические структуры будут заменены горизонтальной самоорганизующейся сетью.

Если говорить о том, когда данные идеи стали неотъемлемой частью государственной политики наиболее влиятельных государств, то здесь, прежде всего, выделяется период с 2009 по 2013, когда пост Государственного секретаря США занимала Хилари Клинтон. Вокруг нее программ фонда Clinton Foundation собрались люди, видевшие в интернете панацею буквально от всех мировых проблем. Проблемы демократизации и свободы слова, бедности стран третьего мира, прав женщин, постконфликтного урегулирования в странах, где была гражданская война или этнический конфликт, борьбы с ксенофобией и даже природные катаклизмы¹⁰². По их мнению, эпоха интернет и социальных медиа дарит уникальный шанс решить все выше обозначенные проблемы. Среди них Мелинда Гейтс, жена Билла Гейтса и финансируемые ими Bill & Melinda Gates Foundation, председатель совета

⁹⁹ Там же, С. 55.

¹⁰⁰ Морозов Е. Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети / Пер. с англ. И. Кригера. - М.: АСТ: CORPUS, 2014., стр. 352-354.

¹⁰¹ Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология (под ред. В.Л. Иноземцева). М., 1999.

¹⁰² Clinton H. Remarks on Internet Freedom. Режим доступа <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/01/135519.htm> (дата обращения: 09.04.2016).

директоров Google Эрик Шмидт, другие руководители компаний Силиконовой долины и кроме того множество известных деятелей Голливуда.

Первая из задач – содействие процессам демократизации в странах с авторитарными и гибридными политическими режимами. Главная цель – предоставление доступа к интернету и социальным медиа максимальному количеству граждан и ликвидация ограничений и цензуры во всемирной паутине, если таковые существуют. В январе 2010 года специальном в выступлении о свободе интернета Х. Клинтон заявила: «Мы так же поддерживаем разработку новых инструментов, которые позволят гражданам других стран пользоваться правом свободного доступа к интернету, преодолевать политически мотивированную цензуру. Мы предоставляем средства группам повсему миру, чтобы быть уверенными, что инструменты позволяющие людям получить безопасный доступ к интернету будут доступны на местных языках.

Соединенные Штаты помогают этим усилиям, фокусируясь на реализации этих программ максимально результативно и эффективно»¹⁰³.

В выступлении прозвучала информация о работе Государственного департамента США в 40 странах, особенно было подчеркнута помощь активистам Ирана и Молдовы протестовавшим против официальных властей, виновных, по их мнению, в фальсификации выборов. Глобальная волна протестов от «Арабской весны» до выступлений в стамбульском Гези-парке и московских площадей Болотной и Сахарова в воображении некоторых экспертов породила новую фигуру - «человека площади» (Т. Фридман). Он стал главным субъектом «твиттерных революций», спонтанных не имеющих централизованного руководство, координирующих свои усилия через микроблоги и социальные медиа. Своеобразным манифестом ненасильственных протестов нового типа стала книга египетского активиста Ваиля Гонима - Революция 2.0¹⁰⁴.

Кроме демократизации интернет и социальные медиа, по мысли экспертов Государственного департамента должны стать ключевым компонентом постконфликтного урегулирования и стабилизации. В 2011 году они разработали план «e-Libya», который по мысли разработчиков должен был стать моделью нового типа «цифрового развития» («digital development») осуществляемого обмена технологиями при сотрудничестве государственного и частного сектора. Повышение числа граждан Ливии имеющих доступ к интернету согласно плану помогло бы «расти новым бизнес проектам, предоставлять

¹⁰³ Clinton H. Remarks on Internet Freedom. Режим доступа <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/01/135519.htm> (дата обращения: 09.04.2016).

¹⁰⁴ Гоним В. Революция 2.0 / пер. с англ. СПб: Лениздат, 2012.

государственные услуги, улучшить систему образования и заново соединить ливийское общество»¹⁰⁵.

Интернет и социальные медиа по мысли Х. Клинтон и экспертов Государственного департамента способны не только способствовать постконфликтному урегулированию, но стать основным инструментом по борьбе с бедностью в странах третьего мира. Интернет в дополнении с микрокредитованием предоставляет людям со всего мира новую возможность стать предпринимателями и начать свое дело. Эта программа преодоления бедности одним из ключевых пунктов содержит в себе предоставление услуг микрокредитования и мобильного банкинга женщинам развивающихся стран. Политолог Т. Франк, описывая генезис подобных инициатив, замечает - они вышли из рекомендаций Всемирного банка странам, в которых проводились структурные реформы, начиная с 1990-ых годов.

«Привязанность к микрокредитованию либерального класса или как минимум той его части, которая работает в секторе международной помощи (foreign aid), трудно переоценить. Такие люди верят в микрокредитование как волшебный эликсир от бедности, согласно таким идеям именно финансовые инновации спасут страны третьего мира»¹⁰⁶ - пишет Т. Франк. В программе по реконструкции Афганистана важным пунктом было предоставление 100 тысяч микрокредитов женщинам. Помимо Афганистана, среди стран проблемы, которых интернет в связке с микрокредитованием должен был помочь преодолеть: Республика Конго, Бангладеш, Кения.

Не реалистичность подобных инициатив дополняется печальным опытом выше обозначенных стран, в которых проводились структурные реформы. Экономист М. Бейтман доказал¹⁰⁷ негативные эффекты, порождаемые микрокредитованием. На фоне деиндустриализации, роста безработицы и бедности, ни один из предполагаемых позитивных эффектов микрокредитования не реализовался. Женщинам оно не помогло, наоборот сделав их должниками, люди, получавшие микрокредиты, не могли начать свое дело и создать новые рабочие места. Во многих случаях они вообще не начинали свой бизнес, а просто тратили кредитные деньги на свои личные нужды. По мнению Т. Франка технология микрокредитования имела еще одно негативное последствие – дополнительную атомизацию общества в развивающихся странах. Поскольку сама идея преодоления бедности подобными методами не требовала, какого либо объединения и коллективного действия, превращая бедность в сугубо индивидуальную проблему.

¹⁰⁵ Frank T. Listen Liberal: Or, What Ever Happened to the Party of the People?, Metropolitan Books, 2016, p. 298.

¹⁰⁶ Frank T. Listen Liberal: Or, What Ever Happened to the Party of the People?, Metropolitan Books, 2016, p. 299.

¹⁰⁷ Bateman M. Why Doesn't Microfinance Work?, Zed Books, 2010.

Промежуточный итог «Арабской весны»: восстановление авторитарного режима в Египте, гражданские войны в Сирии, Ливии и Йемене, победа партии Р. Эрдогана на парламентских выборах в Турции. Серия протестных акций в Москве в декабре 2011 – мае 2012 гг. не привела к сколько-нибудь значительным переменам. Власти довольно быстро адаптировалась к подобной ситуации, и отреагировали более массовым митингом на Поклонной горе. Итогом стали столкновения с полицией на митинге 6 мая 2012 и последовавшее за этим уголовное преследование активистов. Появившийся чуть позже лагерь «Окупай Абай» (и схожие акции в других регионах страны) имел определённый резонанс, хотя и носил сравнительно малочисленный характер.

У части теоретиков и политических активистов за последние годы настроение эйфории сменилось на глубокое разочарование. Переосмысливая произошедшие события и сопровождавшие их научные дискуссии И. Крастев отметил «Общим местом стал вопрос, почему сорвались «твиттерные революции». Но гораздо более интригующий вопрос, почему мы были так уверены, что они будут успешны?»¹⁰⁸. Эту оптимистическую идеологему революционной роли новых технологий коммуникации он назвал «эффектом Силиконовой долины» и отметил «наши идеи и стратегии социальных изменений были сформированы вовсе не историческим опытом, а утопией технологического прогресса. Застрав в вере в технологии, мы не смогли распознать слабости новых протестных движений и неверно оценили их влияние на общество. Можно «делать» революции с помощью Твиттера, но нельзя с помощью Твиттера управлять, и многие из новых протестных движений платят высокую цену за свой антиинституциональный этос»¹⁰⁹.

Кроме борьбы за демократизацию авторитарных государств, глобальная волна протестов воодушевила многих левых активистов и теоретиков, как умеренных, так и радикальных. Акции OccupyWallStreet, протесты против сокращения социальных программ и мер жесткой экономии в Испании, Греции и Италии спровоцировали дискуссию о роли интернета и социальных медиа среди левых¹¹⁰. Эта была уже вторая волна этих дискуссий, первая

¹⁰⁸Крастев И. В чем причина неудачи «твиттерных революций»? Журнал Гефтер. Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/16623> (дата обращения: 09.04.2016).

¹⁰⁹Там же.

¹¹⁰Dean J. *Crowds and Party*, Verso, 2015.

происходила под влиянием выступления сапатистов¹¹¹ в Мексике (1994 год) и демонстраций антиглобалистов в Сिएтле и Генуе¹¹².

Среди левых активистов в США осмысление интернета как альтернативного государству свободного пространства сетевой самоорганизации получила импульс после публикации в 1996 году «Декларации независимости киберпространства», которую написал и разместил в сети Джон Перри Барлоу - основатель и вице-председатель Фонда электронных рубежей (ElectronicFrontierFoundation), организации, посвященной исследованию социальных и правовых проблем, связанных с киберпространством и защите свободы в интернете. Это была ответная мера, вызванная попыткой американского правительства ввести цензуру в Интернете¹¹³. И почти сразу же этот текст оказался скопирован в тысячах блогах в десятках стран мира. Сознательно используя нелицеприятные выражения в адрес власти, Барлоу хотел показать, как легко любая информация может быть распространена в сети. И если в любом СМИ власть может пресечь распространение нежелательной информации, то в сети это сделать практически невозможно. Основная мысль декларации - это провозглашение независимости интернета от государственных структур. Как отмечает Барлоу, киберпространство выступает альтернативой обществу как таковому, ибо уже не является тем, что мы привыкли считать социальной реальностью.

Европейские левые теоретики пришли к похожим выводам. По их мнению, аутентичная политика возможна только вне государства и традиционных политических форм. Такие идеи стали выражением разочарования происходящими процессами. Даже умеренные авторы близкие к традиционным левоцентристским партиям, например лейбористам в Англии, заговорили о наступлении «постдемократии»¹¹⁴. Автор термина К. Крауч описывая социально-экономические и политические процессы последних десятилетий, пришел к выводу, что упадок классов, сделавших возможной массовую политику, и распространение неолиберальной модели капитализма привели к формированию замкнутого политического класса, больше заинтересованного в создании связей с бизнес-группами, чем в проведении программ, отвечающих интересам граждан. Таким образом, политика начала XXI века возвращает нас к

¹¹¹ Holloway John. Zapatista!: Reinventing Revolution in Mexico. ed. with EloinaPelaez. Pluto, London, 1998., Holloway, John. Change the world without taking power: The Meaning of Revolution Today, Pluto Press, 2002.

¹¹²Кляйн Н. Заборы и окна. М.:2006., Агитон К. Альтернативный глобализм: новые мировые движения протеста / пер. с фр. Е.Константиновой, Е.Кочетыговой; общ. ред. Ю.Марковой. - М.: Гилея, 2004.

¹¹³Барлоу Дж. П. Декларация независимости Киберпространства // Режим доступа: <http://www.zhurnal.ru/staff/gorny/translat/deklare.html> (дата обращения: 05.08.2015).

¹¹⁴Крауч К. Постдемократия /пер. с англ. Н. В. Эдельмана.-М.: Изд. дом Гос. ун-та - Высшей школы экономики, 2010.

политике XIX столетия, которая в основном определялась игрой, разыгрываемой между элитами.

В подобной ситуации одна часть левых сделала ставку на создание нового типа партий, не чисто парламентских, а возникших на волне подъёма социальных и протестных движений. Самые яркие примеры СИРИЗА – в Греции и Подемос – в Испании. Эти партии пытаются объединить широкую коалицию различных традиционных левых организаций, групп с профсоюзами, экологическими и женскими организациями. Необходимость конструирования левых партий нового типа стала очевидна, когда в 80-е и 90-е в Европе проявился кризис традиционных профсоюзных структур, которые были опорой массовых социал-демократических и коммунистических партий. Прекаризация труда, рост неформального сектора вместе с технологической трансформацией основных секторов экономики развитых стран не соответствовали социально-экономическим условиям прошлого, из которых выросли традиционные социал-демократические и коммунистические партии.

Большинство членов СИРИЗА и Подемос испытывают недоверие к репрезентативной модели демократии и управления и поэтому стараются максимально применять принципы горизонтальной координации и партисипативной демократии. Внутренняя структура и часть программы они переняли от подобных организаций в Латинской Америке¹¹⁵. СИРИЗА и Подемос набрали популярность в своих странах в ходе массовых протестных акций против мер жесткой экономии (austerity policy) в странах Европейского союза. СИРИЗА смогла выбрать выборы и сформировать правительство. Подемос на парламентских выборах 20 декабря 2015 года добилась серьезного прорыва, получив 21 % голосов. Нужно отметить, что подобные партии нового типа, придя к власти как СИРИЗА, сталкиваются с новыми вызовами, поскольку им сложно сочетать кризисное управление страной, находящейся под давлением структур Европейского союза с поддержанием связи и реализацией программ тех социальных движений, на волне подъема которых они возникли. В случае СИРИЗА это спровоцировало кризис руководства, и откол крайне левого крыла партии.

Левые активисты, не пошедшие по пути создания новых политических структур, сделавшие ставку на давление силами социальных движений и локальных местных инициативных групп достаточно быстро потеряли свою динамику. В Северной Италии часть протестного электората привлекли к себе консервативные партии евроскептиков, например «Лига Севера», в Испании активисты Indignados не вошедшие в Подемос и не сформировавшие своих организаций так же были включены обратно в систему традиционными партиями. И.Крастев по этому поводу заметил: «Протесты пали жертвой модных представлений о том, что

¹¹⁵Sader E., Silverstein K. Without Fear of Being Happy, Verso, 1991., Томин Л. Бразильская Партия Трудящихся. Между идеализмом и прагматизмом // Политика, государство и право. – Март 2014. - № 3 стр. 8-16.

организации — дело далекого прошлого (а будущее за «сетями»), что обществу лучше обойтись без государства и что спонтанность - реальный источник легитимности»¹¹⁶.

Многие исследователи посчитали - события недавнего прошлого делают необходимым подвести некоторые итоги и сравнить ожидания сопутствовавшие появлению социальных медиа с сегодняшней реальностью. Медиатеоретики (Г. Ловинк, А. Галлоуэй, М. Варк) обсуждая итоги политических протестов в разных странах (OccupyWallStreet, Арабская весна), скандал вокруг слежки в интернете, который осуществляло Агентство национальной безопасности США, попытались подвести итоги развития теории медиа и начать переосмысление ее теоретических основ. По их мнению, прогрессивный потенциал интернета и социальные медиа был ими в прошлом слишком переоценен, вместо пространства свободной коммуникации и инструмента горизонтальной самоорганизации он теперь встроен в глобальную систему контроля. Настал конец «эпохи кибернаивности». Г. Ловинк описывая настроение части теоретиков медиа отмечает: «Мы оказались изгнаны из райновых медиа и неожиданно столкнулись лицом к лицу с холодной логикой большой политики. Радикальная утрата иллюзий после сообщений Сноудена может рассматриваться как секулярная версия идеи смерти бога в конце XIX века»¹¹⁷. Нам кажется, более верной позиция другого автора - Маккензи Варка он не удивился разоблачениям об обширном государственном надзоре за интернетом и мобильными коммуникациями.

«Если технология теоретически возможна, следует предположить, что она существует и есть в распоряжении у государства. Мне также кажется странным, что некоторые люди, похоже, считают, что надзор — это какая-то специфическая проблема новых медиа. Каждая форма коммуникации является, при этом, и определенной формой надзора»¹¹⁸ - отметил Варк. По его словам история государственного надзора и репрессий развивается параллельно технологиям и любая новшество может, служит как революционерам, так и властям. Почта может быть перлюстрирована, телефон прослушан, интернет и социальные медиа счастливым исключением из этого не являются.

Все выше обозначенные проблемы актуальны для нашей страны, где при постепенном суживании деятельности свободных средств массовой информации, интернет становится

¹¹⁶Крацев И. В чем причина неудачи «твиттерных революций»? Журнал Гефтер. Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/16623> (дата обращения: 09.04.2016).

¹¹⁷Lovink G. Hermes on the Hudson: Notes on Media Theory after Snowden. E-Fluxjournal. Режим доступа: <http://www.e-flux.com/journal/hermes-on-the-hudson-notes-on-media-theory-after-snowden/> (дата обращения: 09.04.2016).

¹¹⁸Маккензи Варк. Теория медиа: куда дальше. Pasticheproject., Режим доступа: <https://www.facebook.com/notes/pastiche-project/маккензи-варк-теория-медиа-куда-дальше/1685417355003571> (дата обращения: 09.04.2016).

точкой роста для оппозиционных настроений жителей крупных городов. В случае с протестами 2011-2012 года, власти использовали СМИ для вполне определённого освящения протестов и самих протестующих. Из всех институтов СМИ служат важнейшим фактором стабилизации политической системы. Многие теоретики отмечают¹¹⁹ «медиатизация» в условиях современности является одной из основных форм контроля.

В русле технологического детерминизма располагаются многочисленные концепции о том, что сама суть интернета и социальных медиа делает невозможным дальнейшее существование тоталитарных и авторитарных режимов пытающихся контролировать информационные потоки на своей территории. Многие авторитарные и гибридные режимы не только приспособились к новой ситуации, но и стали активно использовать ее в своих целях. Интернет, может ими использоваться как достаточно эффективный инструмент деполитизация, контролируя политическую активность в сети современные авторитарные и гибридные режимы почти не ограничивают доступ пользователей к развлекательному контенту. Интернет и социальные медиа, могут быть использованы репрессивными режимами для разжигания ненависти путем публикации личных данных оппозиционеров. Кроме того интернет в условиях авторитарных и гибридных режимов по мнению Е. Морозова¹²⁰ создает еще один негативный эффект, он способствует отрыву интеллектуалов от масс и массовых движений.

Кроме того авторитарные и гибридные режимы способны использовать интернет для своего укрепления, мобилизации сторонников, диффамации оппонентов и нейтрализации компрометирующих сведений и информации. При такой ситуации, любое прямое информационное столкновение с властью будет оставаться за последней, поскольку в её руках основные федеральные и региональные СМИ. Можно вспомнить фильм о семье Генерального прокурора РФ В. Чайки или расследование о подмосковном доме Министра обороны С. Шойгу. В обоих случаях выдвигались серьёзные обвинения и был определённый резонанс, который был быстро нейтрализован официальным медиадискурсом.

В условиях, когда социально-политические институты не эффективны, а правовое поле работает лишь на укрепление власти, сетевая самоорганизация остаётся одним из немногих способов. И хотя Россия всё ещё является догоняющей в плане информатизации, в последние два года наметился существенный сдвиг в этом вопросе. Это даёт определённую надежду на интенсификацию сетевой активности в связке с реальными действиями.

¹¹⁹Хардт М. Негри А. Субъективные фигуры кризиса. Синий диван. Философско-теоретический журнал. Под ред. Е. Петровской. Вып. 19. - М., Три квадрата. - С. 85-104.

¹²⁰ Евгений Морозов. Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети / Пер. с англ. И. Кригера. - М.: АСТ: CORPUS, 2014, стр. 402-403.

Раздел 3. Межэтнические и межрегиональные отношения

Максим Попов, Ставрополь

Социокультурная интеграция как инструмент деэскалации региональных конфликтов идентичностей¹²¹

Специфика региональных конфликтов идентичностей как вызовов безопасности российского общества заключается в том, что они протекают на фоне незавершенных посттрадиционных трансформаций и столкновений конкурирующих ценностей. Понятие ценностного столкновения уточняет концепт конфликта идентичностей, подчеркивая системно-генетический характер данной объяснительной модели. Поиск способов урегулирования трудноразрешимых конфликтов идентичностей приводит к необходимости анализа институционального потенциала социокультурной интеграции.

Как отмечают Дж. Фирон и Д. Лейтин, «полноценная теория этнического конфликта должна объяснить, почему, несмотря на серьезные напряженности, этнические отношения, основанные на мире и интеграции, являются более типичным явлением, чем крупномасштабное насилие»¹²². Социокультурная интеграция как процесс поддержания и продвижения гражданских ценностей, позволяющий всем социальным субъектам участвовать в политической жизни на основе принципов справедливости и равноправия, становится основным методом разрешения конфликтов в изменяющихся сложносоставных обществах: гражданская интеграция исключает процесс механической консолидации, основанной на силе ассимиляционного принуждения и подавлении различий в репрессивной попытке навязать унифицированную идентичность.

¹²¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Социокультурная интеграция как способ снижения этнической напряженности на Северном Кавказе», Грант Президента МД-7429.2015.6.

¹²² Fearon J., Laitin D. Explaining Interethnic Cooperation // The American Political Science Review. 1996. Vol. 90. P. 715-727.

Теоретическая традиция исследований социокультурной интеграции связана с концептуальным противоборством теорий мультикультурализма и либерально-эгалитарной методологии: противоречие заключается в трактовке сущности и целесообразности прав этнических меньшинств в современных плюралистических обществах, при этом мультикультуралисты исходят из нормативности аскриптивного статуса идентификации с этнокультурными и религиозными традициями, в то время как представители эгалитаристской и неофункционалистской парадигм интерпретируют права меньшинств с позиций равенства возможностей и гражданской интеграции¹²³.

Необходимость «стимулирования» социокультурной интеграции обусловлена инструментальными причинами: с этической точки зрения, создание интегрированного «общества для всех» является самоочевидной социетальной целью; структурные причины поддержания интеграции связаны с экономическими, социальными, этническими различиями, уменьшающими мобильность, что, в свою очередь, приводит к социальной фрагментации и оказывает негативное воздействие на модернизационные процессы и предотвращение этнических конфликтов в их наиболее деструктивной форме – конфликтов идентичностей.

Интеграция как социальный конструкт находится в зависимости от трех различных, но взаимосвязанных процессов, которые в системном единстве формируют интеграционную гражданскую идентичность:

1. Признание плюрализма идентичностей в целях содействия макросоциальной солидарности в рамках нормативно-правового пространства.
2. Политическое представительство социокультурных групп в целях предоставления гарантии того, что их интересы, идентичности и ценности учитываются в процессе принятия государственных решений и распределения ресурсов.
3. Перераспределение экономических и политических ресурсов между различными социальными субъектами в целях предотвращения неравенств, диспропорций и фрагментаций на основе экономического статуса, этнической и религиозной идентичности.

Данные основания и принципы социокультурной интеграции в процессе конструирования гражданской идентичности опираются на концептуальные модели плюрализма, справедливости, прав человека, социальной инклюзии, равенства возможностей,

¹²³ Banting K., Kymlicka W. Multiculturalism and the Welfare State: Recognition and Redistribution in Contemporary Democracies. Oxford: Oxford University Press, 2006.

солидарности. Как отмечают Дж. Ротман и М. Альберштейн, «сочетание концептов индивидуальной свободы и групповой лояльности как контр-нарративов насильственной ассимиляции можно рассматривать в качестве движения к плюрализму и уважению к культурным различиям на индивидуальном и коллективном уровнях»; анализируя статус идентичности в динамике конфликтов, авторы указывают на связь групповых идентичностей с «примордиальной и до-модерной идеей общества, что возвращает нас к исследованию закрытых коллективов, в которых индивидуализм не играет заметной идеологической роли. Сегодня эти общества могут функционировать в глобализованном мире посредством сохранения собственной культуры на основе коллективных ценностей; в пределах этих коллективов групповая идентификация может соотноситься с их подлинными ценностями, традициями или религиозными текстами. Когда в процессе медиации мы имеем дело с групповым столкновением, обращение к индивидуальным интересам не в состоянии заглаживать трещину, возникшую в результате конфликта. Попытки манипулировать группами могут привести к интенсификации конфликтов идентичностей»¹²⁴.

Социальная справедливость, создание общества для всех, является всеобъемлющей целью и важнейшим структурным элементом социокультурной интеграции. По мнению Д. Миллера, социальная справедливость относится к социетальным принципам, ценностям и институтам, которые позволяют каждому человеку получать справедливую долю выгоды за справедливую долю ответственности в рамках совместной жизни в обществе¹²⁵. Концепции социальной справедливости определяют гражданское общество как наиболее желательное и достижимое при условии, если права и обязанности распределяются в соответствии с согласованными принципами равенства; это общество, в котором все люди могут принимать участие в социальной, экономической и политической жизни на основе равенства прав и возможностей, справедливости и достоинства.

Д. Уэйнсток выделяет следующие элементы гражданской интеграции: 1) статус гражданина, который значительно отличается от статуса не-гражданина: быть гражданином – значит иметь определенные привилегии и права (например, участвовать в выборах) и нести определенные обязанности; 2) статус гражданина конкретизируется именно через права: главное в гражданском статусе – это не столько тяготы или обязанности, сколько различные права, которыми обладают граждане и которые служат для защиты их основных свобод; 3) самоуправление и автономия: гражданин – это человек, способный к управлению собой и

¹²⁴ Rothman J., Alberstein M. Individuals, groups and intergroups: Understanding the role of identity in conflict and its creative engagement // Ohio State Journal on Dispute Resolution. 2013. N 28 (3). P. 631-658.

¹²⁵ Pearce N., Paxton W. (eds.) Social Justice. Building a Fairer Britain. London: IPPR, 2005.

осуществляющий такую автономию на практике; быть гражданином – совсем не то же самое, что быть подданным, то есть управляемым, потому идея гражданства неразрывна с идеей демократии; 4) в условиях «больших и анонимных» обществ должен существовать ряд социальных институтов, посредством которых люди проявляют себя как граждане, то есть осуществляют самоуправление и реализуют свои права; 5) гражданская идентичность как система социальных характеристик, которые определяют моральное отношение граждан друг к другу и формируют основу специфических гражданских добродетелей: быть гражданином «означает идентифицировать себя с политическим сообществом, к которому человек принадлежит, и быть расположенным к действию по отношению к своим согражданам так, чтобы содействовать стабильности и интеграции этого сообщества»¹²⁶.

Социокультурная интеграция на основе плюралистической гражданской идентификации снижает этническую напряженность, что связано с высоким уровнем солидарности и безопасности, редукцией интерпретаций социальных проблем посредством негативной этнической стереотипизации «других» как «культурных врагов». В плюралистических социальных системах основная задача интеграции – рационализировать противоречия в процессе трансформации конфликтной иерархической системы этнических отношений. По словам Б. Благович, «каждый этнический конфликт имеет свои уникальные характеристики, и в разных контекстах некоторые из этих элементов будут более заметны, чем другие, но все они являются общими знаменателями генезиса этнического конфликта. Примордиалистский подход помогает объяснить роль конфликтного потенциала этнической идентичности. Концепции политических антрепренеров и подходы ресурсной конкуренции объясняют, как взаимодействуют институционально-политические факторы и этнические эмоции. Многообразные полиэтнические сообщества имеют различные степени конфликтного потенциала. Этнические эмоции, коренящиеся в воспоминаниях исторических обид, лежат в основе потенциального конфликта»¹²⁷. «Этничность воплощает в себе элемент мощной эмоциональной напряженности, – отмечает Д. Горовиц, – которая может быть реактивирована, если группами осознается угроза собственным интересам, что приводит к этнификации, этнической интолерантности, конкуренции и в конечном итоге – насильственному этническому конфликту»¹²⁸.

¹²⁶ Weinstock D. *Citizenship and Pluralism* // *The Blackwell Guide to Social and Political Philosophy*. – MA: Blackwell, 2002. P. 244.

¹²⁷ Blagojevic B. *Causes of Ethnic Conflict: a conceptual framework* // *Journal of Global Change and Governance*. 2009. Vol. 3. P. 3-18.

¹²⁸ Horowitz D. *Ethnic Groups in Conflict*. Los Angeles: University of California Press, 1985. P. 9

Исследование конфликтогенного потенциала социокультурной дезинтеграции связано с анализом этномобилизационных ресурсов в структуре конфликтующих идентичностей. Радикализация этничности зависит от остроты переживания социальных неравенств и их рационализации в качестве угроз групповой безопасности. По словам Дж. Эстебан, Л. Мейорал и Д. Рей в современном мире «внутригосударственные конфликты приобретают выраженный этнический характер. Более половины гражданских конфликтов после Второй мировой войны могут быть классифицированы как этнические или религиозные. Одним из оснований классификации этнического конфликта является его идентификация в качестве антигосударственного мятежа от имени этнической группы. Брубейкер и Лейтин, рассматривая историю внутригосударственных конфликтов второй половины XX века, пришли к выводу об исчезновении биполярной идеологической оси на фоне масштабной этнизации насильственных столкновений»¹²⁹.

Конфликты идентичностей опасны тем, что в их генезисе и динамике этнические стереотипы и социальная неудовлетворенность будут с высокой степенью вероятности политизированы; воздействие установок к насилию состоит в том, чтобы сконцентрировать социально-агрессивный потенциал в точке этнической непримиримости. Величина этнополитического насилия в конфликтах идентичностей детерминирована остротой восприятия угроз групповой безопасности, интенсивностью социальной неудовлетворенности, масштабами институциональной поддержки, в совокупности являющимися условиями открытого противостояния. По словам Д. Смита, «причиной вооруженных конфликтов служат не этнические различия как таковые, а этническая политика. Опасность возникает тогда, когда этнические различия начинают определять политические пристрастия, и когда происходит политизация этнической идентичности. Трагедия заключается в том, что как только этническая маска надета, ее очень трудно сбросить. Пробужденное чувство групповой идентичности использует негодования и обиды, чтобы сплотить людей, особенно в периоды кризиса или войны, и при этом порождает, казалось бы, непримиримую ненависть, которая становится источником затяжных, часто циклических конфликтов»¹³⁰.

Источником глубинных, застарелых конфликтов идентичностей (deep-rooted conflicts) выступают негативные этнические стереотипы в интерпретациях угроз групповой безопасности, порождаемые ценностными и структурными противоречиями. Модернизационные политические трансформации изменяют иерархию коллективных

¹²⁹ Esteban J. et al. Ethnicity and Conflict: Theory and Facts // Science. 2012. Vol. 336. P. 858-869.

¹³⁰ Смит Д. Причины и тенденции вооруженных конфликтов // Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Бергхофского центра / Под ред. В. Тишкова, М. Устиновой. – М.: Наука, 2007. С. 127.

идентичностей в оппозиции «свой – чужой» посредством универсализации гражданства и равенства, однако ценностные и структурные изменения групповых идентичностей становятся факторами дезинтеграции и регионализации. Э. Гидденс определяет регионализацию как имплицитный конфликтоген: «Степень слияния или рассредоточения противоречий меняется в соответствии с двумя основными группами условий. Одна из них – “скачкообразное развитие”, другая – регионализация. Специфическая региональная “распространенность”, сочетающаяся с различными темпами изменений, может способствовать наращиванию противоречий и появлению искаженных последствий»¹³¹.

Этнорегиональные различия не приводят к неизбежным ценностным конфликтам и формируют предпосылки к экономическому сотрудничеству и кросс-культурному диалогу; однако, когда социокультурная интеграция «интерпретируется» в массовом сознании как угроза групповой безопасности – возникают трудноразрешимые конфликты идентичностей. М. Игнатъев определяет конфликтующие идентичности в качестве основного источника интолерантности: негативные идентичности формируются на основе «отталкивания» от «иного», и чем ближе «иное», тем сильнее интолерантность, тем конфликтнее отношения, тем враждебнее настроена одна группа по отношению к другой, ибо «не те общие элементы, которые объединяют людей друг с другом, определяют их восприятие своей идентичности, но именно те маргинальные “меньшие” различия, которые их разделяют»¹³².

Впервые термин «конфликты идентичностей» появляется в работах Дж. Бертон и Дж. Ротмана в 1990-е годы. Дж. Бертон рассматривает коллективную идентичность как одну из базовых потребностей человека, при этом угроза идентичности воспринимается группой как одна из основных угроз безопасности. Более того, Дж. Бертон в качестве ключевых выделяет две потребности: потребность в идентичности и потребность в безопасности¹³³. По мнению Дж. Ротмана, важнейшими атрибутами конфликтов идентичностей являются их иррациональность, глубокая субъективность и неуправляемость¹³⁴.

Мотивы участия этнических групп в конфликтах идентичностей будут влиять на перспективы их исхода; ради удовлетворения своих материальных интересов люди вряд ли станут сознательно рисковать жизнью. В конфликтах идентичностей участие сторон имеет

¹³¹ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. – М.: Академический Проект, 2003. С. 355.

¹³² Mendus S. (ed.) *The Politics of Toleration*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999. P. 126.

¹³³ Burton J. *Conflict: Resolution and Prevention*. London: Macmillan and New York: St. Martins Press, 1990.

¹³⁴ Rothman J. *Resolving Identity-Based Conflict: In Nations, Organizations, and Communities*. San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 1997.

выраженный характер жертвенности: готовность нести жертвы ради ценностных идеалов эмоционально переживается и осознается участниками конфликтов. Эскалация этнической напряженности происходит в том случае, когда группа воспринимает себя как «жертву» ценностных притязаний со стороны «других» групп.

У. Бек определяет конфликты идентичностей как «цивилизационную борьбу за правильный путь в будущее»: в этом аспекте понятие «конфликты идентичностей» отражает системный характер ценностных противоречий как цивилизационных и модернизационных рисков Второго модерна: «нужда иерархична, смог демократичен. Вместе с генерализацией модернизационных рисков освобождается динамика, которую уже нельзя постичь и осмыслить в классовых категориях. Владение включает в себе не-владение и тем самым предполагает социальную напряженность и конфликты, в которых на протяжении длительного времени возникают и закрепляются взаимные социальные идентичности – “те там наверху, мы здесь внизу”». Совершенно по-иному складывается ситуация при угрозе риска. Подверженность и неподверженность риску не распределяется по полюсам, как богатство и бедность... Это значит, что свобода от рисков обернется завтра необратимой подверженностью им. Конфликты, связанные с модернизационными рисками, возникают по причинам системного характера, которые совпадают с движущей силой прогресса и прибыли. Они соотнесены с размахом и распространением опасностей и возникающих вследствие этого притязаний на возмещение и / или на принципиальную смену курса. В этом смысле вспыхивающие у нас конфликты принимают характер цивилизационной борьбы за правильный путь в будущее. Во многом они напоминают скорее религиозные войны средневековья, чем классовые конфликты XIX и начала XX века»¹³⁵.

С момента своего возникновения парадигма «конфликтного разрешения» утверждает, что манифестация конфликта не обязательно указывает на его истинную сущность. Подход разрешения конфликтов требует избегать поверхностного анализа открытых антагонистических притязаний, которые являются вершиной айсберга конфликта и сосредоточиться на его скрытом, глубинном слое. Анализ «скрытого смысла» конфликтного взаимодействия занимает центральное место в современной теории конфликта и разработке конструктивных методов трансформации, урегулирования, управления и разрешения конфликтов. Не актуализируя проблему, определяется ли этот скрытый слой конфликта экономическими интересами или биологическими потребностями, все школы разрешения конфликтов настаивают на том, что

¹³⁵ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М., 2000. С. 30.

работа с глубинным уровнем конфликта, которым является идентичность, становится более плодотворной и конструктивной при анализе основного противоречия, его породившего¹³⁶.

По мнению Дж. Ротмана, традиционный рецепт, рекомендуемый отделять идентичность от скрытого противоречия и конфликтной ситуации, является одним из распространенных примеров конфликтологического анализа, способного усугубить, но не разрешить противоречие. Когда конфликт касается ресурсов или осознанных, рационализированных целей, которые четко определены, этот традиционный подход может быть полезным ориентиром в процессе конфликтного разрешения. Однако, когда в социокультурные конфликты втягиваются глубинные субъективно-эмоциональные проблемы, такие, как поддержание групповой солидарности и безопасность, отделять идентичность от конфликтной проблемы не представляется возможным, потому что коллективные идентичности участников конфликта находятся под угрозой, по крайней мере, стороны конфликтов идентичностей так интерпретируют их генезис. В разрешении конфликтов идентичностей нецелесообразно использовать методы управления с помощью структурного разделения различных компонентов конфликта: попытка отделить эмоции и идентичности от сущности противоречия может только усугубить ценностно-идентификационный конфликт, придать формам его манифестации деструктивный характер. В теории международных конфликтов Дж. Бертона предлагается учитывать базовые человеческие потребности, которые отличаются от интересов и включают в себя необходимость в групповой безопасности и признании уникальной идентичности, и использовать их в антиконфликтном менеджменте в процессе разрешения конфликтов идентичностей. Основной целью их разрешения должно быть устранение морально-психологических угроз, напряженности и разочарований в базовых потребностях, а не только удовлетворение материальных интересов¹³⁷.

«Если мы хотим добиться успеха в исследовании способов деэскалации конфликтов идентичностей, – отмечает Дж. Ротман, – мы должны начать с определения, которое приведет к плодотворному теоретизированию и конструктивным методам их разрешения. Мы рассматриваем идентичности как самовосприятия, наполненные культурной формулой. Культурная формула основывается на внутренних потребностях и предпочтениях, групповых характеристиках и коллективных ценностях. В конфликтах идентичностей она может быть персональной, групповой или межгрупповой, но идентичность всегда является источником

¹³⁶ Rothman J., Alberstein M. Individuals, groups and intergroups: Understanding the role of identity in conflict and its creative engagement // Ohio State Journal on Dispute Resolution. 2013. N 28 (3). P. 631-658.

¹³⁷ Rothman J., Alberstein M. Individuals, groups and intergroups: Understanding the role of identity in conflict and its creative engagement // Ohio State Journal on Dispute Resolution. 2013. N 28 (3). P. 631-658.

противоречия и катализатором конфликта. Стороны могут воспринимать себя в качестве персональных максимайзеров, защищая индивидуальные ценности, преследуя собственные интересы и выражая индивидуалистические потребности; они могут быть группами и ощущать себя частью коллективного целого; они могут ощущать себя носителями множественных культурных идентичностей и вступать в конфликт на межгрупповом уровне. Все эти восприятия генерируются культурной формулой – коллективной идентичностью. Идентичность становится идеологической базой участников конфликта, наполненной персональными, групповыми и межгрупповыми эмоциями, ценностями и смыслами»¹³⁸.

Эмпирический анализ взаимосвязи конфликтности и идентичности на региональном уровне приводит к мысли о деструктивном воздействии внутрисистемных противоречий, обусловленных социальной фрагментацией и дезинтеграцией, неудовлетворенностью в базовых потребностях равенства, справедливости, безопасности. В исследовании В.А. Авксентьева и М.М. Шульги, посвященном анализу перспектив развития этноконфессиональных отношений в Ставропольском крае, отмечается, что «межнациональные и межконфессиональные отношения в крае можно охарактеризовать как стабильно напряженные. Вместе с тем, ни те, ни другие не рассматриваются как наиболее острые проблемы и занимают соответственно 11-е и 15-е места из 16-ти предложенных в рейтинге актуальности социальных проблем. Этот результат оказался несколько неожиданным, с учетом того, какое место этнонациональная проблематика занимает в общественно-политическом дискурсе в регионе. Наиболее актуальными, по мнению респондентов, являются проблемы, общие для всей страны: коррупция, взяточничество (48,5%), рост цен, налогов, инфляция (46,5%), безработица (38,6%), рост преступности (34,9%); жилищная проблема и проблемы коммунального обслуживания (32,8%). Хотя респонденты оценили вероятность возникновения межнациональных конфликтов как среднюю, в условиях стабильной напряженности любой конфликт, независимо от его истинных причин, может быстро превратиться в межэтнический. Для таких обстоятельств характерно восприятие действий людей другой национальности как потенциальной угрозы для безопасности своей национальности. Сложившаяся ситуация создает благоприятные условия для этноконфликтной мобилизации – быстрого объединения людей по национальному признаку для участия в конфликтных действиях. Высокая напряженность в межэтнических отношениях – основная причина постоянно вспыхивающих на территории края локальных конфликтов с межэтническим компонентом»¹³⁹.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Авксентьев В.А., Шульга М.М. Ставрополье многонациональное: оплот стабильности или перекресток проблем? // Социологические исследования. 2013. № 12. С. 34-42.

В качестве структурных факторов, определяющих остроту этнической напряженности и, как следствие, эскалацию конфликтов идентичностей, выступают социальные неравенства и поляризация общества; изоляционизм и регионализация в этих условиях приобретают выраженный конфликтогенный характер. В.А. Авксентьев и М.М. Шульга отмечают: «Причинами межконфессиональной напряженности по результатам группировки ответов являются: безработица, низкий уровень жизни, низкие зарплаты; низкий уровень культуры и образования населения; ошибки национальной политики; низкий уровень толерантности; борьба за земли, за территорию; раздувание конфликтов в СМИ; пропаганда превосходства одних религий над другими, радикализация религии; неконтролируемая миграция, ошибки в миграционной политике»¹⁴⁰.

Современная теория разрешения конфликтов акцентирует внимание на институциональной интенции социокультурной интеграции к трансформации деструктивных конфликтов идентичностей в конструктивные конфликты интересов. Региональные детерминанты конфликтов идентичностей – непрекращающаяся политизация этничности, эскалация социальных неравенств и поляризация – остаются основными причинами деструктивного воздействия на гражданскую интеграцию; демодернизационные процессы в этих условиях усиливают этнокультурный изоляционизм и формирует новые конфликтогенные идентичности.

Светлана Рожнева, Петрозаводск

**Национальная идея в программах политических партий:
федеральный и региональный уровень
(на материалах Северо-Западного федерального округа)**

Либерализация партийного законодательства, ослабление требований по регистрации политических партий привела к тому, что на сегодняшний день¹⁴¹ существует 76 политических партий по данным Министерства юстиции РФ¹⁴². Увеличение количества партий более, чем в 10 раз специфическим образом отражается на современной партийной системе страны.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ На 10 мая 2015 г.

¹⁴² Список зарегистрированных политических партий // Министерство юстиции РФ (официальный сайт). – URL: <http://minjust.ru/ru/node/40472> (дата обращения 10.05.2015.)

Названия некоторых партий комичны, какие – то типичные партии-спойлеры. Плюралистичный характер системы формален и адаптирован к существующему законодательству. «Новые» партии (к таким можно отнести тех акторов, которые стали регистрироваться с 2012 г.) как ни имеют устойчивой социальной опоры, так и не являются достойными конкурентами «старых» партий.

Партийное строительство до конца не разрешает политический кризис внутри страны, лишь аналитически поворачивает его в другое русло. Символизация политического пространства неизбежна. Она конструируется под воздействием многих факторов, имеет разные формы проявления. Символизация может достигаться разнообразными популярными политическими мифологемами, транслируемыми в массы политическими акторами – главами государств, партиями, политической элитой, в целом, - через средства коммуникативного воздействия. Одной из таких мифологем в современной российской политике, с нашей точки зрения, является национальная идея. Она выступает важным ориентиром, способным интегрировать общество и нивелировать его конфликтность, особенно в такой большой многонациональной стране, каковой является Россия.

Политические партии являются важнейшим субъектом политики, которые через реализацию своих программных положений способны донести до общественности важность собственных устремлений, как в улучшении, так и в возможном переустройстве страны. В связи с чем было интересно проанализировать, каким образом употребляется дискурс национальной идеи в программах современных партий России.

Используя логический анализ программ партий посредством методики контент-анализа информационного массива, в качестве объекта исследования выступил Северо-Западный федеральный округ (СЗФО). Выбор данной территории был обусловлен тем, что в 11 его субъектах имеют региональные отделения практически все политические партии, зарегистрированные в России, за исключением партии «Возрождение аграрной России». При этом Северо-Западный федеральный округ включает в себя приграничные к европейскому северу районы, что позволяет в них выявлять тенденции, как схожие с общефедеральной проводимой политикой, так и отличные от нее.

Следует отметить, что в целом политическое мифотворчество играет важную роль в процессе объединения общества. Традиционно эту функцию выполняют государственные институты в лице публичных акторов политики. В большинстве своем активность негосударственных организаций, таких как политические партии, проявляется в электоральный период на фазе агитации. Однако и в том, и в другом случае общество подвергается широкому

воздействию различного рода мифологем, как позитивно, так и негативно маркированных. Одной из наиболее ярких, позитивно окрашенных мифологем нашей страны продолжает оставаться национальная идея, рассматриваемая как идеологическая практика трансформирующейся современной политики, нацеленной на сохранение и поддержание системных характеристик государства. По замечанию В.А. Кулинченко и Н.А. Коровниковой, «одной из основных задач, стоящих перед государством, является поддержание единого смыслового (идеологического) пространства»¹⁴³. Следовательно, разнообразные мифологемы непосредственно воздействуют на общественное сознание, по большей части, направляя его в нужном для власти ключе в рамках политической системы.

Популярность мифологемы национальной идеи в России проявляется, как правило, в кризисные периоды в самом широком их значении (социально-экономические кризисы, политические от международных до внутренних, вплоть до смены власти путем выборов, и т.п.). Одним из возможных путей сохранности системы становится реанимация поиска государственной идеи для страны с целью сплочения нации. Упоминание ведущими политическими силами о необходимости национальной идеи для государства может расцениваться и как своеобразный проект государственной власти, направленный на поддержание ее легитимности, и как одно из средств политических партий воздействия на общественное мнение с целью создания социальной опоры и возможного прихода к власти.

Проведенный анализ показал, что из 76 партий только в 19 (25%) предлагается некая национальная идея. Причем она понимается партиями в традиционных для нашей страны духовных ценностях единства и сплочения многонационального народа, имеющего общую историю и проживающего в сильном и мощном государстве, в великой стране России. Однако, редкие случаи использования словосочетания «национальная идея» в программах партий не позволили исследовать в полном объеме данный феномен. В связи с чем анализ был расширен за счет слов и смысловых фрагментов, отражающих, по нашему мнению, интегративную сущность национальной идеи и способствующих определению возможного веса данных партий в политической системе страны. Такими дефинициями и образуемыми на их основе однокоренными словами и лингвистическими конструкциями стали «нация», «патриотизм», «единство», «согласие» «стабильность», «порядок», «сильное государство», «державка». Расширение диапазона смыслового анализа, использование дополнительных количественных единиц стало необходимой базой для более детального исследования программ партий,

¹⁴³ Кулинченко В.А., Коровникова Н.А. Национальная идея как «легитимная идеология» современной России // Власть. – 2008. – № 11. – С. 17.

затрагиваемая в них национальная проблематика, интегрирующая сила и суверенная мощь страны. Также это позволило сформулировать две группы исследовательских гипотез.

Первая группа связана с непосредственным упоминанием в программах партий словосочетания «национальная идея», как на федеральном, так и на региональном уровне, в практике Северо-Западного федерального округа, что выразилось в таких гипотезах, как:

- политические партии, которые в своих программах заявляют о национальной идее, являются реальными силами, способными оказывать непосредственное влияние на политическую систему России. При этом данная тенденция отражается и в конкретном случае, в опыте функционирования партий в субъектах СЗФО;

- политические партии, которые в своих программах заявляют о национальной идее, не оказывают никакого воздействия на публичное политическое пространство страны, в целом, и в Северо-Западной федеральном округе, в частности;

- невозможно установить ни прямую, ни обратно пропорциональную зависимость между такими факторами, как программным заявлением партией о национальной идее и ее ролью в политическом процессе ни на федеральном, ни на региональном уровнях.

Вторая группа гипотез позволила охватить все программы партий, т.к. акцентировалось внимание на близкое смысловое значение феномена «национальная идея» и частоту упоминаний. В связи с чем были сформулированы нижеследующие гипотезы:

- «национальная идея» выступает как нейтрально окрашенная мифологема, партия акцентирует внимание на решение иных задач, напрямую не связанных с поиском национальной интегрирующей идеи для страны;

- «национальная идея» - позитивно маркированная мифологема. Партия предстает как реальная сила в политической системе страны и региона, оказывающая непосредственное влияние на принимаемые политические решения.

- невозможность установить зависимость роли и значения партии в политическом процессе страны и отдельно взятого федерального округа России с частотой упоминаний в программах смыслов «национальная идея».

Вторая группа гипотез была сформулирована, исходя из количественного анализа исследуемой информации. Взяв в качестве контрольной отметки 100, удалось выявить трехуровневое проявление признака необходимости партиями в своих программах использования дискурса национальной идеи с тем, чтобы определить свой статус, роль и

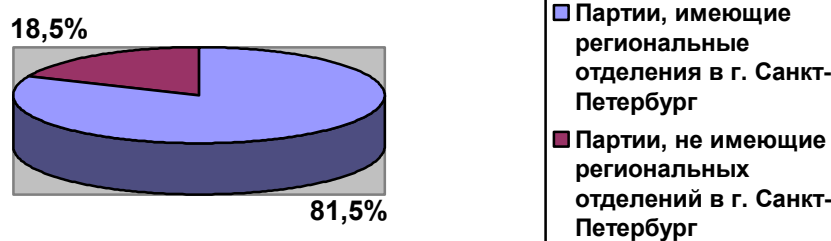
значение в политической системе страны, в возможностях выполнения своих функций и трансляции идей в массовое сознание народа.

Следует также отметить, что, по нашему мнению, не имело смысла выделять в качестве отдельной группы гипотезы, непосредственно описывающие ситуацию в субъектах СЗФО. Во многом это было обусловлено тем, чтобы показать проявление существующих федеральных политических тенденций на региональном уровне.

Изначально мы посмотрели на количество региональных отделений политических партий в субъектах СЗФО и увидели следующее. Из 11 субъектов в 7 из них количество представленных в регионах политических партий превышает 50% (см. рис. 1, 2). Это свидетельствует о том, что в СЗФО идет активное партийное строительство, расширяется региональное представительство партий, что подтверждает общенациональную тенденцию либерализации политики и показывает важность партии как актора в политической системе.

Рисунок 1. В г. Санкт-Петербург, в Калининградской, Ленинградской, Псковской, Архангельской, Новгородской, Вологодской областях на региональном уровне представлено более половины политических партий.

Представленность партий на региональном уровне, в г. Санкт-Петербург (июль 2015).

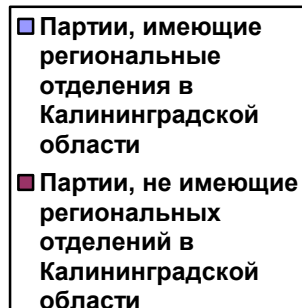
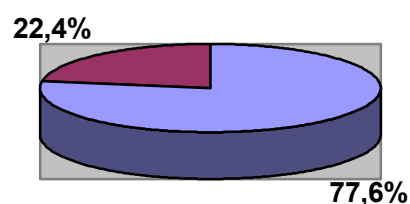

144145

¹⁴⁴ Список зарегистрированных региональных отделений политических партий на территории Санкт-Петербурга // Министерство юстиции РФ (официальный сайт). – URL: <http://to78.minjust.ru/ru/spisok-zaregistrirovannyh-regionalnyh-otdeleniy-politicheskikh-partiy-na-territorii-sankt-peterburga> (07.07.2015).

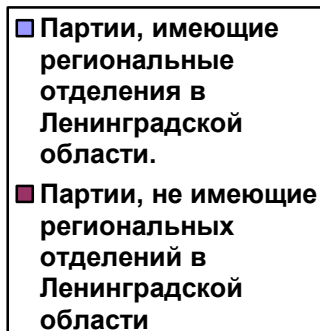
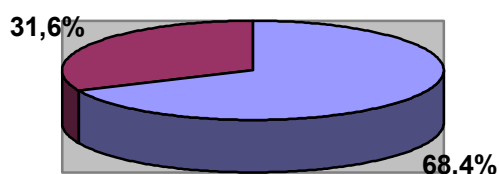
¹⁴⁵ Интересным представляется факт, что на территории г. Санкт-Петербург зарегистрированы отделения партий «Родная Страна» и Всероссийской Социалистической партии «Отчизна». Однако, данные партии не представлены на федеральном уровне. Возможно, партии была зарегистрированы ранее, в 2012-2013 гг., но на момент исследования они уже были упразднены. В связи с чем, данные единицы были исключены из анализа.

**Представленность партий на региональном
уровне, в Калининградской области
(на 11.06.2015).**

146

**Представленность партий на региональном
уровне, в Ленинградской области (на 01.05.2015).**

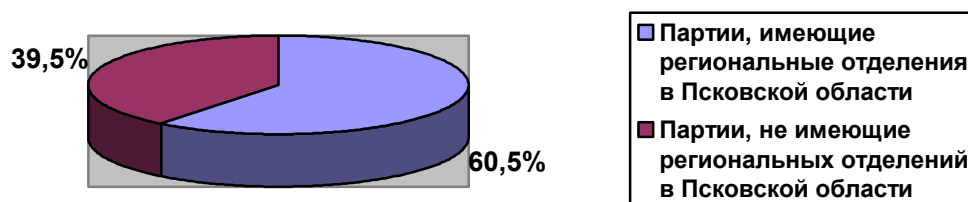

147

¹⁴⁶ Перечень политических партий, их региональных отделений, зарегистрированных на территории Калининградской области, которые, в соответствии с Федеральным законом «О политических партиях» и Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ», вправе участвовать в выборах Губернатора Калининградской области, назначенных на 13 сентября 2015 г., по состоянию на 11 июня 2015 г. // Избирательная комиссия Калининградской области (официальный сайт). – URL: <http://izbirkom39.ru/deyatelnost-kro-pp/> (05.07.2015).

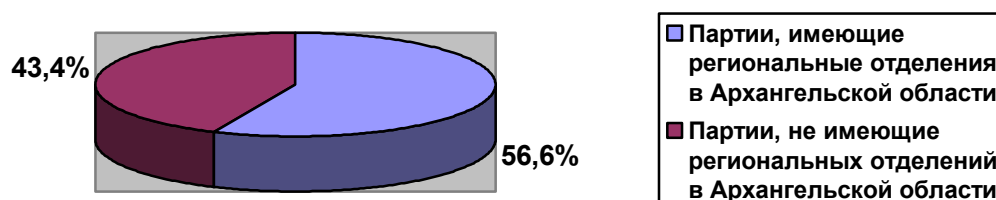
¹⁴⁷ Сведения о региональных отделениях и иных структурных подразделениях политических партий, зарегистрированных в соответствии с Федеральным законом от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» на территории Ленинградской области по состоянию на 01.05.2015 // Министерство юстиции РФ (официальный сайт). – URL: http://to47.minjust.ru/sites/default/files/1spisok_zareg_01.05.2015.pdf (05.07.2015).

**Представленность партий на региональном уровне,
в Псковской области (на 02.06.2015).**

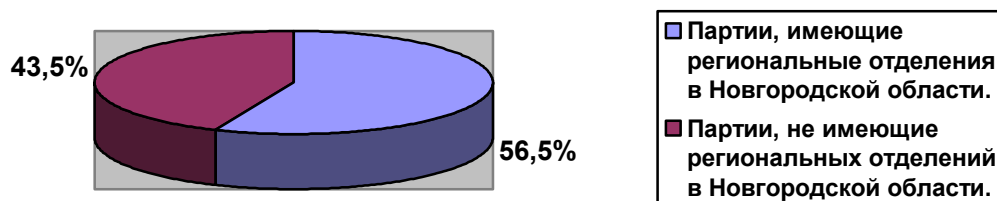
148

**Представленность партий на региональном уровне,
в Архангельской области (на 26.05.2015).**

149

**Представленность партий на региональном уровне,
в Новгородской области (на 17.04.2015).**

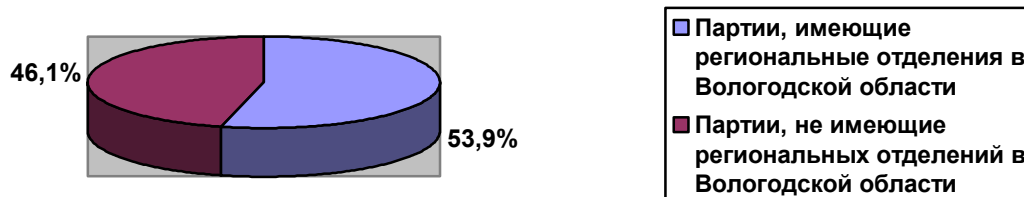

150151

¹⁴⁸ Сведения о региональных отделениях политических партий, зарегистрированных Управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Псковской области (по состоянию на 02.06.2015 г.) // Избирательная комиссия Псковской области (официальный сайт). – URL: <http://pskov.izbirkom.ru/parties/regions.html> (07.07.2015).

¹⁴⁹ Перечень региональных отделений политических партий, зарегистрированных в Архангельской области и Ненецком автономном округе (по состоянию на 26.05.2015) // Министерство юстиции РФ (официальный сайт). – URL: <http://to29.minjust.ru/ru/politicheskie-partii-89> (03.07.2015).

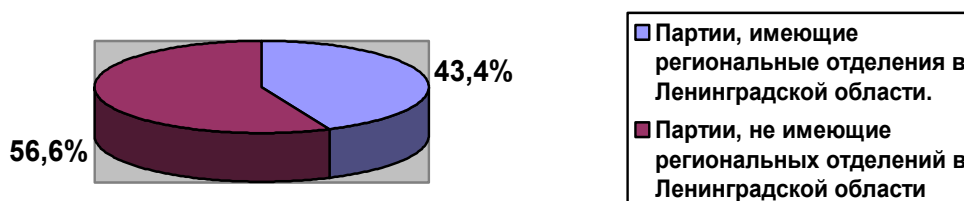
Представленность партий на региональном уровне, в Вологодской области (на 03.07.2015).

152

Рисунок 2. В Мурманской области, в Республиках Карелия и Коми, и в Ненецком автономном округе на региональном уровне представлено менее половины политических партий.

Представленность партий на региональном уровне, в Мурманской области (на 23.02.2015)

153

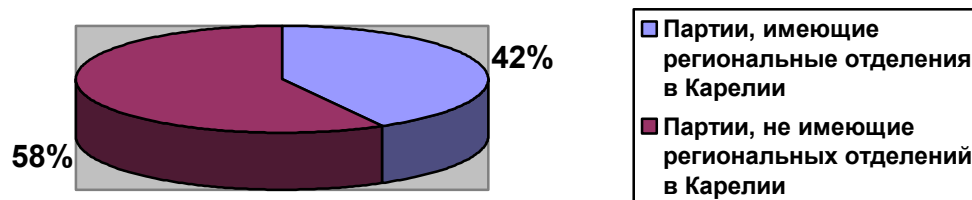
^{150 150} Политические партии с региональным уровнем действия // Избирательная комиссия Новгородской области (официальный сайт). – URL: <http://www.novgorod.izbirkom.ru/way/0B7E2B58-7524-4109-AD36-F67E2D62960C/obj/8D6A536D-2E2E-49F6-8425-38A91FA48D09.html> (06.07.2015).

¹⁵¹ «Партия Прогресса» исключена из анализа, т.к. на федеральном уровне она упразднена.

¹⁵² Перечень региональных отделений политических партий, состоящих на учете в Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Вологодской области // Министерство юстиции РФ (официальный сайт) . – URL: http://to35.minjust.ru/sites/default/files/spisok_reg.otdeleniy_partiy_-_na_sayt03.07.15.pdf (04.07.2015)

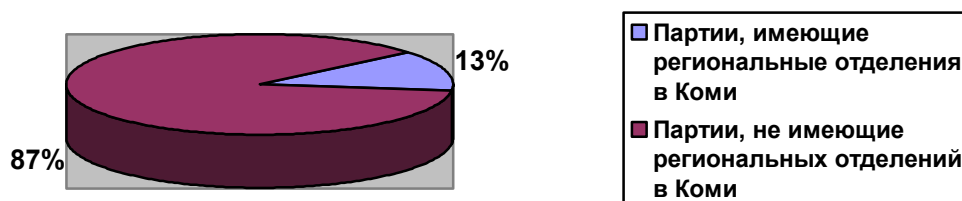
¹⁵³ Список региональных отделений политических партий, зарегистрированных на территории Мурманской области // Министерство юстиции РФ (официальный сайт). – URL: https://docviewer.yandex.ru/?url=ya-serp%3A%2F%2Fto51.minjust.ru%2Fsites%2Fdefault%2Ffiles%2Fspisok_partiy_6.docx&c=559a6f11df65 (06.04.2015).

Представленность партий на региональном уровне, в Республике Карелия (на 12.01.2015)

154155

Представленность партий на региональном уровне, в Республике Коми (июль 2015)

156157

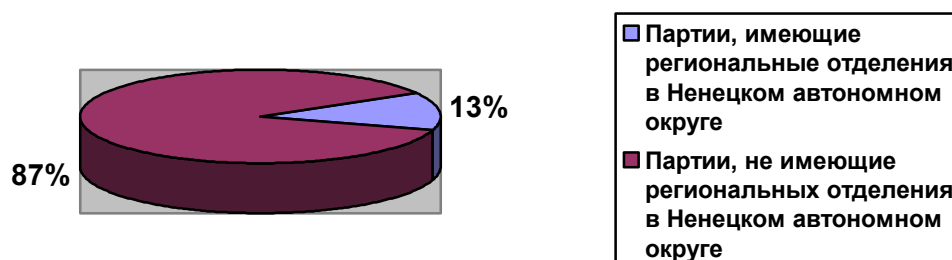
¹⁵⁴ Список региональных отделений политических партий Республики Карелия, зарегистрированных в соответствии с Федеральным законом «О политических партиях». – URL: karel.izbirkom.ru/etc/ropp20150112.doc (дата обращения: 22.05.2015).

¹⁵⁵ «Партия Прогресса» исключена из анализа, т.к. на федеральном уровне она упразднена.

¹⁵⁶ Список политических партий, региональных отделений политических партий, зарегистрированных на территории Республики Коми, а также общественных объединений и профессиональных союзов, имеющих право участвовать в выборах в органы местного самоуправления Республики Коми, предоставленный Министерством юстиции Российской Федерации. – URL: http://izbirkom.rkomi.ru/logos/db/files/f_4b12ec6b31979.pdf (03.07.2015).

¹⁵⁷ Партия «Союз правых сил» имеет представительство в Республике Коми, но на федеральном уровне она не представлена, в связи с чем была исключена из анализа.

**Представленность партий на региональном уровне,
в Ненецком автономном округе
(на 26.05.2015)**

158

В Мурманской области, в республиках Карелия и Коми, и в Ненецком автономном округе региональная представленность партий ниже 50%. Проанализировав плотность населения в данных субъектах СЗФО¹⁵⁹ можно заметить, что она меньше 6 чел./км². Однако и в Архангельской области плотность населения равна 2,76 чел./км², а число региональных отделений партий составляет 43 из 76. Данный факт свидетельствует о том, что плотность населения не единственный показатель, определяющий количество региональных отделений партий в том или ином субъекте СЗФО, есть и другие причины проявления подобного признака. Однако нам было интересно не столько выявить эти причины, сколько проанализировать популярность мифологемы национальной идеи, выраженной через программы современных политических партий, имеющих территориальное представительство в субъектах СЗФО,

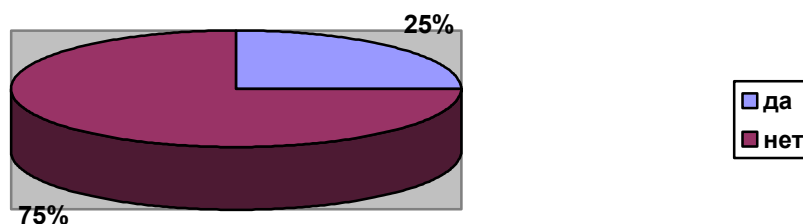
В связи с этим мы исследовали программы политических партий и изначально выявили, в каких из них встречается в чистом виде словосочетание «национальная идея» на федеральном уровне (см. рис. 3).

Рисунок 3. Политические партии России, в программах которых используется словосочетание «национальная идея».

¹⁵⁸ Перечень региональных отделений политических партий, зарегистрированных в Архангельской области и Ненецком автономном округе (по состоянию на 26.05.2015) // Министерство юстиции РФ (официальный сайт). – URL: <http://to29.minjust.ru/ru/politicheskie-partii-89> (03.07.2015).

¹⁵⁹ Плотность населения субъектов Российской Федерации. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BB%D0%BE%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C_%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F_%D1%81%D1%83%D0%B1%D1%8A%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%BE%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8 (09.07.15).

На федеральном уровне.

Анализ программ политических партий показал, что в России из 76 только в 19 из них заявляется о национальной идее, что составляет 25% от общего числа партий. Полученный показатель позволил провести сравнение по субъектам СЗФО и определить интервальные границы демонстрации признака на региональном уровне:

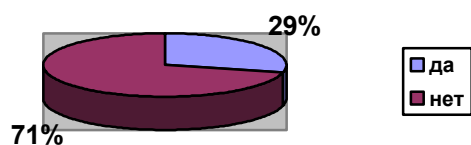
- от 20% до 30% партий, представленных в регионе, в программах которых встречается словосочетание «национальная идея», означает, схожесть проявления политических тенденций, характерных для страны, в целом. Национальная идея, с нашей точки зрения, становится одним из показателей популяризации партии, ее легитимности, благодаря чему организация стройно вписывается в партийную систему государства;

- показатель менее 20% свидетельствует о том, что популярность мифологемы национальной идеи достигается посредством других параметров, а не за счет использования в чистом виде словосочетания «национальной идеи»;

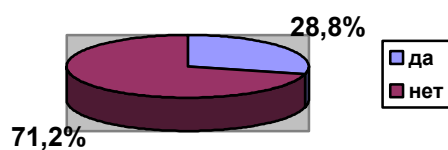
- полученные данные более 30% по сравнению с федеральным уровнем говорят о том, что мифологема национальной идеи позитивно окрашена и традиционно символизирует духовно ценностный аспект ее выражения в регионе. Симптоматично, что это способствует усилению еще и такого показателя как авторитарных тенденций современных политических практик на региональном уровне (см. рис. 4, 5, 6).

Рисунок 4. От 20% до 30% политических партий, представленных на уровне СЗФО, в программах которых используется словосочетание «национальная идея».

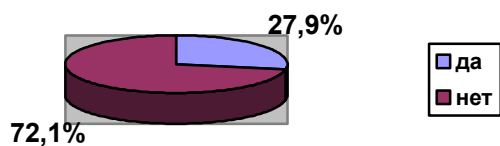
На региональном уровне, в г.
Санкт-Петербург.

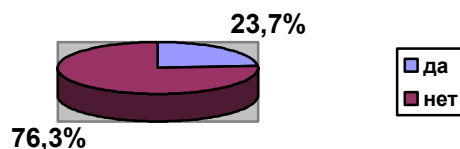
На региональном уровне, в
Ленинградской области.

На региональном уровне, в
Новгородской области.

На региональном уровне, в
Калининградской области.

На региональном уровне, в
Архангельской области

На региональном уровне, в
Мурманской области.

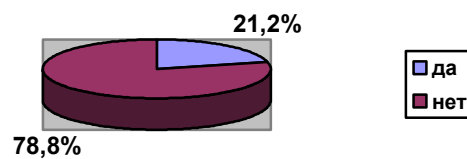
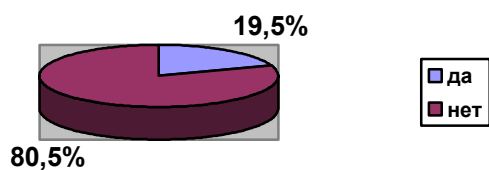
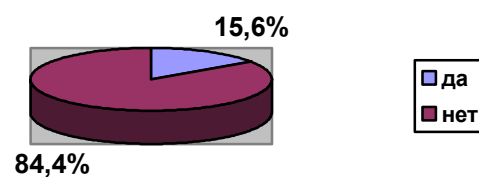

Рисунок 5. Менее 20% политических партий, представленных на уровне СЗФО, в программах которых используется словосочетание «национальная идея».

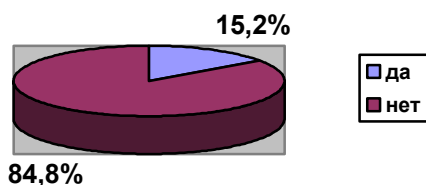
На региональном уровне, в
Вологодской области.

На региональном уровне, в
Республике Карелия.

На региональном уровне, в
Псковской области.

На региональном уровне, в
Ненецком автономном округе.

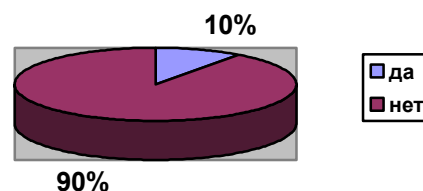
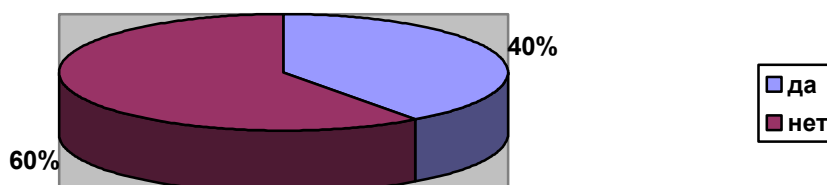

Рисунок 6. Более 30% политических партий, представленных на уровне СЗФО, в программах которых используется словосочетание «национальная идея».

На региональном уровне, в Республике Коми

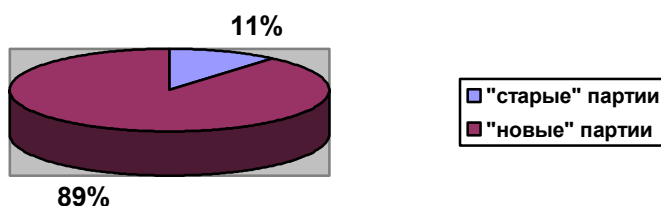
В итоге, в тех субъектах СЗФО, где выше или же приблизительно такой же, как и на федеральном уровне, процент региональных отделений партий, использующих в своих программах словосочетание «национальная идея», с нашей точки зрения, свидетельствует об их консервативности. В регионах наблюдается четкое следование политике федерального центра с использованием тех же тактик и приемов. В том случае, когда представленность партий,

заявляющих в чистом виде о национальной идее, в субъектах СЗФО ниже по сравнению с Россией, то это позволяет говорить о специфике протекания в них политических процессов, которым свойственны признаки либерализации.

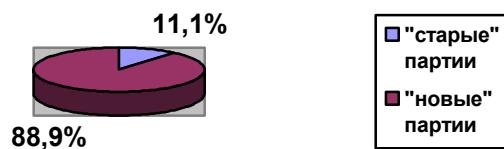
Также было интересно проанализировать соотношение «старых» (дата регистрации до 2012 г.) и «новых» (дата регистрации с 2012 г.) партий, напрямую заявляющих о необходимости национальной идеи. Так на федеральном уровне из 19 партий только две из них – «Патриоты России» и «Справедливая Россия» – это «старые» партии, что составляет всего 11%. Примечательно, что только эти две «старые» партии представлены во всех субъектах СЗФО, за исключением, Ненецкого автономного округа, в котором региональное отделение имеет только одна «Справедливая Россия» (см. рис. 7).

Рисунок 7. Соотношение «старых» и «новых» партий, в программах которых встречается словосочетание «национальная идея».

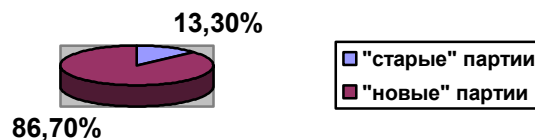
На федеральном уровне.

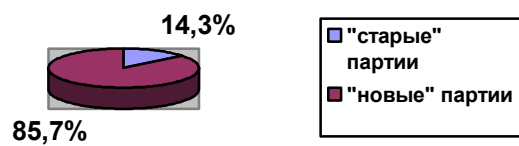
На региональном уровне, в г. Санкт-Петербург.

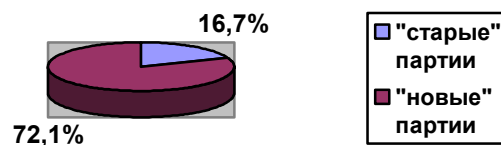
На региональном уровне, в Ленинградской области.

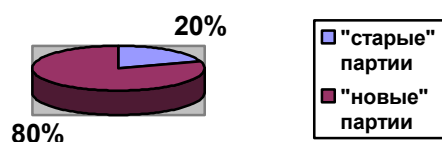
На региональном уровне, в
Калининградской области.

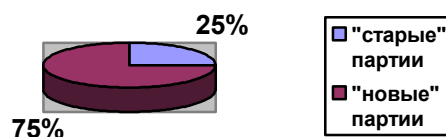
На региональном уровне, в
Новгородской области.

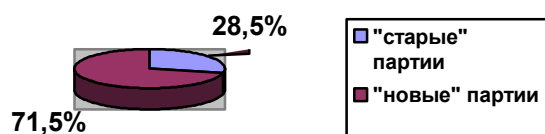
На региональном уровне, в
Архангельской области.

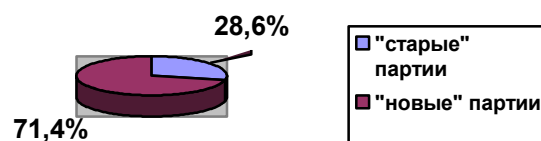
На региональном уровне, в
Вологодской области.

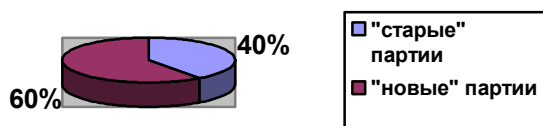
На региональном уровне, в
Мурманской области.

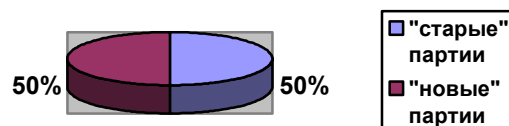
На региональном уровне, в
Псковской области.

**На региональном уровне, в
Республике Карелия.**

**На региональном уровне, в
Республике Коми.**

Несмотря на то, что в субъектах СЗФО имеют региональные отделения только две «старые» партии, которые в своих программах используют словосочетание «национальная идея», полученные данные разнятся. Связано это с тем, что соотношения «старых» и «новых» партий в России и в СЗФО отличаются, что напрямую зависит от количества зарегистрированных партийных региональных отделений на территориях субъектов округа. Вместе с тем, можно наблюдать сходство регионального и федерального уровней в том, что в большинстве случаев (исключение, Республика Коми) используют понятие «национальная идея» в чистом виде «новые» партии. Полагаем, что, не имея должной социальной опоры, «новые» партии ищут те идеи, программные положения, которые бы «цепляли» общественность. В таком контексте усиливается мифологичность национальной идеи, проявляющаяся в утилитарности ее ценностных смыслов.

Исходя из этого, следует признать, что новые политические силы не оказывают серьезного воздействия на процесс принятия решений, на современные политические практики. Расширяя плюрализм политического пространства, данные партии выступают некими статистическими единицами в политической системе. Как представляется, используемая мифологема национальной идеи новыми партиями интерпретируется прагматически. Не имея опыта электоральной борьбы, они ее могут применять, как одно из средств для создания хоть какой бы то ни было политической платформы своей деятельности.

Выявляя доказуемость поставленных гипотез первой группы на основе анализируемых данных, можно подтвердить лишь то, что нельзя выявить закономерность между программными заявлениями партий о национальной идее и их ролью в политическом процессе ни на федеральном, ни на региональном уровнях. Это может быть обусловлено недостаточностью переменных данных, с одной стороны, а, с другой, что национальная идея как ценность, не находит отклика в массовом сознании, а о ее заявлении политическими силами

в публичное пространство выступает, по большей части, одним из инструментов поддержания их легитимации в условиях проводимой политики.

Вторая группа гипотез выстраивалась на основе всего массива количественных данных в программах партий. Была расширена дефиниция национальной идеи с целью охвата программ всех зарегистрированных партий за счет увеличения ее понятийного осмысления. Таким образом, по количеству упоминаний в программах о национальной идее как сплачивающей российское общество ценности в терминах национальной идентичности, единства, порядка, государственной мощи, державности и т.п. удалось выявить трехуровневое проявление признака:

- от 0 до 35 упоминаний – отсутствует или используется на крайне низком уровне дефиниция «национальная идея», что свидетельствует о низком интересе политической партии к данной мифологеме, и, скорее всего, партия использует другие средства воздействия на общественное сознание;

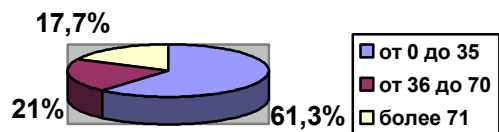
- от 36 до 70 упоминаний – показывает средние параметры, в программах партий наблюдается охват широкого круга проблем, в том числе и вопросы, связанные с национальной идеей, ее поиска и проявления в политической системе;

- более 71 упоминаний демонстрируют устойчивое проявление признака, данные партии либо обладают реальным весом в политическом процессе, либо используют понятие национальной идеи в прагматическом контексте для достижения своих целей (см. рис. 8).

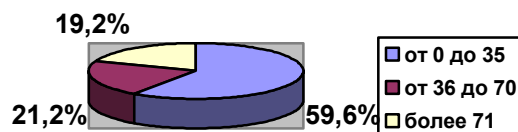
Рисунок 8. Анализ информационного массива дискурса «национальная идея» в программах политических партий в современной России и в Карелии.

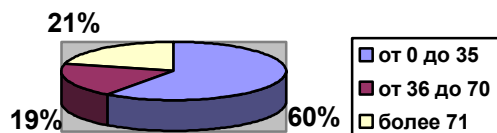
г. Санкт-Петербург.

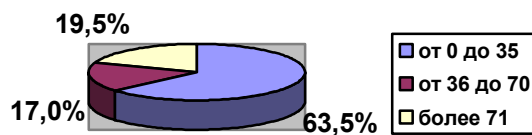
Ленинградская область.

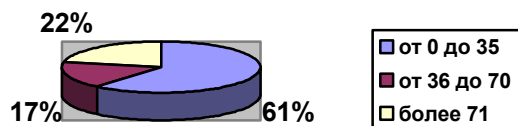
Архангельская область.

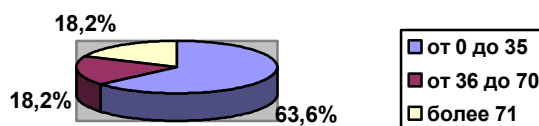
Вологодская область.

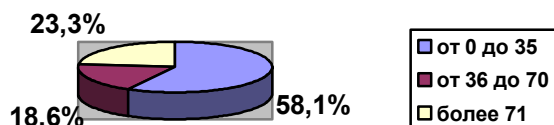
Калининградская область.

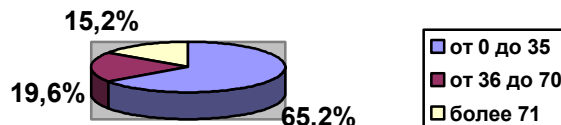
Мурманская область.

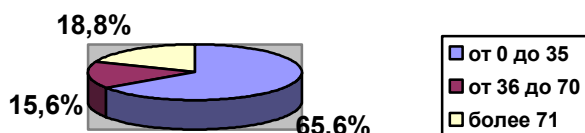
Новгородская область.

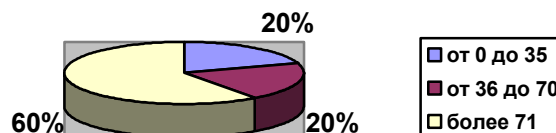
Псковская область.

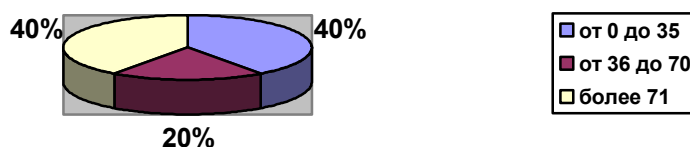
Республика Карелия.

Республика Коми.

Ненецкий автономный округ.

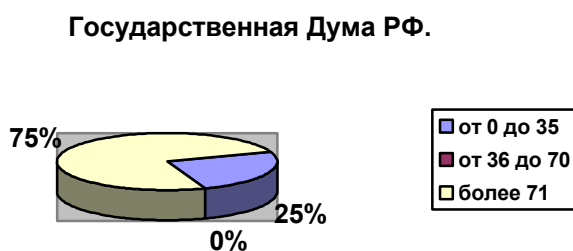

Симптоматично, что в отрицательном контексте «национальная идея» не используется в программах партий, что вызвано, как представляется, традиционной исторической сущностью самого феномена, направленного на достижения сплочения многонационального народа, так и особенностями ее внедрения в массовое сознание сверху, властвующими структурами по большей части использующими ее как популистическую идею. При этом в программах национальная идея употребляется нейтрально, что свидетельствует, скорее всего, об акцентировании внимания партии на решение иных задач, напрямую не связанных с интегративной сущностью национальной идеи для страны.

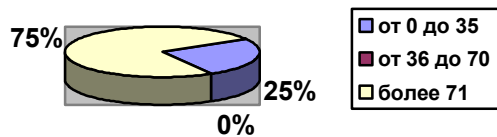
Исследование полученных данных показывает схожесть проявления общероссийских тенденций на уровне субъектов СЗФО. Исключение представляют Республика Коми и Ненецкий автономный округ. Обусловлено это тем, что в данных субъектах Северо-запада зарегистрировано по 10 региональных отделений партий. Различие в количестве упоминаний в программах дискурса национальной идеи вызвано отличиями самих зарегистрированных региональных отделений партий на территориях каждого из субъектов. Также можно констатировать, что чем больше партий представлено на региональном уровне, тем более схожи показатели с общероссийскими. Без таковых субъект федерации демонстрирует устойчивость консервативных тенденций без кардинального переустройства политической системы в регионе.

Пытаясь выявить закономерность количества упоминаний дискурса национальной идеи в программах и весом партий в политической системе страны, мы столкнулись с исследовательскими трудностями. В связи с этим было принято решение проанализировать те политические партии, которые имеют представительство в ныне действующих законодательных органах власти в России и в СЗФО. Данная информация была необходима для определения реального веса партийных сил в политической системе на федеральном и региональном уровнях, и то, с какой целью они могут использовать дискурс национальной идеи в своих программах. Однако, следует отметить, парламентские выборы проходили с 2011 по 2014 гг. в разных субъектах, от чего полученные данные не очень корректны из-за произошедших за это время изменений избирательного законодательства и партийной системы страны. Наряду с этим в тех субъектах СЗФО, где депутаты избираются по смешанной избирательной формуле, анализировалась только их «партийная» часть, от которой напрямую зависит число фракций в парламенте (см. рис. 9).

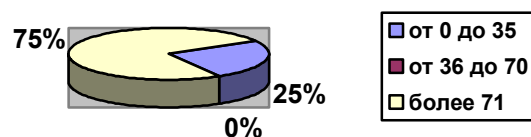
Рисунок 9. Дискурс «национальная идея» в программах политических партий, имеющих представительство в законодательном органе власти.

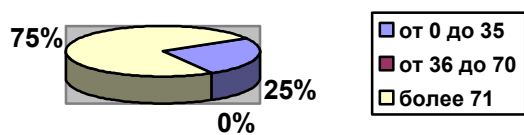
**Государственный Совет
Республики Коми.**

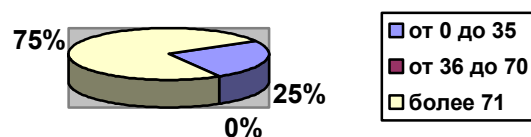
**Законодательное Собрание
Вологодской области.**

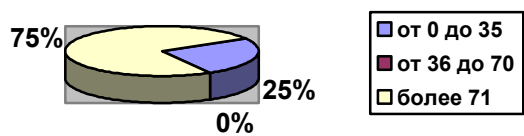
**Законодательное собрание
Ленинградской области.**

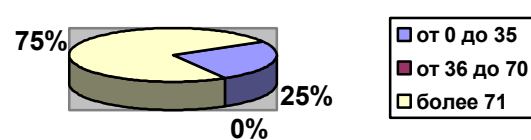
Мурманская областная дума.

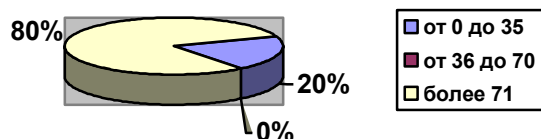
Новгородская областная дума.

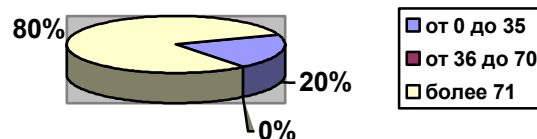
**Собрание депутатов Ненецкого
автономного округа.**

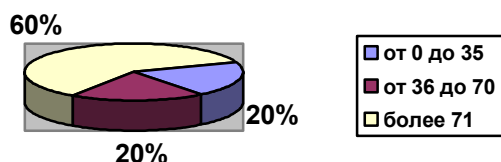
**Архангельское областное
Собрание депутатов.**

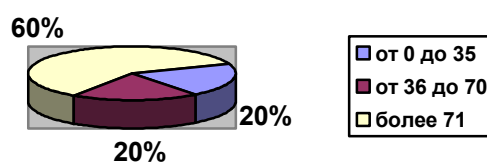
Калининградская областная Дума.

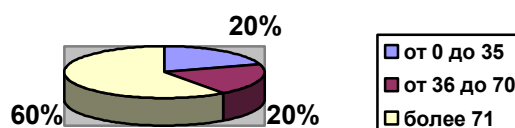
Законодательное Собрание Санкт-Петербурга.

**Законодательное Собрание
Республики Карелия.**

Псковское областное собрание.

Сравнивая с Государственной Думой РФ фракционный состав законодательных органов власти субъектов СЗФО, можно отметить, что в Республике Коми, Вологодской, Ленинградской, Мурманской, Новгородской областях и в Ненецком автономном округе парламенты имеют схожие значения, обусловленные тем, что в их состав входят депутаты от четырех партий: «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия». Также был отмечен интересный факт, что партия «Гражданская сила» не имеет регионального представительства в Ненецком автономном округе, но при этом имеет одного депутата в высшем законодательном органе власти. Во избежание погрешностей, депутат от партии «Гражданская сила» был

исключен из анализа. В Архангельской и Калининградской областях фракционный состав парламентов, наряду с этими же четырьмя партиями расширен за счет депутатов от партий «Родина» и «Патриоты России», соответственно. Но поскольку в программах данных партий число упоминаний дискурса национальной идеи превышает более 71, то процентные данные немного отличаются от общефедеральных. В Санкт-Петербурге, в Республике Карелия и в Псковской области в состав региональных парламентов вместе с депутатами от партий «Единая Россия», «Справедливая Россия», КПРФ и ЛДПР входят депутаты от партии «Яблоко», в программе которой число упоминаний дискурса национальной идеи находится в интервале от 36 до 70.

Проведя анализ фракционного состава Государственной Думы РФ и парламентов субъектов СЗФО, можно заключить, что по-прежнему только четыре политические партии определяют политику, как на федеральном, так и на региональном уровнях. То, что в некоторых парламентах СЗФО есть депутаты от других партий, свидетельствует о возможности иных политических сил воздействовать на принимаемые решения, хотя и находятся они в явном меньшинстве.

В целом, видно, что ведущие политические силы страны акцентируют внимание на вопросы национального характера, сплоченности народа и сохранения величия страны. При этом интересным стало то, что партия «Единая Россия», имеющее явное превосходство по количеству депутатских мандатов в законодательных органах власти, в своей программе лишь в 20 случаях использует дискурс национальной идеи. Это подтверждает тот факт, что легитимность ведущей партии страны держится на иных основах, напрямую не связанных с проявлением национальной идеи. Расширение партийного представительства в северо-западном регионе говорит о его специфике, в политике которого сочетаются как авторитарные, так и демократические тенденции.

Наряду с этим был проведен анализ количества упоминаний дискурса «национальная идея» в программах «старых» и «новых» партий России, в целом, и в СЗФО, в частности (см. рис. 10).

Российская Федерация – 8 «старых» и 68 «новых» партий.

г. Санкт-Петербург – 7 «старых» и 55 «новых» партий.

Ленинградская область – 7 «старых» и 45 «новых» партий.

Архангельская область – 6 «старых» и 37 «новых» партий.

Калининградская область – 7 «старых» и 52 «новых» партий.

Новгородская область – 7 «старых» и 36 «новых» партий

Вологодская область – 6 «старых» и 35 «новых» партий.

Мурманская область – 6 «старых» и 27 «новых» партий

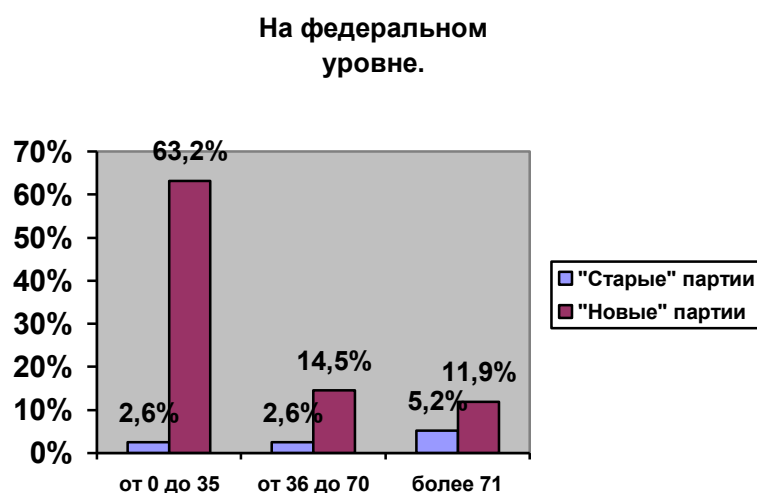
Псковская область – 7 «старых» и 39 «новых» партий

Республика Карелия – 6 «старых» и 26 «новых» партий.

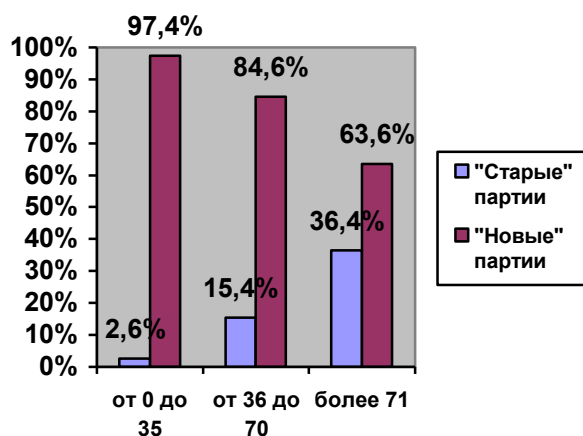
Республика Коми – 6 «старых» и 4 «новых» партий.

Ненецкий автономный округ – 5 «старых» и 5 «новых» партий

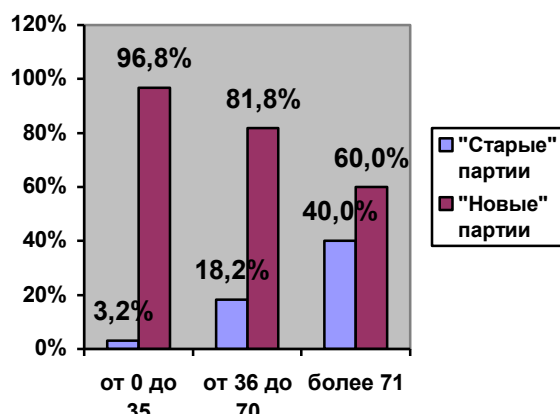
Рисунок 10. Процентное соотношение количества упоминаний в программах «старых» и «новых» партий дискурса национальной идеи.

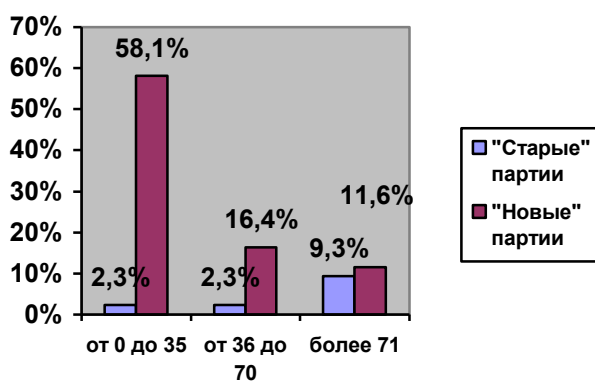
На региональном уровне, в г. Санкт-Петербург.

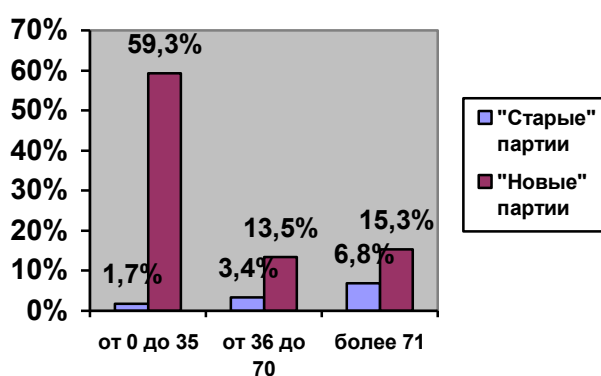
На региональном уровне, в Ленинградской области.

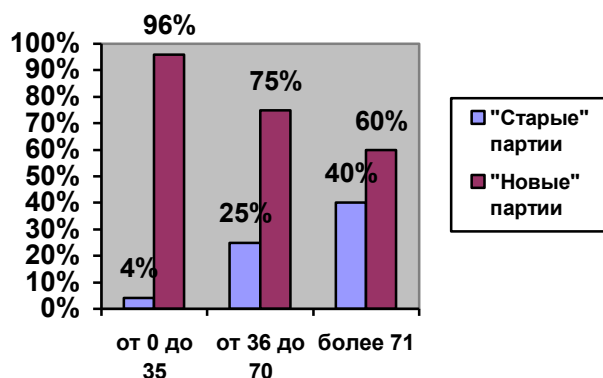
На региональном уровне, в Архангельской области.

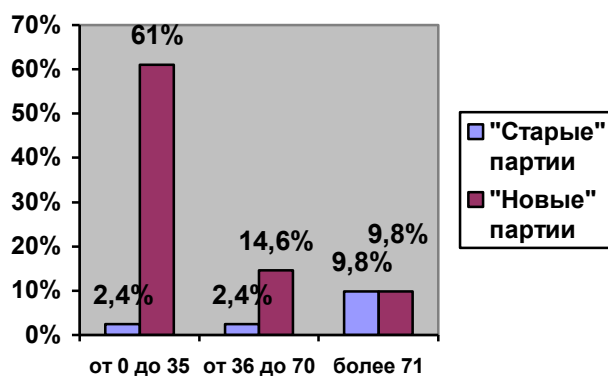
На региональном уровне, в Калининградской области.

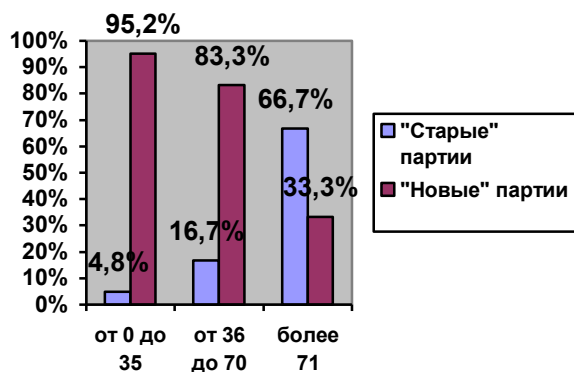
На региональном уровне, в Новгородской области.

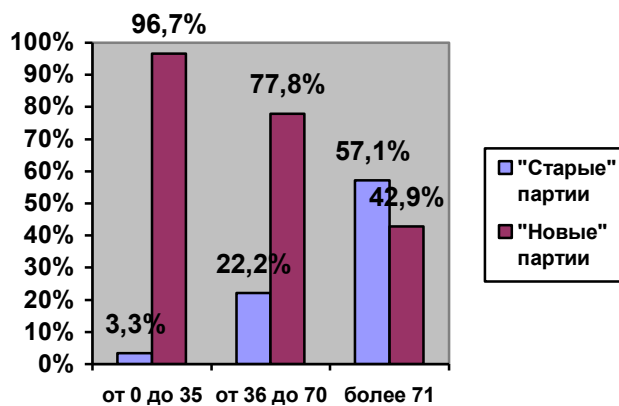
На региональном уровне, в Вологодской области.

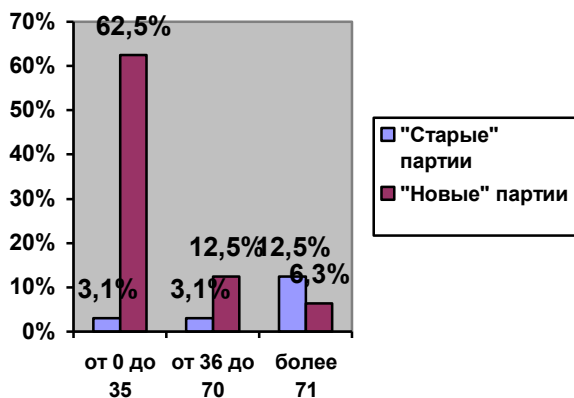
На региональном уровне, в
Мурманской области.

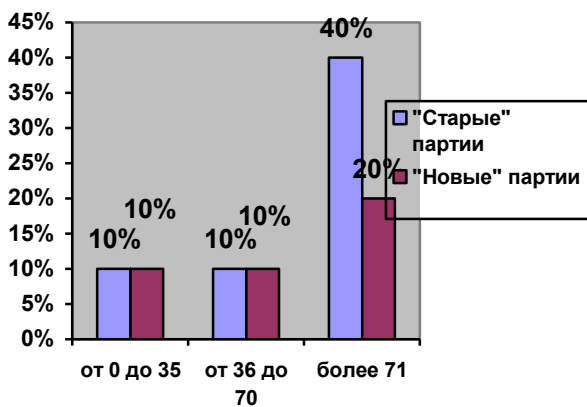
На региональном уровне, в
Псковской области.

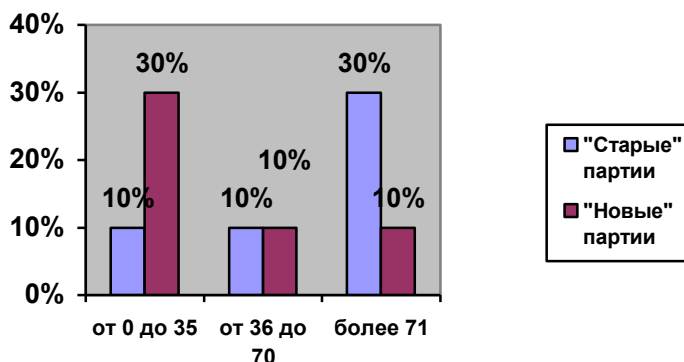
На региональном уровне, в
Республике Карелия.

На региональном уровне, в
Республике Коми.

На региональном уровне, в Ненецком автономном округе.

Полученные данные обращают на себя внимание. Несмотря на разное процентное соотношение «старых» и «новых» партий на федеральном и региональном уровнях, можно наблюдать, что во всех субъектах, за исключением, Республики Коми и Ненецкого автономного округа, по первым двум показателям количество «новых» партий преобладает над «старыми», что свидетельствует о схожести проводимой политики в стране, в целом, и в регионах, в частности. Однако, начиная с Вологодской области (где «старые» и «новые» партии распределились поровну по показателю более 71 упоминаний дискурса национальной идеи), в дальнейшем в Мурманской, Псковской областях, в республиках Карелия и Коми, в Ненецком автономном округе по последнему показателю мы видим, что количество «старых» партий преобладает над «новыми», свидетельствуя о специфике регионов по сравнению с федеральным уровнем. Как представляется, это вызвано дефицитом в данных субъектах СЗФО региональных отделений «новых» партий, что говорит об их недостаточном весе в политической системе страны. Также в регионах сохраняются традиционные политические силы, которые, пользуясь своей легитимностью и информированностью жителей об их существовании, продолжают оказывать непосредственное воздействие на политический процесс в отдельно взятом субъекте РФ.

Проведенный анализ всего массива информационных данных, полученных из программ политических партий современной России, позволяет сделать выводы, что гипотезы второй группы частично подтверждаются. Национальная идея в партийных программах предстает как нейтральная или позитивно окрашенная мифологема. Несмотря на то, что данная идея может быть использована как интегрирующая ценность для страны, в программах политических партий она в подобном формате представлена слабо. Как правило, партии акцентируют внимание на решение иных задач, не связанных с поиском единственной объединяющей государственной идеи.

В целом, данное исследование показывает, что национальная идея не является доминирующей ценностью общественного сознания россиян, а становится лишь средством воздействия политической элиты на их мнение. Акторы, которые время от времени заявляют о ней, по большей части, мотивируются популизмом ради достижения своих целей. Таким образом, мифологичность национальной идеи усиливается ее прагматизмом для политических сил. Те партии, которые обладают реальным весом в политической системе страны, как на федеральном, так и на региональном уровнях, дискурс национальной идеи используют в популяризации его значения для граждан государства. При этом данный феномен хоть и влияет на их уровень легитимности, но выступает далеко не единственным и даже не доминирующим показателем. В связи с чем анализ программ политических партий с использованием только дискурса национальной идеи не дает возможности установить зависимость роли и значения партий в политическом процессе, как страны, так и отдельно взятого субъекта Российской Федерации.

Наряду с этим следует упомянуть и специфику политических программ партий. Самым действенным способом заявить о своих идеях любая партия может лишь в период избирательных кампаний. И даже в этом случае население потребляет лишь ту информацию, которая внедряется в массы посредством политической рекламы в ее самом широком понимании. Избиратели, как правило, знакомятся с программами на парламентских выборах и лишь с той частью конкретной программы, которую политтехнологи считают наиболее сильной, чтобы привлечь внимание общественности и заручиться поддержкой электората. Наряду с этим, на будущих в 2016 г. выборах депутатов Государственной Думы, как представляется, далеко не все политические партии, которые даже на данный момент зарегистрированы (а процесс появления новых партий продолжается) смогут стать кандидатами для участия в избирательной гонке. Таким образом, у данных партий не будет возможности репрезентовать свои программы широким массам общественности. Однако, думается, есть шанс, что будет найдена какая-то иная более продуктивная форма взаимодействия между «старыми» и «новыми» партийными силами, что найдет отражение в феномене национальной идеи для страны, ее необходимости или в определении других интегрирующих смыслов российской политики.

Раздел 4. Публичная политика: региональные аспекты

Предложения по улучшению регулирования развития городов и поселков пригородов Санкт-Петербурга

Санкт-Петербург как город федерального значения и субъект Российской Федерации включает в свои административные границы как собственно город Санкт-Петербурга, так и пригородные территории, на которых расположено более 50 **городов и поселков**, в которых проживает **14%** от общей численности **населения Санкт-Петербурга** (см. **Таблицу 1**). Эти города и поселки тесно связаны с Санкт-Петербургом в рамках агломерации, но являются по большинству географических и социально-экономических характеристик отдельными населенными пунктами.

Кроме пяти городов, являющихся центрами административных районов Санкт-Петербурга (Пушкин, Колпино, Петергоф, Кронштадт, Сестрорецк) и 27 городов и поселков – центров муниципальных образований, в пригородах Санкт-Петербурга расположены также десятки поселков с населением от нескольких десятков до нескольких тысяч жителей, не имеющих никакого официального административного статуса, кроме названия поселка в адресе. Среди таких поселков можно назвать Кронштадтскую Колонию, Бронку, Можайский, Старо-Паново, Хвойный. Так, например, поселок Хвойный в составе муниципального образования город Красное Село, насчитывает более 2,5 тысяч жителей и расположен в нескольких километрах от Красного Села как эксклав на территории Ленинградской области. Поселок не имеет ни собственной местной власти, ни каких-либо иных административных признаков самостоятельности.

Города и поселки, расположенные в пригородах Санкт-Петербурга, испытывают ряд типичных проблем – социальных, градостроительных, транспортных, экологических, отличных от районов, расположенных в городской черте Санкт-Петербурга. Однако решение этих проблем затруднено явно недостаточным учетом особенного положения и особенностей функционирования отдельных городов и поселков в системе управления Санкт-Петербургом, отношением к ним как к обычным «районам» и «микрорайонам» в черте большого города.

Кроме того, некоторые города и поселки в границах Санкт-Петербурга в полной мере испытывают дефицит внимания и финансирования со стороны органов власти Санкт-Петербурга, эффект «заброшенной окраины», «периферии». По сравнению

территориями внутри городской черты, этот эффект для пригородных поселений резко усиливается их удаленным, замкнутым на себе положением.

Следует также учитывать, что степень самоидентификации населения как жителей конкретных городов и поселков, а не только Санкт-Петербурга, значительно выше по сравнению с самоидентификацией населения как жителей районов и исторических территорий в черте города. Население городов и поселков отличается большим количеством социальных связей на местном уровне, больше интересуется вопросами местной жизни, состояния среды проживания, местной экологии и т.п.

Такое предположение требует проверки и уточнения социологическими обследованиями, однако подтверждается экспертными оценками и наблюдением за информацией в СМИ. В силу названного обстоятельства особые проблемы жизни поселений в пригородах легче аккумулируют группы интересов и приобретают публичное звучание по сравнению с проблемами территорий в городской черте.

Таблица 1. Население городов и поселков, расположенных в границах Санкт-Петербурга, на 1 января 2014 года (по данным Петростата)

	Все го	В городской черте	В пригородах
Адмиралтейский район		172 704	
Василеостровский район		211 048	
Калининский район		522 493	
Кировский район		336 811	
Красногвардейский район		346 003	
Московский район		326	

		241	
Невский район		489 922	
Петроградский район		139 298	
Фрунзенский район		405 736	
Центральный район		226 390	
Выборгский район		439 442	32 637
Поселок Левашово			4 007
Поселок Парголово			28 630
Красносельский район		272 483	78 510
Город Красное Село			50 251
МО Горелово			24 072
Володарская (в составе МО Константиновское)			4 187*
Приморский район		525 667	8 979
Поселок Лисий Нос			4 922
МО Лахта-Ольгино			4 057
Колпинский район			185 497
Город Колпино			144 412
Поселок Металлострой			27 925

Поселок Петро-Славянка			1 290
Поселок Понтонный			8 734
Поселок Саперный			1 541
Поселок Усть-Ижора			1 595
Кронштадский район			43 687
Город Кронштадт			
Курортный район			72 648
Город Зеленогорск			14 524
Город Сестрорецк			38 812
Поселок Белоостров			2 144
Поселок Комарово			1 265
Поселок Молодежное			1 655
Поселок Песочный			8 522
Поселок Репино			2 566
Поселок Серово			276
Поселок Смолячково			705
Поселок Солнечное			1 539
Поселок Ушково			640
Петродворцовый район			131 495
Город Ломоносов			42 878
Город Петергоф			75 267
Поселок Стрельна			13 350
Пушкинский район			165 151

Город Павловск			16 495
Поселок Тярлево			1 798
Город Пушкин			100 753
Поселок Александровская			2 675
Поселок Шушары			43 430
ИТОГО: Санкт-Петербург	5 13		718 604
	1 942		(14,0 %)

* по данным СМИ со ссылкой на Красносельскую районную администрацию, 2008 г.

Самостоятельное положение городов и поселков в пригородах Санкт-Петербурга является стабильным. В последние 25-30 лет почти не наблюдается переходных состояний, когда тот или иной населенный пункт пригородов интенсивно вырастает в черту города. Если в 1950-1970-е годы происходило быстрое поглощение большим городом близлежащих поселений (Дачное, Урицк, Сосновая Поляна и т.д.), то уже начиная с 1980-х годов такие случаи стали носить лишь единичный характер.

Можно также заметить, что при сохранении топонимов вошедших в городскую черту пригородных населенных пунктов (Купчино, Автово, Дачное, Лигово и т.д.) их названия никогда не употребляются в обиходе в сочетании со словом «поселок». Это подчеркивает самостоятельный статус не входящих в городскую черту городов и поселков, которые постоянно именуются именно городами и поселками - и неформально, и официально.

Ниже представлена краткая экспертная оценка наиболее существенных особенностей и проблем развития городов и поселков, расположенных в пригородах Санкт-Петербурга, требующих изменений в системе управления, и необходимых направлений ее изменения.

1. Градостроительный аспект

В настоящее время решения о целевом использовании земель и о предоставлении участков под инвестиционные проекты в пригородах Санкт-Петербурга принимаются **без**

учета потребностей сохранения и комплексного развития городов и поселков, их транспортной и социальной инфраструктуры, **качества жизни местных жителей**. Некоторые инвестиционные проекты могут становиться двигателями развития и способствовать процветанию населенных пунктов, но часто происходит наоборот.

Существенная особенность заключается в том, что при реализации инвестиций в производственные мощности или жилую недвижимость в пределах или непосредственно у черты большого города создаваемая нагрузка на инженерную, транспортную и социальную инфраструктуру распределяется на значительную городскую территорию, а **при реализации проектов на территории или рядом с отдельными городами и поселками в пригородах дополнительная нагрузка на инфраструктуру концентрируется в пределах одного небольшого по размерам населенного пункта**.

Так, в 2008-2010 гг. правительством Санкт-Петербурга за счет бюджетных средств были построены два крупных жилых квартала для нуждающихся в улучшении жилищных условий петербуржцев, ветеранов и переселяемых из аварийных домов примерно на 15 тысяч жителей на территории города Красное Село, население которого составляло 43 тыс. жителей.

При этом школы, детские сады и другие социальные объекты были изначально запланированы с некоторым дефицитом и стали вводиться в строй с опозданием по отношению к жилым домам.

*Запланированные взрослая и детская поликлиники начали строиться только в 2014 году. В результате вся дополнительная нагрузка легла на уже имеющиеся в Красном Селе несколько школ и детсадов, единственную взрослую и единственную детскую поликлинику и вызвала острый дефицит социальных услуг для всех жителей, **поскольку удаленность Красного Села не позволяет пользоваться социальной инфраструктурой за пределами города Красное Село**. К тому же строительство новых кварталов не сопровождалось никакими мерами по улучшению перегруженной транспортной связи Красного Села с Санкт-Петербургом. Очевидно, что **Красное Село было выбрано в качестве места строительства жилых кварталов на территории Санкт-Петербурга без всякого учета того, что Красное Село является отдельно расположенным городом**.*

*В настоящее время аналогичная ситуация назревает в **Петергофе** – строительство нового жилья для нескольких десятков тысяч жителей с очевидным отставанием развития транспортной и социальной инфраструктуры.*

Особой проблемой стало строительство жилых комплексов на территории Ленинградской области в непосредственной близости и с открытым расчетом на инфраструктуру Санкт-Петербурга. Часто такие проекты реализуются в местах, где область примыкает к городской черте (Бугры, Девяткино, Кудрово), и нагрузка от них распределяется в городе. Но часть проектов ложится непомерным бременем на отдельные города и поселки пригородов (жилмассивы в Новогорелово, Куттузи, Лаголово и т.д.).

Генеральный план Санкт-Петербурга не содержит никаких специальных разделов, определяющих развитие отдельных городов и поселков в составе Санкт-Петербурга. Территориальный аспект Генплана затрагивает только в целом различия городской и пригородной зон в границах Санкт-Петербурга, оперируя такими понятиями как:

- *«центральные и нецентральные районы»;*

- *«периферийные районы»;*

- *«спальные районы и пригороды»;*

- *«сплошь застроенная (урбанизированная) часть Санкт-Петербурга и пригородные поселения (города Пушкин, Павловск, Петергоф, Ломоносов, Колпино, Сестрорецк, поселками Белоостров, Лисий Нос и т.д.), расположенные на территории Петродворцового, Пушкинского, Курортного, Колпинского и Приморского районов Санкт-Петербурга»* (одно упоминание в п.5 раздела 2.2.1 Положения о территориальном планировании Санкт-Петербурга в связи с задачей сохранения свободных пространств и ценных природных комплексов при градостроительном освоении новых территорий);

- *«историческая часть Санкт-Петербурга и исторические «малые города» и «поселения»* (одно упоминание в п.1 раздела 2.2.1 Положения о территориальном планировании Санкт-Петербурга в связи с задачей сохранения исторического и культурного наследия);

В одном из отраслевых разделов упоминается *«разработка детальных схем водоснабжения городов Пушкин, Павловск, Красное Село, Петергоф, Ломоносов, Колпино, Курортного района»*. В остальных случаях объекты и территории в городах и поселках пригородов упоминаются в общем ряду с объектами и территориями в городской черте.

Аналогично, в **Стратегии экономического и социального развития Санкт-Петербурга на период до 2030 года**, утвержденной Постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 13 мая 2014 года № 355, и в предварившей ее **Концепции социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2020 года**, утвержденной Постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 28 марта 2012 года № 275, не упоминается необходимость комплексного развития городов и поселков в составе Санкт-Петербурга как самостоятельных поселений.

В **Концепции социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2020 года** упоминается только *развитие городов-спутников*, наряду с намывом территорий, в связи с *проблемой нехватки свободных площадей*.

В **Стратегии экономического и социального развития Санкт-Петербурга на период до 2030 года** упоминаются лишь:

- *значительная разница плотности населения* между некоторыми центральными районами и *такими районами как Пушкинский и Курортный*;

- наличие в Санкт-Петербурге *«быстроразвивающейся агломерации»*;

- «изменения в системе расселения города и *быстрое усиление роли его периферийной зоны*»

- отсутствие урегулирования вопросов развития *пригородной зоны* Санкт-Петербурга и территорий Ленинградской области, граничащих с территорией Санкт-Петербурга.

В Укрупненной схеме размещения экономических зон Санкт-Петербурга, содержащейся в Стратегии экономического и социального развития Санкт-Петербурга на период до 2030 года, выделены зоны с особыми условиями:

А – Курортная

Б – Кронштадтская

В – Петродворцовая

Пригородная часть Красносельского, Пушкинский и Колпинский районы объединены в зону 6 (Южная). В «основных направлениях деятельности по развитию

зоны» упоминается развитие *«новых полифункциональных подцентров агломерации (г.Южный и др.)»*.

Отдельные существующие города и поселки в схеме экономических зон нигде не упоминаются.

При этом в Стратегии упоминается *«создание новых населенных пунктов в пригородной зоне Санкт-Петербурга и регулирование агломерационных процессов», «дальнейшее развитие инфраструктуры и улучшение условий проживания в садоводствах и дачных поселках, расположенных на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области» и «создание новых населенных пунктов на границе двух субъектов Российской Федерации, привлекательных для проживания населения обоих субъектов»*.

Государственная программа Санкт-Петербурга "Экономическое и социальное развитие территорий Санкт-Петербурга" на 2015-2020 годы, утвержденная Постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 30.06.2014 № 551, как и содержащаяся в ней подпрограмма «Планирование экономического и социального развития территорий Санкт-Петербурга», лишь повторяет подходы, имеющиеся в Стратегии экономического и социального развития Санкт-Петербурга и не вносит никакой конкретики относительно развития городов и поселков в пригородах Санкт-Петербурга.

В программе декларируется *«переход к развитию города по полицентрической модели»*, под которой понимается *«управляемое и скоординированное развитие на территории Санкт-Петербурга за пределами центрального делового района системы подцентров и горизонтальных связей между ними»*. *«Развитие полицентрической модели необходимо осуществлять как на базе существующих подцентров, расположенных в зоне так называемого "реального города" не далее 10-15 км от КАД (например, г.Колпино, г.Пушкин), так и создание городов-подцентров на периферии Санкт-Петербурга (стратегический инвестиционный проект Санкт-Петербурга "Создание города-спутника "Южный")»*. Никаких более определенных положений о перспективах и подходах к развитию городов и поселков пригородной зоны в качестве «полицентров» текст программы не содержит.

Таким образом, в главных стратегических документах Санкт-Петербурга лишь мимоходом упоминается наличие в составе Санкт-Петербурга отдельных поселений – городов и поселков в пригородной зоне, но не ставится никаких специальных задач,

связанных с их дальнейшим существованием и комплексным социально-экономическим развитием как самостоятельных образований. В Генплане Санкт-Петербурга и документах, определяющих социально-экономическое развитие, в принципе не отражена специфика пригородной зоны, нет планов развития не только городов и поселков, но и районов.

Значение Стратегии экономического и социального развития Санкт-Петербурга на период до 2030 года, Концепции социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2020 года и упоминаемых выше программ, принятых Правительством Санкт-Петербурга, не следует переоценивать. Эти документы, включая Стратегию-2030, по мнению многих специалистов, носят декоративный характер, содержат ошибки и многократные повторы. Декларируемые цели и намеченные достижения не подтверждаются обоснованными мерами по их достижению и наблюдаемыми тенденциями развития. Тем не менее, формируемый этими документами дискурс может оказывать влияние на реальные решения органов власти и планы бизнеса. Поэтому имеет смысл **добиваться включения задач развития городов и поселков пригородов Санкт-Петербурга в Стратегию 2030 и пакет принимаемых программ по ее реализации.**

Условия для комплексного социально-экономического развития поселений, защиты интересов их жителей, сохранения и улучшения жизненной среды могла бы создать **разработка и реализация собственных генеральных планов городов и поселков**, предусмотренная Градостроительным кодексом, но исключенная законодательством для поселений на территории Москвы и Санкт-Петербурга. Отметим, что это не противоречило бы декларируемой стратегии развития Санкт-Петербурга по полицентрической модели, а, скорее, укрепляло бы ее, обеспечивая полноценное сбалансированное развитие «подцентров». Однако разработка и реализация полноценных генпланов поселений невозможна без увязки с распределением полномочий между органами государственной власти Санкт-Петербурга и органами местного самоуправления в пригородной зоне, возможностями ресурсного обеспечения реализации местных генпланов.

Необходимость расширения полномочий и финансовой базы органов местного самоуправления в городах и поселках пригородов Санкт-Петербурга не вызывает сомнений. Вместе с тем нелепо подвергать сомнению единство Генплана и стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга с агломерацией, создавать условия для местничества.

Независимо от выбранной оптимальной модели децентрализации и перераспределения полномочий необходимо **разработать и внедрить механизм**, обеспечивающий:

- наличие единого документа территориального планирования для каждого города и поселка («мини-генплана») в составе Генерального плана Санкт-Петербурга;

- необходимость соотнесения изменений в Генплан Санкт-Петербурга, проектов планировки территорий и осуществления инвестиционных проектов на территории пригородов Санкт-Петербурга с «мини-генпланами» городов и поселков и изменения их параметров;

- принятие указанных генпланов городов и поселков и их корректировок органами местного самоуправления с участием населения в обсуждении проектов;

- более существенную роль органов местного самоуправления при утверждении проектов планировки территорий в городах и поселках пригородов Санкт-Петербурга. Кроме того, необходим механизм согласования планов развития городов и поселков с планами развития примыкающих территорий Ленинградской области.

В настоящее время недостаточно реализуется даже предусмотренная ч.3 ст.63 Градостроительного кодекса норма о публичных слушаниях по проектам генеральных планов городов Москвы и Санкт-Петербурга в каждом внутригородском муниципальном образовании и части 1 статьи 7 Закона Санкт-Петербурга от 15.05.2006 г. № 400-61 «О порядке организации и проведения публичных слушаний и информирования населения при осуществлении градостроительной деятельности в Санкт-Петербурге», предусматривающего, что «Публичные слушания проводятся в помещениях... расположенных на территории, в отношении которой осуществлена разработка (подготовка) документации».

На практике публичные слушания по проектам документов территориального планирования, градостроительного зонирования, планировки территории и т.д., как правило, проводятся в помещениях районных администраций, что ущемляет права жителей удаленных муниципальных образований в пригородах. Кроме того, публичные слушания, как правило, проводятся по будним дням в рабочее время, что исключает возможность участия в них для многих работающих граждан.

Предлагается законодательно закрепить норму о проведении публичных слушаний на территории муниципальных образований по нерабочим дням или в вечернее нерабочее время.

2. Социальные услуги и качество жизни

Основные показатели и нормативы обеспеченности населения объектами социальной инфраструктуры установлены в Генеральном плане Санкт-Петербурга и Законе Санкт-Петербурга от 14.02.2014 N 23-9 "О региональных нормативах градостроительного проектирования, применяемых на территории Санкт-Петербурга" **в расчете на 1000 жителей с учетом радиуса обслуживания** объектов и их пешеходной и пешеходно-транспортной доступности (см. раздел 1). С формальной точки зрения это должно исключать дискриминацию любых территорий, в том числе городов и поселков, расположенных в пригородах, в уровне обеспеченности и развитии объектов социальной инфраструктуры.

Однако существует как минимум три причины, по которым обеспеченность городов и поселков объектами социальной инфраструктуры может быть ниже, чем в районах, расположенных в городской черте.

Во-первых, нормативы могут не выполняться, отдельные города и поселки могут подолгу стоять в очереди на строительство новой поликлиники, детского сада и т.д. Это проблема общая с другими районами, в том числе в черте города, которые не пользуются приоритетом. Но при этом в отдельных городах и поселках дефицит объектов социальной инфраструктуры **значительно труднее возмещается за счет более отдаленных объектов, поскольку они находятся в других населенных пунктах.**

Во-вторых, некоторое превышение норматива числа жителей, например, на единственную в городе поликлинику или 3-5 школ, может быть **недостаточным, чтобы были основания для строительства дополнительного объекта** в данном населенном пункте.

В-третьих, в малых поселках бывает недостаточное число жителей, чтобы по нормативу обеспеченности создавать крупный социальный объект, а создание небольших школ, поликлиник и т.д., в отличие от сельской местности, в Санкт-Петербурге не практикуется. Например, в поселке Можайский (около 500 жителей), где раньше была амбулатория, в поселке Хвойный (более 2,5 тыс. жителей), где раньше работала своя

небольшая поликлиника и до сих пор стоит ее неиспользуемое здание, открытие новых поликлиник не планируется, хотя расстояние и транспортная доступность ближайшей перегруженной поликлиники в Красном Селе существенно хуже нормативных.

Кроме того, сами **показатели обеспеченности жителей социальными объектами очень часто неадекватно отражают реальную ситуацию в пригородах**. Так, показатель транспортно-пешеходной доступности не отражает времени ожидания транспорта, необходимости подстраиваться к его редкому расписанию, подхода по неблагоустроенной территории, по неасфальтированным улицам «частного сектора» и т.д. Города и поселки, расположенные у границы с Ленинградской областью, несут дополнительную нагрузку по обслуживанию жителей не только ближайших деревень области, но и крупных жилых комплексов, целенаправленно построенных у административной границы в расчете на инфраструктуру пригородов Санкт-Петербурга.

Необходимо при планировании развития социальной инфраструктуры Санкт-Петербурга исходить в том числе из обеспеченности такими объектами отдельных населенных пунктов, разработав для этого специальные нормативы, и при необходимости открывать в населенных пунктах небольшие социальные объекты. При расчете обеспеченности социальной инфраструктурой городов и поселков у границ Ленинградской области учитывать число обслуживаемых жителей области.

Для некоторых городов и особенно небольших поселков становится проблемой получение жителями некоторых важных услуг, которых не являются дефицитными в крупных городах или в городской черте Санкт-Петербурга. В городе Ломоносове с населением более 40 тысяч жителей нет паспортного стола. В поселке Кронштадтская Колония нет не только школы, детского сада, но и **почты, сберкассы**. В некоторых небольших поселках **нет аптеки, нет магазина**, торгующего продовольственными товарами первой необходимости. Например, в поселке Можайский два года назад был открыт продуктовый магазин пешеходной доступности по городской программе, однако с 2014 года, как и многие магазины, открытые по этой программе, магазин был превращен в «точку общепита» с круглосуточной торговлей спиртным, и поселок снова остался без магазина.

Дефицитными во многих населенных пунктах являются услуги кредитно-банковских организаций. В некоторых поселках нет не только **отделения Сбербанка**, но даже ни одного **банкомата** - при том, что значительная часть населения, в том числе пожилого и маломобильного, получает выплаты на банковские карты. Проблемой для

населения некоторых пригородов является получение услуг нотариуса. Так, **ни одного нотариуса** нет в настоящее время не только в поселках, но и, например, в городе Красное Село с населением около 50 тысяч жителей. При этом Закон Санкт-Петербурга от 16 января 2009 г. N 803-3 "Об организации и деятельности нотариата в Санкт-Петербурге" устанавливает общее количество должностей нотариусов в Санкт-Петербургском нотариальном округе – 320 единиц, а

Порядок определения количества должностей нотариусов в нотариальном округе, утвержденный Приказом Росрегистрации от 21 марта 2008 г. N 53, предусматривает в городах федерального значения одного нотариуса на 15 тысяч жителей, а для городских поселений вне городов федерального значения - на 20-25 тысяч человек. Необходимо разработать минимальный перечень социальных услуг для отдельных населенных пунктов в составе Санкт-Петербурга и механизм их обеспечения органами власти (включая торговлю товарами первой необходимости и лекарственными средствами, услуги почты, кредитно-банковские услуги и т.д.). В частности, внести поправку в Закон Санкт-Петербурга "Об организации и деятельности нотариата в Санкт-Петербурге", обеспечивающую наличие нотариусов в доступности для жителей городов и поселков.

3. Транспортная проблема

Транспортная проблема является одной из важнейших социально-экономических проблем городов и поселков в пригородах Санкт-Петербурга, делающей их положение отличным от районов в городской черте.

В качестве основных составляющих этой проблемы можно выделить:

- безальтернативность автомобильных маршрутов, необходимость пользования вылетными магистралями для сообщения Санкт-Петербурга с городами и поселками (в частности, Петергофом, Ломоносовом, Горелово, Красным Селом). Это создает особые проблемы для жителей при заторах на магистралях;
- неразвитость улично-дорожной сети внутри городов и поселков, вынужденное использование вылетных магистралей для внутреннего сообщения;
- наличие единственной автодороги или единственного сообщения с некоторыми поселками, что приводит к транспортной блокаде населенного пункта при нарушении движения;

- более высокая стоимость проезда до центра Санкт-Петербурга и станций метрополитена для жителей городов и поселков при необходимости использования пригородной железной дороги и коммерческих автобусов;

- неудобная автобусная маршрутная сеть в городах и поселках пригородов, что связано с недостатком обратной связи у Комитета по транспорту и отстраненностью местной власти от формирования местной маршрутной сети.

По аналогии с основными стратегическими документами (Генеральным планом, Стратегией-2030), целевые программы Санкт-Петербурга по развитию транспортной системы практически игнорируют особое положение городов и поселков в пригородах Санкт-Петербурга. Не ставится никаких задач по обеспечению удобной транспортной доступности каждого из них. Говорится лишь о «недостаточной связности периферийных районов».

Так, в Государственной программе **"Развитие транспортной системы Санкт-Петербурга" на 2015-2020 годы**, утвержденной Постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 30.06.2014 № 552, лишь говорится: *«Ряд пригородных районов характеризуется низкой плотностью улично-дорожной сети за счет более "рыхлой" застройки, состоящей из отдельных жилых образований, соединенных сетью дорог (Курортный, Пушкинский, Колпинский районы)»*.

Правда, в **«Транспортной стратегии Санкт-Петербурга до 2025 года»**, утвержденной Постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 13.07.2011 N 945, справедливо отмечается *«отсутствие или недостаточное количество дублеров вылетных автомагистралей, что приводит к перегрузке главных улиц периферийных планировочных районов»*.

Необходимо определить проекты в сфере дорожного строительства, которые обеспечивают создание магистралей-дублеров для сообщения с городами и поселками пригородов Санкт-Петербурга и улучшат транспортное положение этих городов и поселков, и настаивать на их первоочередном финансировании в рамках корректировки и принятия бюджета Санкт-Петербурга на очередной период.

Следует отметить, что перспективные планы развития дорожной инфраструктуры Санкт-Петербурга уже содержат большое количество таких проектов, но их реализация постоянно откладывается, как, например, расширение Таллинского шоссе от КАД до Красного Села, строительство обхода Красного Села.

На опыте крупных городов мира признано, что транспортная система не может быть эффективной без развития третьего элемента, занимающего промежуточное положение между метрополитеном и наземным уличным маршрутным транспортом – т.н. **LRT, скоростного наземного рельсового транспорта, идущего по выделенным линиям.** Особая роль такому транспорту отводится в скоростном сообщении с пригородами.

Несмотря на то, что в Санкт-Петербурге периодически активизируется обсуждение и подготовка проектов надземного экспресса и т.п, практических шагов в этом направлении почти не делается. (Хотя можно отметить недавнее очередное решение о *подготовке концепции* создания на основе государственно-частного партнерства линий ЛРТ «Пулково-Купчино», «Колпино-Рыбацкое» и «Балтийская жемчужина - Путиловская»).

Задача *«Создание развитой сети новых видов пассажирского транспорта (НВПТ)»* была поставлена в Генеральном плане Санкт-Петербурга. Генпланом предполагалась *«разработка технико-экономических обоснований строительства первоочередных линий НВПТ по вариантам; сооружение первоочередного участка НВПТ (2005-2010 годы)».*

Однако в Стратегии-2030 и Государственной программе "Развитие транспортной системы Санкт-Петербурга" на 2015-2020 годы закреплён инерционный подход к развитию общественного транспорта, сочетающий неторопливое развитие дорогостоящего метрополитена, уличный маршрутный транспорт и традиционное упоминание о расширении использования пригородного железнодорожного транспорта для внутригородских перевозок.

При этом, вполне возможно, рывок в сторону развития ЛРТ - при экономном, утилитарном подходе к таким проектам - дал бы больший эффект в виде улучшения транспортной ситуации на единицу инвестиций. При этом могла бы улучшиться транспортная связь с некоторыми городами и поселками пригородов, охваченных проектами ЛРТ. Важно, чтобы проекты ЛРТ не дублировали функцию подвоза пассажиров к станциям метро, а одновременно создавали связь между районами Санкт-Петербурга, городами и поселками, между которыми сейчас нет прямой связи.

Предлагается инициировать ускорение проработки и реализации проектов ЛРТ сквозного сообщения через городские районы в города и поселки пригородов

Санкт-Петербурга, добиваясь, при необходимости, перераспределения средств бюджета Санкт-Петербурга на эти цели.

В соответствии со статьей 3 Закона Санкт-Петербурга от 08.02.2000 N 19-4 «О наземном пассажирском маршрутном транспорте общего пользования», Правительство Санкт-Петербурга при установлении маршрутов *«учитывает предложения муниципальных образований по оптимальному и наиболее безопасному для граждан прохождению маршрута и развитию инфраструктуры, необходимой для организации движения по данному маршруту»*. При этом Уполномоченный орган утверждает расписание (интервалы) движения по маршрутам. К вопросам местного значения муниципальных образований относится только *«внесение предложений по организации и изменению маршрутов, режима работы, остановок наземного городского пассажирского транспорта...»* (п.15 части 1 статьи 10 закона от 23.09.2009 № 420-79 «Об организации местного самоуправления и Санкт-Петербурге»).

Предлагается внести изменения в законы, обязывающее Правительство Санкт-Петербурга ежегодно согласовывать маршрутную сеть, относящуюся к муниципальным образованиям в пригородах Санкт-Петербурга, и расписание (интервалы) движения по маршрутам с данными муниципальными образованиями, с публичным объявлением о сборе предложений граждан по совершенствованию маршрутной сети и расписаний (интервалов) движения и учетом предложений органов территориального самоуправления по затрагивающей их части маршрутов.

4. Проблемы «частного сектора»

Значительную часть застройки городов и поселков в пригородах составляют индивидуальные жилые дома с участками. Некоторые поселки, входящие в состав Санкт-Петербурга, состоят преимущественно или исключительно из индивидуальной застройки. Всего в пригородах Санкт-Петербурга, по приблизительной оценке, **около 25 тысяч индивидуальных жилых домов**. В них, предположительно, проживает 0,5-1 % населения Санкт-Петербурга. Некоторую часть из таких домов составляют современные коттеджи, однако в подавляющем большинстве это дома, характерные для загородной застройки середины-конца прошлого века, как правило, с хозяйственными постройками на участке, с печным отоплением (хотя по мере газификации все больше используются индивидуальные системы парового отопления).

«Частный сектор» жилой застройки не упоминается ни в каких программных, стратегических документах, информация о нем содержится лишь в Правилах землепользования и застройки Санкт-Петербурга", где в качестве допустимого использования территории устанавливается «жилая зона индивидуальных (одноквартирных) жилых домов».

Частный жилой сектор испытывает ряд проблем, отличных от городской застройки.

Обеспеченность инженерной инфраструктурой

В настоящее время в Санкт-Петербурге интенсивно ведется **газификация** территорий индивидуальной застройки, есть перспектива их полной газификации в обозримом будущем. Хотя возникает ряд проблем, связанных с газовым оборудованием внутри домов, обеспечиваемым за счет домовладельцев, а также с восстановлением улиц и территорий общего пользования после прокладки газопроводов, эти вопросы выходят за рамки проводимого анализа.

Водоснабжение частного сектора обеспечивается частично централизованно – за счет водопровода и уличных колонок, частично за счет самостоятельно построенных жителями водопроводов. В некоторых населенных пунктах нет централизованной водопроводной сети «Водоканала». В данной сфере есть проблемы, в частности, легализация врезок в водопроводную сеть, однако эти вопросы не умещаются в рамки проводимого анализа.

Наиболее острой является **проблема канализации**, которой частный жилой сектор в Санкт-Петербурге в подавляющем большинстве не обеспечен. Домовладельцы сами решают проблемы водоотведения, но далеко не всегда это происходит с использованием индивидуальных очистных систем. Существующие программы строительства централизованной канализации и очистных сооружений на территориях индивидуальной застройки в основном рассчитаны на далекую перспективу. В этой ситуации водоотведение из частного сектора существенно влияет на экологическую ситуацию, загрязненность водоемов в пригородах Санкт-Петербурга, куда часто осуществляется прямой сброс нечистот с индивидуальных участков.

Необходимо ускорить усилия органов власти Санкт-Петербурга по внедрению централизованных и локальных систем очистки. Рассмотреть вопрос о специальной программе для жителей частного сектора, стимулирующей и делающей доступной установку локальных систем. Усилить контроль и ответственность домовладельцев

за отсутствие очистки при водоотведении, инициировав соответствующие изменения в законодательстве.

Острой является проблема **дорожной инфраструктуры** в частном секторе. Многие **местные улицы не асфальтированы**, подвержены сезонной распутице. Жители часто жалуются, что до школы, остановки, магазина не пройти без сапог, не прокатить детскую коляску. При этом органы местного самоуправления в пригородах, владеющие ситуацией, имеют лишь дополнительное (по сравнению с муниципалитетами в городской черте) полномочие по содержанию и текущему ремонту дорог местного значения, но не имеют полномочия по их реконструкции, к которой относится асфальтирование.

Предлагается внести изменения в законодательство, позволяющие органам местного самоуправления осуществлять реконструкцию и строительство дорог местного значения.

Искажение нормативов обеспеченности социальными объектами

Наличие частного сектора в городах и поселках пригородов Санкт-Петербурга, с одной стороны, увеличивает нагрузку на работников социальной сферы, поскольку, например, участковому врачу приходится проходить пешком намного большие расстояния, чем в городских кварталах, часто по неасфальтированным грязным дорогам, преодолевать агрессию сторожевых собак. Эта увеличенная нагрузка никак не учитывается.

С другой стороны, нормативы доступности социальных объектов для жителей расходятся с реальностью, поскольку не учитываются те же плохие дороги, долгое ожидание редкого транспорта и т.д. Условия частного сектора сказываются на времени подъезда скорой помощи, полиции, пожарных.

Необходимо разработать специальные нормативы или коэффициенты к действующим нормативам обеспеченности и обслуживания жителей объектами социальной инфраструктуры, используемые для территорий с индивидуальной жилой застройкой.

Проблема вывоза мусора

До 2011 года вывоз мусора с контейнерных площадок в частном секторе, в отличие от вывоза из дворов многоквартирных домов, оплачивался из муниципальных бюджетов.

С 1 января 2011 года жителей частного сектора обязали самих заключать договоры и оплачивать вывоз мусора из домовладений в соответствии с частью 9 статьи 155 Жилищного кодекса РФ. Выбор организации и технологии вывоза мусора оставлена за домовладельцем. Однако за прошедшие годы лишь небольшая часть домовладельцев заключила индивидуальные договоры и организовала вывоз мусора со своих участков.

Экологическая обстановка в частном секторе ухудшилась. Вместо вывоза контейнеров за счет муниципалитета, местная власть вынуждена по-прежнему оплачивать вывоз мусора в виде ликвидации растущих несанкционированных свалок.

Необходимо срочно разработать и внедрить механизм вывоза мусора из частного сектора, при котором оплата услуги производится домовладельцами, но организатором выступает местная или районная власть с использованием прежних контейнерных площадок и выбором по конкурсу специализированной организации.

Ярким примером неадекватного распространения общих для Санкт-Петербурга решений на частный сектор был снос остановочных павильонов, совмещенных с торговыми точками. В частном секторе освещенный павильон с постоянным нахождением в нем работника не только защищал от непогоды при долгом ожидании автобуса, но и повышал безопасность, служил ближайшим «очагом цивилизации», магазином, где маломобильная часть жителей индивидуальных домов покупала необходимые товары.

Было бы разумно предложить органам власти возродить предоставление мест для торговых точек с павильонами у автобусных остановок, примыкающих к территориям индивидуальной жилой застройки.

5. Проблемы управления и организации власти

Практика и проведенный анализ показывают, что решение социально-экономических проблем городов и поселков, расположенных в пригородах Санкт-Петербурга, сдерживается двумя взаимосвязанными причинами, лежащими в плоскости системы управления:

- игнорирование городов и поселков как отдельных населенных пунктов в решениях и политике, проводимой органами власти Санкт-Петербурга, рассмотрение их как единой «периферийной территории с низкой плотностью населения и дорожной сети»;

- **излишняя централизация** решения вопросов жизнедеятельности и развития городов и поселков, недостаток обратной связи с носителями соответствующих интересов и потребностей.

Наряду с уже сделанными выше выводами о необходимости генеральных планов, участия поселений в решении градостроительных вопросов, определении приоритетов в развитии инфраструктуры и реконструкции дорог, формировании сетей маршрутного транспорта и т.д., можно привести множество примеров управленческого абсурда, связанного с излишней централизацией и дефицитом институционализации интересов городов и поселков на местном уровне.

Органам власти Санкт-Петербурга следует при этом понимать, что излишняя централизация не только снижает эффективность принимаемых решений, но и снижает авторитет уровня власти, на котором принимаются несбалансированные решения.

В Мартышкино одна из наиболее удобных автобусных остановок оказалась, по мнению Комитета по транспорту, «не предусмотренной» и была упразднена как «стихийная», а жителям было предложено пользоваться другой, расположенной на 500 метров дальше. В Петергофе в районе Астрономической улицы в результате реконструкции перекрыли ручей, не оборудовав отвод, что привело к затоплению улицы и параличу движения. В Красном Селе пешеходный переход со светофором у новых домов на Гатчинском шоссе после долгих просьб граждан был в итоге спроектирован и оборудован не в том месте. А там, где он был нужен, жители по-прежнему перебегают дорогу, рискуя жизнью.

Очевидно, все эти нелепости не происходили бы, если бы местная власть, владеющая ситуацией, имела какие-то полномочия и принимала хоть какое-то ощутимое участие в принимаемых решениях.

С 1 декабря 2014 года в Можайском по будним дням из-за ремонта пути РЖД были отменены все дневные электропоезда (с половины девятого утра до половины восьмого вечера). В поселке, где нет ни врача, ни аптеки, ни сберкасс, ни магазина, электричка – единственный общественный транспорт. Вопрос об автобусном маршруте много лет не решается из-за не соответствующей дороги. РЖД предупредила об отмене электричек правительство Санкт-Петербурга. Но районная администрация узнала о ситуации, только когда ей перенаправили телеграмму жителей Можайского (посланную ими в Смольный) о необходимости временного альтернативного транспорта. Реакция районной администрации - письмо в Комитет по транспорту на второй день после

отмены электричек... Очевидно, что, если бы в Можайском была своя местная власть и т.д., управленческое взаимодействие могло бы сработать более естественным образом и привести к приемлемому решению. Все, что нужно поселку – несколько рейсов микроавтобуса в день до Красного Села в дни отмены электричек. Но существующий механизм власти в Санкт-Петербурге оказался неспособен это обеспечить, и поселок оказался в изоляции.

Система органов местного самоуправления в Санкт-Петербурге, начиная с периода ее формирования, подвергается критике. С самого начала существовали и обсуждались альтернативные проекты ее организации, предполагающие, в частности, наличие выборных органов власти со значительно более широкими полномочиями на уровне городских районов, а в пригородах – в каждом городе и поселке.

Добавим, что, с точки зрения эффективной системы управления, необходимо было бы включить в «большой Санкт-Петербург» всю его агломерацию, в том числе такие города и поселки Ленинградской области как Гатчина, Коммунар, Тосно, Никольское, Отрадное, Кировск, Всеволожск, Сертолово, Рощино и т.д., но при этом предоставив им значительную самостоятельность, и предоставив такую же самостоятельность городам и поселкам, входящим сейчас в состав Санкт-Петербурга.

В рамках проводимого анализа, без претензии на собственные оценки и предложения по формированию иной системы органов власти и управления в Санкт-Петербурге, формулируются предложения по совершенствованию действующей системы, позволяющие частично разрешить наблюдаемые противоречия.

В настоящее время имеет место неоднородность муниципальных образований в пригородах Санкт-Петербурга по охвату территории и населенных пунктов. На территории Курортного района, а также на левом берегу Невы (Петро-Славянка, Понтонный, Саперный, Усть-Ижора) более ли менее соблюдается принцип каждый поселок – свой муниципалитет, муниципальные образования объединяют от нескольких сотен жителей. Из 27 муниципалитетов в пригородах Санкт-Петербурга 15 имеют численность жителей до 5 тысяч (см. таблицу 1).

Вместе с тем ряд крупных поселков включен в муниципальные образования, и так объединяющие по несколько десятков тысяч жителей. Так, поселки Мартышкино, Хвойный, Можайский вполне могли бы иметь собственную власть муниципального уровня в рамках логики построения существующей системы, и даже в рамках

существующей системы это помогло бы решить некоторые наболевшие местные проблемы.

Предлагается инициировать разделение муниципальных образований в соответствии со статьей 9 и процедурами, предусмотренными законом от 23.09.2009 № 420-79 «Об организации местного самоуправления и Санкт-Петербурге», и формирование во всех поселках собственных органов местного самоуправления.

По предварительной оценке, это не должно затронуть большое число муниципальных образований и привести к резкому росту их числа. Число поселков, где отсутствует, но необходима своя муниципальная власть, предположительно, составляет не более 10-15. Некоторые поселки лишены не только своих органов местного самоуправления, но и гарантии представительства в них. Система избирательных округов построена таким образом, что один округ, от которого избираются депутаты муниципального совета, может включать территории разных населенных пунктов. Например, в муниципальном образовании город Красное Село поселки Можайский и Хвойный включены в один пятимандатный избирательный округ с южной частью города Красное Село. На выборах 14 сентября 2014 года по этому округу не выбран ни кандидат, проживающий в Можайском и представлявший его жителей, ни кандидат, проживающий в Хвойном и представлявший жителей поселка, хотя в своих поселках эти кандидаты получили большинство голосов. Налицо искусственный парадокс демократии, связанный с нарезкой избирательных округов.

Поселки Мартышкино и Кронштадтская Колония объединены в избирательный округ, от которого в МО город Ломоносов избирается один депутат. Необходимо законодательно закрепить порядок формирования избирательных округов по выборам в органы местного самоуправления Санкт-Петербурга, при котором каждый поселок должен иметь свой избирательный округ, гарантирующий хотя бы один депутатский мандат.

Необходимо также поддерживать и стимулировать создание территориального общественного самоуправления (ТОС), которое, в соответствии со статьей 27 закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», может осуществляться в пределах подъезда, многоквартирного жилого дома, группы домов, микрорайона и иных территорий. Органы ТОС могут временно восполнять функции отсутствующей муниципальной власти в поселках до ее организации путем

разделения муниципальных образований. Недостаточность полномочий органов местного самоуправления в Санкт-Петербурге является предметом постоянного обсуждения.

Полномочия муниципальных органов в городах и поселках пригородов Санкт-Петербурга несколько расширены по сравнению с городскими, но эти расширения также минимальны. К вопросам местного значения дополнительно отнесены текущий ремонт и содержание местных дорог, установка указателей улиц и номеров домов, организация парковок и автостоянок (для городов).

Необходимо существенное расширение круга вопросов местного значения для муниципальных образований городов и поселков в пригородах Санкт-Петербурга, в том числе в соответствии с предложениями, содержащимися выше в разделах 1-4.

Предлагается также внести изменения в статью 19 закона от 23.09.2009 № 420-79 «Об организации местного самоуправления в Санкт-Петербурге», предусмотрев **проведение публичных слушаний по нерабочим дням или в вечернее нерабочее время** для обеспечения возможности участия большинства работающих граждан.

6. Рекомендации

Исходя из проведенного анализа, в целях эффективного регулирования социально-экономического развития городов и поселков пригородов Санкт-Петербурга целесообразна разработка следующих законопроектов и обращений в исполнительные органы государственной власти Санкт-Петербурга:

1. Изменения в законодательство о градостроительной деятельности, предполагающие **разработку и реализацию в составе Генерального плана Санкт-Петербурга генеральных планов городов и поселков в составе Санкт-Петербурга**, разрабатываемых и утверждаемых с участием муниципальных органов власти городов и поселков, **более существенную роль органов муниципальных органов власти в утверждении проектов планировки территорий в городах и поселках пригородов Санкт-Петербурга**, механизм согласования планов развития городов и поселков с планами развития **примыкающих территорий Ленинградской области**.

2. Предложение Правительству Санкт-Петербурга о включении **задач развития городов и поселков пригородов Санкт-Петербурга в Стратегию экономического и**

социального развития Санкт-Петербурга на период до 2030 года, утвержденную Постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 13 мая 2014 года № 355 и пакет государственных программ Санкт-Петербурга по ее реализации.

3. Законодательное закрепление нормы **о проведении публичных слушаний в муниципальных образованиях**, предусмотренных законодательством о градостроительной деятельности и законодательством о местном самоуправлении **на территории муниципальных образований по нерабочим дням или в вечернее нерабочее время**.

4. Доработка законодательства Санкт-Петербурга по вопросам создания новых муниципальных образований, инициирование **разделения ряда муниципальных образований** в соответствии со статьей 9 закона от 23.09.2009 № 420-79 «Об организации местного самоуправления и Санкт-Петербурге», **в целях формирования во всех поселках собственных органов местного самоуправления**.

5. Законодательное закрепление порядка формирования избирательных округов по выборам в органы местного самоуправления Санкт-Петербурга, при котором **каждый поселок должен иметь свой избирательный округ, гарантирующий хотя бы один депутатский мандат**.

6. Разработка законодательных и общественных мер **поддержки и стимулирования создания территориального общественного самоуправления (ТОС)**, которое, в соответствии со статьей 27 закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», может осуществляться в пределах подъезда, многоквартирного жилого дома, группы домов, микрорайона и иных территорий.

7. Изменения в закон Санкт-Петербурга «Об организации местного самоуправления в Санкт-Петербурге», предполагающие **существенное расширение круга вопросов местного значения для муниципальных образований городов и поселков пригородов Санкт-Петербурга**, в том числе по **разработке и согласованию генеральных планов развития городов и поселков, строительству и реконструкции дорог местного значения, согласованию сети маршрутного транспорта**.

8. Изменения в законодательство Санкт-Петербурга, в том числе в закон "О региональных нормативах градостроительного проектирования, применяемых на территории Санкт-Петербурга" и Генеральный план Санкт-Петербурга, обеспечивающие разработку и применение:

- **нормативов обеспеченности объектами социальной инфраструктуры для населенных пунктов** (с учетом числа обслуживаемых жителей Ленинградской области);

- **минимального перечня социальной инфраструктуры и социальных услуг для населенных пунктов** (включая торговлю товарами первой необходимости и лекарственными средствами, услуги почты, кредитно-банковские услуги и т.д.) и механизма их обеспечения органами власти; В частности, внести поправку в Закон Санкт-Петербурга "Об организации и деятельности нотариата в Санкт-Петербурге", обеспечивающую наличие **нотариусов** в доступности для жителей городов и поселков.

9. Приоритетное включение в адресную инвестиционную программу городского бюджета Санкт-Петербурга **проектов в сфере дорожного строительства, которые обеспечивают создание магистралей-дублеров для сообщения с городами и поселками пригородов Санкт-Петербурга** и улучшают транспортную ситуацию в городах и поселках.

10. Инициирование при рассмотрении городского бюджета Санкт-Петербурга **ускорения разработки и реализации проектов скоростного легкорельсового транспорта** сквозного сообщения через городские районы в города и поселки пригородов Санкт-Петербурга.

11. Изменения законодательства, обязывающие Правительство Санкт-Петербурга **согласовывать маршрутную сеть, относящуюся к муниципальным образованиям в пригородах Санкт-Петербурга, и расписание (интервалы) движения по маршрутам с данными муниципальными образованиями**, с публичным объявлением о сборе предложений граждан по совершенствованию маршрутной сети и расписаний (интервалов) движения и учетом предложений органов территориального общественного самоуправления по затрагивающей их части маршрутов.

12. Разработка законодательных и общественных мер по **ускорению внедрения централизованных и локальных систем канализации и очистки на территориях индивидуальной застройки**. Рассмотреть вопрос о специальной программе для жителей индивидуальных домов, стимулирующей и делающей доступной установку локальных систем очистки. Изменения в законодательстве по усилению контроля и ответственности домовладельцев за отсутствие очистки при водоотведении с индивидуальных участков.

13. Разработка и закрепление в законодательстве Санкт-Петербурга **механизма организации вывоза мусора с территорий индивидуальной жилой застройки**, при

котором оплата услуги производится домовладельцами, а организатором ее предоставления выступает местная или районная власть с использованием прежних контейнерных площадок и выбором по конкурсу специализированной организации.

14. Предложение органам власти, при необходимости, с внесением изменений в законодательство Санкт-Петербурга, возродить предоставление мест для торговых точек с павильонами у автобусных остановок, примыкающих к территориям индивидуальной жилой застройки.

Иван Брянцев, Саратов

Институт Уполномоченного по правам человека в региональном пространстве публичной политики Саратовской области

Региональная практика развития пространства публичной политики, как пространства, в котором формируется открытая для всех субъектов гражданского общества система взаимной коммуникации и коммуникации с институтами власти показывает, что это пространство обладает значительной неоднородностью с точки зрения реализации этих возможностей для его различных субъектов, а также и то, что оно имеет признаки того, что подвержено определённому конструированию, в том числе, и со стороны органов власти.

Выявление мотивов, направления и целей этого конструирования будет способствовать пониманию более глобальных процессов происходящих в общественно-политической системе в целом. В рамках данной статьи рассмотрим роль института уполномоченного по правам человека и его влияния на процессы, происходящие в пространстве публичной политики.

Созданный в 1999 году как государственный правозащитный институт он стал развиваться как центр, вокруг которого формировалось коммуникационное пространство между общественными правозащитными организациями и государственными структурами, осуществляющими свою деятельность в сфере правовой и юридической деятельности на территории Саратовской области. И таким образом можно говорить и рассматривать его как активного субъекта способного оказывать влияние на общую конфигурацию пространства публичной политики региона и влиять на состояние её развития.

Рассматривая эту среду как специфическое пространство для правозащитных коммуникационных взаимодействий отметим, что данный термин может приобрести очень широкую смысловую трактовку, если в качестве партнеров регионального УПЧ, будет выступать широкий спектр общественных организаций, так как их уставная деятельность так или иначе связана с продвижением и защитой интересов тех или иных групп граждан. Это в свою очередь можно рассматривать как один из главных ресурсов влияния института УПЧ на региональное пространство публичной политики и развитие региональных политических процессов. Рассматривая потенциальные масштабы этого явления, следует подчеркнуть, что на 1 января 2016 года в реестре зарегистрированных некоммерческих организаций в Управлении Министерства юстиции России по Саратовской области содержатся сведения о 2576 НКО, из них 1331 общественных объединений, 750 некоммерческих организаций, 438 религиозных организаций, 57 региональных отделений политических партий.

Несмотря на многочисленность зарегистрированных некоммерческих организаций в процесс активного коммуникативного взаимодействия с органами власти различных уровней, интегрировано всего лишь порядка десяти процентов из них. В качестве основных факторов влияющих на этот процесс можно выделить.

Во-первых, сформированный и закреплённый нормативно-правовыми актами различного уровня механизм участия органов власти в процессе формирования общественной палаты региона и общественных палат и советов на уровне МСУ. Существующая регламентация их создания и обеспечения их деятельности фактически формирует их статус не как общественных органов и институций гражданского общества, а как в некотором роде общественно-государственных структур, которые способны при необходимости усиливать управленческое регулирующее воздействие власти на систему общественных отношений.

Другим фактором способным влиять на характер взаимоотношений органов власти и общественных организаций является сформированный в настоящее время механизм финансовой поддержки общественных организаций. Проведение конкурсов для социально-ориентированных организаций с привлечением большей части средств за счет федерального бюджета сформировало действенный механизм консолидации общественных организаций вокруг органов власти в целях проведения согласованной и совместной социально-экономической политики в регионе.

За период с 2012 по 2015 год получателями поддержки, оказанной комитетом общественных связей и национальной политики Саратовской области и управлением делами Правительства Саратовской области стали всего 108 из почти 2500

некоммерческих организаций региона, которые получили поддержку по 210 проектам¹⁶⁰. Финансирование проектов за этот период по годам составило: в 2012 году – 15 млн. руб., в 2013 году – 17.405 млн. руб., в 2014 году – 10.333 млн. руб. и 2015 году – 10.333 млн. руб. Ежегодно субсидии получали проекты 16 организаций, 14 организаций были победителями конкурсов 3 раза, 24 организации по 2 раза и 54 организации получали поддержку своих проектов 1 раз. Качественный анализ организаций, которые выигрывали конкурс ежегодно показал, что их руководители имеют большой опыт работы в «третьем секторе»: многие годы активно участвуют в различных формах взаимодействия власти и общества, большинство из которых формировались при их непосредственном участии и во многом благодаря их инициативе. Из этих 16 организаций, ежегодных победителей конкурсов, больше половины их руководителей входят и активно работают в Общественной палате Саратовской области, ОП города Саратова и различных общественных советах таких как, например, при Уполномоченном по правам человека в Саратовской области, при УВД Саратовской области и д.р.

Совместная деятельность общественных организаций и власти проявляется также в ходе проведения различных рейдов представителей Общественной палаты региона, в ходе которых осуществляется мониторинг качества работы различных учреждений как государственных и муниципальных, так и коммерческих¹⁶¹. Эту тенденцию можно обозначить, как формирование механизма наделения общественных организаций контрольно-властными функциями, так как инициированные общественными организациями эти, формально общественные проверки, за счет участия в них представителей органов власти, приобретают фактически властно-надзорный характер по выявлению имеющихся нарушений.

Наиболее ярко и отчетливо тенденция на консолидацию с властью была обозначена в качестве лозунга форума Общественной палаты Саратовской области 2015 года – «Мы вместе». Комментируя этот лозунг, председатель палаты отдельно пояснил: «Мы выбрали лозунг «Мы вместе». В данном случае имеется в виду то, что мы вместе с властью. Речь идет о проблемах, которые нужно решать совместно для благополучия населения»¹⁶².

¹⁶⁰ Конкурсы социальных проектов // [Электронный ресурс]. URL <http://saratov.gov.ru/region/society> (дата обращения: 11.01.2016)

¹⁶¹ От «Магнита» до «Палитры вкусов». Опасения подтвердились // ОП64 КОНТРОЛЬ [Электронный ресурс]. URL <http://оп64.рф> (дата обращения: 11.01.2016)

¹⁶² Александр Ландо рассказал общественникам, как задавать вопросы губернатору // [Электронный ресурс]. URL <http://nversia.ru/news/view/id/76821> (дата обращения: 11.01.2016)

Таким образом, можно сделать вывод, что формирование вектора развития общественной палаты региона в направлении тесного и всестороннего взаимодействия с властью во многом обусловлено, во-первых, механизмом её формирования, а во-вторых, сформированным механизмом государственной поддержке общественных организаций, через конкурсы социально-значимых проектов.

Прогнозируя основное направление развития пространства публичной политики региона можно с большой долей вероятности отметить, что будет продолжено дальнейшее усиление подпространства формируемого общественными силами, которые участвуют в коммуникационном взаимодействии по усилению регулирующего воздействия органов власти. Это усиление, по всей видимости, найдет отражение в принятии различного рода нормативно-правовых актов, как на федеральном, так и на региональном и местном уровне, которые будут укреплять финансовые возможности палат и советов различного уровня и создавать им организационные преференции при проведении и реализации процедуры общественного контроля. При этом органы власти будут оставлять, через различные процедуры связанные с процессом их формирования, возможность влиять на их качественный состав и тем самым при необходимости осуществлять опосредованное управление их активностью и её направленностью. Под действием этих факторов будет происходить процесс сокращения количества зарегистрированных некоммерческих организаций региона и усиление влияния тех организаций, которые интегрированы в систему конструктивного взаимодействия с властью.

В качестве основного позитивного аспекта этих процессов можно обозначить их консолидирующее значение для общества, а для власти повышение управляемости этими процессами особенно важное в условиях усиления конфронтационных тенденций во внешней среде.

В качестве негативного момента этих процессов можно обозначить, то обстоятельство, что власть в силу сформированной на этих принципах широкой коалиции её общественной поддержки перестает быть заинтересованной в поиске диалога и формировании механизмов коммуникации с теми общественными, пусть и малочисленными, силами, которые не разделяют и не поддерживают обозначенные ею приоритеты. При этом, что также можно обозначить как негативную тенденцию, в противостояние с этой группой общественных сил оказываются втянутыми и представители общественных организаций консолидированных с властью и сама власть¹⁶³. В этой связи можно вспомнить практику, которая напротив снимала подобные

¹⁶³ Александра Ландо просят покинуть палату. Общественные организации недовольны его работой на посту руководителя ОП // [Электронный ресурс]. URL <http://www.kommersant.ru/doc/2868016> (дата обращения:

противоречия. Эта практика, реализовывалась в регионе с середины 90-х по середину 2000-х. Пусть во многом и формальная, но зато она была политически детерминированная и направлена на консолидацию всех политических и общественных сил, в рамках подписания договора об общественном согласии и социальном партнерстве, а также была подкреплена и практическим управленческим институтом в виде постоянно действующей переговорной площадки между главой исполнительной власти региона и представителями всех зарегистрированных в регионе политических партий¹⁶⁴.

В силу обозначенных выше тенденций развития пространства публичной политики региона роль института уполномоченного по правам человека приобретает крайне важное значение, для формирования коммуникационного пространства диалога со всеми акторами пространства публичной политики. Преимущества этого института обусловлены тем, что с одной стороны он является государственным органом, а с другой, он максимально независим в проведении политики своих действий от соотношения сил региональных политических элит и формируемых ими органов власти. Институтом уполномоченного накоплен большой опыт в решении вопросов в сфере межнациональных отношений, связанных с реализацией миграционной политики и защите прав граждан¹⁶⁵. В настоящее время, политическим руководством страны перед институтом уполномоченного актуализируется его участие в политических процессах, связанных с предстоящими избирательными кампаниями¹⁶⁶.

11.01.2016); Бориса Шинчука и Александра Ландо рассмешило «письмо 12» [Электронный ресурс]. URL <http://www.vzsar.ru/news/2015/12/01/borisa-shinchyuka-i-aleksandra-lando-rassmeshilo-pismo-12.html> (дата обращения: 12.01.2016).

¹⁶⁴ Договор об общественном согласии и социальном партнерстве в Саратовской области (Саратов, 6 ноября 2004 г.) [Электронный ресурс]. URL <http://www.garant.ru/hotlaw/saratov/110906/> (дата обращения: 15.01.2016); Саратовская область. Состоялось заседание Круглого стола лидеров политических партий Саратовской области [Электронный ресурс]. URL <http://regnum.ru/news/polit/54821.html> (дата обращения: 20.01.2016).

¹⁶⁵ Социальное партнерство Уполномоченного по правам человека в Саратовской области [Электронный ресурс]. URL <http://saratoff.ru/doc/sprav-prava2008.pdf> (дата обращения: 21.01.2016).

¹⁶⁶ Омбудсмены займутся избирательными правами. На выборах в Госдуму [Электронный ресурс]. URL <http://www.kommersant.ru/doc/2872388> (дата обращения: 21.01.2016).

**Публичная политика большого города на современном этапе:
особенности федеральной, региональной и муниципальной
политической повестки**

Публичная политика, обозначенная организаторами научной дискуссии в рамках ежегодной конференции «Октябрьские чтения – 2015», как процесс принятия решений и как поле взаимодействия общества и власти, представляет собой достаточно сложное и многогранное социально-политическое явление. Содержащиеся в Конституции Российской Федерации 1993 года конституционно-правовые нормы о федеративной форме государственного устройства, и о местном самоуправлении как самостоятельном уровне власти и управления, позволяют нам говорить о наличии нескольких уровней проявления публичной политики - федеральном, региональном и муниципальном.

Формой концентрации и проявления публичной политики выступает понятие «политическая повестка», которую можно рассматривать как совокупность объективных и субъективных позиций, обсуждаемых, разделяемых или оспариваемых различными субъектами публичной политики. При этом важно отметить, что политическая повестка также как и публичная политика, формируется и реализуется на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Содержание политической повестки общенационального, регионального и муниципального уровней может, как совпадать, так и отличаться.

На сегодняшний день существуют несколько различных подходов к определению базового (исходного) для данной статьи понятия «публичная политика». Такие отечественные политологи, исследующие проблематику публичной политики как Н. Ю. Беляева, Ю. А. Красин, Л. И. Никовская, Л. В. Сморгун, А. Ю. Сунгуров, В. Н. Якимец, отмечают ее сложность и противоречивость¹⁶⁷.

В рамках советской научно-исследовательской обществоведческой парадигмы термин «публичная политика» воспринимался скорее как синоним понятий «общественная политика» или «открытая политика». В современной российской политологии, так или иначе опирающейся на наработки зарубежной (западной)

¹⁶⁷ Беляева Н.Ю. «Публичная политика» - становление научной категории. Электронный ресурс. Режим доступа http://www.civisbook.ru/files/_Sungurov_publ_pol_kak.pdf (Дата обращения – 3.10.2015).

политологической традиции, большинство исследователей, прежде всего, вынуждены сталкиваться с проблемой перевода и трактовки англоязычных терминов «public policy» и «public politics». Так в частности А.Ю. Сунгуров отмечает: «Проблемой в адекватном понимании этого термина является проблема перевода понятия policy. Как известно, русскому слову «политика» соответствуют два или даже три понятия на языке английском - politics (взаимодействия в процессе борьбы за завоевание или удержание власти), policy (использование властных полномочий для решения тех или иных проблем, для проведение той или иной политики), а также polity (формальное и неформальное становление политического порядка) ... Мы, не делая специальных оговорок, будем понимать его не только как public policy, но и как public politics, то есть в значении, которое отсутствовало в англоязычном оригинале этого термина. Именно в этом значении публичная политика в России и в русскоговорящих странах часто понимается как открытая, публичная борьба за власть, сопровождаемая публичными дебатами, с активной ролью телевидения»¹⁶⁸.

Не рассматривая далее во главе угла проблему «трудностей перевода», при определении понятия «публичная политика», сконцентрируемся, прежде всего, на его практических содержательных аспектах. Публичность в политике, как и публичность вообще это открытость, ясность в определении смыслов, гласность дискуссий, доступность для процедур наблюдения и контроля. Основными институциональными субъектами публичной политики выступают органы власти (государственной и муниципальной), политические элиты, политические партии, общественные организации, социальные и профессиональные группы, бизнес-сообщества, средства массовой информации, научно-исследовательские организации, экспертные центры. Объединив эти два ключевых на наш взгляд посыла можно сказать, что публичная политика - это системная, открытая деятельность по взаимодействию субъектов с целью учета и реализации их политических и иных интересов.

В рамках исторически сложившихся институциональных практик публичной политики, ее основные акторы сосредоточены в наиболее крупных городах, как правило, выполняющих роль политического и административного центра – столицах государств. Наряду с городами - столицами, в рамках индустриального и постиндустриального

¹⁶⁸ Сунгуров А.Ю. Публичная политика как поле взаимодействия и как процесс принятия решений. Электронный ресурс. Режим доступа http://www.civisbook.ru/files/_Sungurov_publ_pol_kak.pdf (Дата обращения – 3.10.2015).

периодов истории формировались так же города - региональные центры. В условиях постсоветской России роль таких городов - региональных центров, выполняют столицы субъектов федерации, являющиеся одновременно крупнейшими городами на территории того или иного региона (географической, административной, экономической, социо-культурной субтерритории).

С точки зрения оценки современного состояния и перспектив развития публичной политики России как федеративного государства, исследование аспектов взаимодействия между различными субъектами власти и управления в большом городе, и в частности соотношения и особенностей федеральной, региональной и муниципальной политической повестки, представляет определенный научный и практический интерес. На примере городов - региональных центров рассмотреть те или иные аспекты соотношения политической повестки на различных уровнях власти и управления можно как нам представляется наиболее показательно.

В рамках данной статьи практика соотношения политической повестки на федеральном, региональном и муниципальном уровнях будет рассмотрена на примере города Уфы. Столица одного из субъектов Российской Федерации крупный промышленный мегаполис с населением более 1 млн. человек, Уфа может рассматриваться в качестве характерного примера - города регионального центра.

Используя при исследовании вопросов соотношения политической повестки на различных уровнях реализации публичной политики в городе Уфе, в качестве метода исследования (вне рамок социологических измерений) контент-анализ различных источников информации, а так же анализ формальных и неформальных публичных политических практик, следует отметить, что одним из главных факторов во многом определяющим содержание и особенности публичной политической повестки города - регионального центра являются средства массовой информации.

В 70-е годы XX века американские ученые М. Маккоумз и Д. Шоу выявили взаимосвязь между упоминаемыми темами в средствах массовой информации и настроением общественного мнения путем корреляции социологических данных наиболее значимых для населения проблем и контент-анализа газетных статей и телевизионных сюжетов¹⁶⁹. Именно тогда в научный оборот вошло понятие «повестка дня», определенное

¹⁶⁹ Пономарев Н.Ф. Фрейминг медиаповестки дня и типология медиафреймов // Вестник Пермского университета. 2010. № 3(9). С. 62-67.

как набор тем и сюжетов, считающихся приоритетными на каком-то пространственно-временном отрезке.

В настоящее время средства массовой информации формируют и транслируют практически весь публичный общественно-политический информационный контент. Кроме того необходимо учитывать, что средства массовой информации пусть порой и с определенной долей погрешности, выполняют функцию обратной связи в системе взаимодействия власти и общества.

По данным Агентства по печати и средствам массовой информации Республики Башкортостан по состоянию на 01 января 2014 года в регионе действовали 638 печатных и 238 электронных средств массовой информации, имеющие федеральную, республиканскую или муниципальную подведомственную принадлежность¹⁷⁰.

В таком контексте соотношение федерального, регионального и муниципального компонентов публичной политической повестки можно было бы свести к соотношению ресурсов и возможностей средств массовой информации исходя из их «ведомственной» принадлежности, соответственно каково количественное соотношение федеральных, региональных и муниципальных средств массовой информации таково и соотношение повестки.

Но это будет не совсем объективно и корректно. Муниципальные и региональные средства массовой информации в силу сложившейся современной региональной публичной политической практики должны включать в свой медиа-контент вопросы общефедеральной тематики. При этом существует определенная закономерность – региональные средства массовой информации освещают в своей информационной политике как федеральный, так и муниципальный компонент. В то время как муниципальные средства массовой информации, уделяют внимание федеральным или региональным вопросам лишь по необходимости, и сосредотачиваются, как правило, преимущественно на муниципальном компоненте. Федеральные средства массовой информации так же могут варьировать соотношение своего информационного контента в данных вопросах, главным образом используя практику региональных или

170 Доклад «О состоянии средств массовой информации, книгоиздания и полиграфии в Республике Башкортостан» 2014 год. Режим доступа: <https://pressarb.bashkortostan.ru/upload/iblock/012/doklad-agentstva-pechati-rb.pdf> (Дата обращения - 23.09.2015)

муниципальных вкладок. Такая ситуация характерна как для электронных так и для печатных средств массовой информации в городе Уфе.

Следует сказать, что средства массовой информации, конечно, являются, не единственным фактором оказывающим влияние на соотношение в публичном политическом пространстве вопросов федеральной, региональной и муниципальной политической повестки.

Важным элементом здесь выступают, например, также позиции политических элит (в том числе и оппозиционных), представленных в органах государственной и муниципальной власти, институтах гражданского общества, бизнес-сообществе. Данные субъекты, принимая участие в формировании публичной политической повестки, руководствуются, как правило, либо позицией вышестоящих субъектов, либо своими корпоративными интересами. При этом опять же оговоримся, что канализироваться эти позиции и интересы в публичное политическое пространство будут главным образом через все те же средства массовой информации.

В качестве одной из особенностей практики проявления позиций и интересов данных субъектов отметим, что в случае наличия в публичном политическом пространстве города – регионального центра конфликта между региональными и муниципальными элитами или институтами, отношение и той и другой стороны, к федеральным органам власти в рамках политической повестки будет подчеркнуто позитивное.

Подводя некоторые итоги можно сказать о том, что соотношение в публичном политическом пространстве города – регионального центра вопросов федеральной, региональной и муниципальной повестки не находится в каком-то статическом положении. Соотношение этой повестки периодически изменяется, и зависит от различных внутренних и внешних факторов (деятельность средств массовой информации, региональных и муниципальных политических элит и т.д.).

В условиях текущего электорального цикла 2012-2015 гг. на примере крупного регионального центра - города Уфы прослеживается определенная закономерность, которую условно можно описать следующим образом: около 50 % общего объема публичной политической повестки занимают вопросы федеральной (общегосударственной) тематики (в том числе и внешнеполитической) остальной объем распределяется примерно поровну между региональной и муниципальной политической повестками. Такое положение вещей объясняется, прежде всего, тем, что современная

публичная политика в России в целом, как и политическая повестка в частности в значительной степени определяются федеральными органами власти и управления.

Раздел 5. Проба пера: Публичная политика глазами студентов-политологов

Ксения Амбрасовская, СПб

Измерение коррупции в России в 2014 и 2015 г. (на примере городов Петрозаводск и Санкт-Петербург)

Количественный анализ политических и социальных феноменов всегда представляется явлением сложным для исследователя. Многие явления политической жизни просто не могут быть сведены к набору тех или иных числовых показателей. Коррупция как феномен политической и социальной жизни не является исключением. Над вопросами того, как измерять коррупцию работают уже на протяжении десятилетий как зарубежные, так и российские исследователи. С одной стороны, коррупция – явление латентное, выявление которого не всегда возможно. С другой стороны, разнообразие форм проявления и видов коррупции налагает определенные трудности на создание универсальной и всеохватывающей модели измерения.

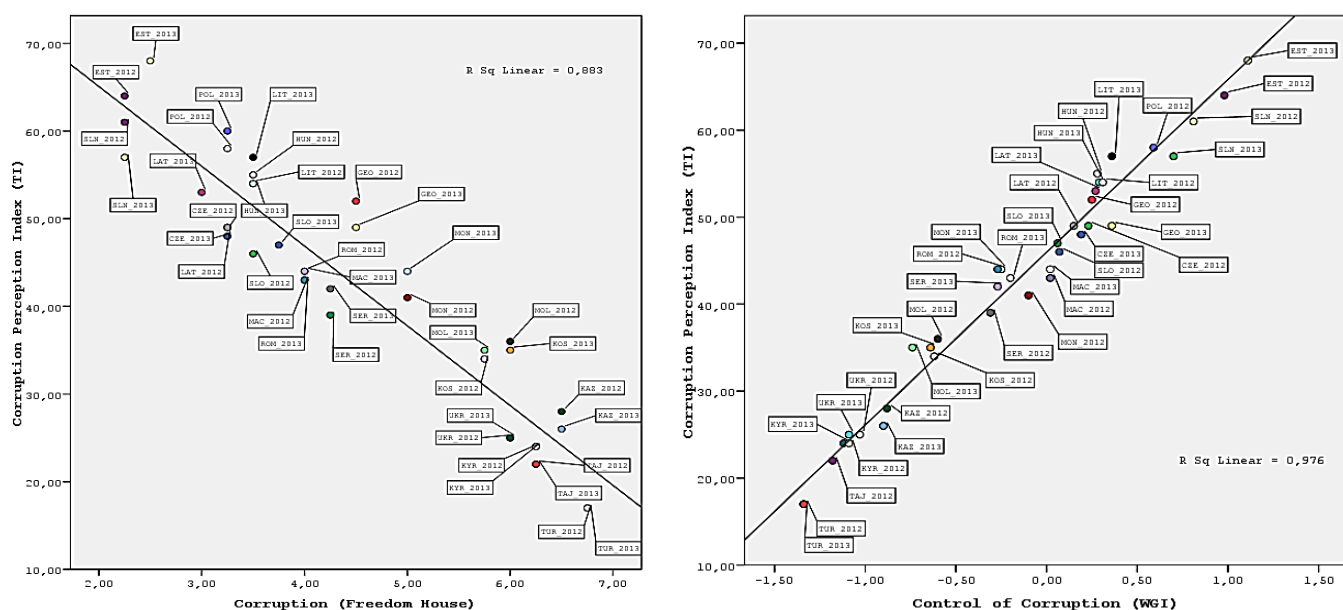
Задаваясь первым и наиболее важным вопросом о том, как в теории можно измерять коррупцию, хочется отметить следующие. В отличие от других политических явлений коррупция предполагает наличие числовых коэффициентов. Речь идет о том, что такие показатели как коррупционная выплата или коррупционный взнос, объем коррупции, размер взятки и т.д. предполагают выражение в конкретном денежном эквиваленте. С другой стороны, существует возможность посчитать какое количество граждан или предприятий попадает в коррупционную ситуацию за определенный временной промежуток. Органами внутренних дел в России систематически ведется статистика коррупционных правонарушений, к которым относятся дача взятки (ст. 291 УК РФ), получение взятки (ст. 290 УК РФ) и злоупотребление служебным положением (ст. 285 УК РФ). Все эти параметры могут закладываться в модель измерения так называемого «реального» уровня коррупции. Дополнительно в нее могут быть включены такие показатели, как количество коррупционных скандалов в средствах массовой информации,

количество нарушений при совершении государственных закупок. При этом необходимо понимать, что большинство параметров является возможным выявить только по результатам опросов или интервью. Здесь крайне важным являются возможности самого исследователя. Так, например, опрос среди граждан позволит получить информацию о бытовом уровне коррупции. Опрос или интервью с представителями бизнеса дает представление о деловом уровне коррупции (при этом, чем крупнее бизнес, тем информация будет больше стремиться к характеристикам административной коррупции). Возможность доступа исследователя к интервью с представителями политической элиты позволит получить информацию об административной или верхушечной коррупции, что является крайне редким и уникальным. Качество опросов и интервью напрямую влияет на результаты расчета «реального» уровня коррупции. Чем больше степень достоверности получаемой информации, тем выше качество и точность рассчитываемого рейтинга коррупции.

Оценивая международные практики измерения коррупции, можно сделать вывод о том, что доминирующим является использование метода экспертных оценок и опросов общественного мнения. В международных рейтингах государства оцениваются по таким показателям, как эффективное применение антикоррупционного законодательства, информационная открытость государственной власти, соблюдение государственной этики, восприятие коррупции в обществе, степень использования государственной власти в коростных целях, степень вовлеченности политической элиты в коррупцию, степень вмешательства государства в экономику, наличие бюрократических процедур, способствующих коррупции и пр.¹⁷¹ В целом, получаемая информация несет в себе определенный процент субъективности и по большей мере связана с восприятием коррупции. Однако, тем не менее, получаемые данные имеют схожие тенденции в отношении каждого из государств, в связи с чем, можно говорить о высоком уровне информативности международных рейтингов (Рисунок 1).

¹⁷¹ Для анализа были взяты Индекс восприятия коррупции (Corruption Perceptions Index) Transparency International, индекс контроля коррупции (Control of Corruption) The Worldwide Governance Indicators и индекс коррупции (Corruption) Freedom House, рассчитываемый в рамках исследования государств переходного периода (Nations in Transit).

Рисунок 1. Регрессионный анализ международных рейтингов коррупции, рассчитываемых Transparency International, Freedom House и The Worldwide Governance Indicators по 29 странам в период с 2002 по 2014 г.

Предпочтение в пользу измерения коррупции через восприятие обусловлено в первую очередь тем, что восприятие выступает в качестве косвенного показателя «реального» уровня коррупции. Кроме того, измерение через восприятие лишено такого недостатка, как получение недостоверных данных от респондента, поскольку не обязывает его в чем-либо сознаваться. С другой стороны, не каждый респондент в состоянии оценивать масштабы коррупции и формы её проявления. Так, например, если взятка для большинства граждан является формой проявления коррупции, то такое явление как «захват власти» или «захват бизнеса» уже меньшее число лиц смогут оценить как коррупцию.

В свою очередь восприятие коррупции есть оценка субъективная, а, значит, она подвержена воздействию других факторов. В связи с чем, возникает два предположения, которые требуют их дальнейшего доказательства или опровержения:

Гипотеза 1. Если восприятие коррупции у граждан субъективно, то оно подвержено влиянию определенных факторов.

Гипотеза 2. Если восприятие коррупции субъективно, то оно будет или выше, или ниже «реального» уровня коррупции.

Для проверки гипотез были выбраны два города в России: г. Петрозаводск и г. Санкт-Петербург. Если г. Санкт-Петербург является ярким представителем городов-миллионеров, то г. Петрозаводск представляет города с населением меньше 500 тыс. человек. Кроме того, для работы со второй гипотезой необходимо было определить, как высчитать реальный уровень коррупции. Для этого была разработана и предложена собственная модель расчета «реальной коррупции». В основу этой модели легли как данные, полученные в ходе опросов общественного мнения, так и результаты официальной статистики МВД. Формула расчета реального уровня коррупции имеет следующий вид:

$$L_C = (N_R * Q_S / N_T + Q_C)$$

где, L_C - уровень коррупции; N_R - количество фактов коррупционных отношений; Q_S - коэффициент размера взятки; N_T - общее число участвовавших в опросе; Q_C - коэффициент коррупционных правонарушений.

Каждый из показателей рассчитывается следующим образом. Количество фактов коррупционных отношений определяется по результатам опросов граждан, и фиксируется по количеству респондентов давших положительный ответ на вопрос «Приходилось ли Вам попадать в коррупционную ситуацию за последний год?». Коэффициент размера взятки рассчитывается также по результатам ответов респондентов, с применением шкалы от 1 до 5 (Таблица 1). Произведения доли респондентов попавших в тот или иной денежный диапазон на соответствующий ему балл суммируются, для получения коэффициента размера взятки. Для вычисления коэффициента коррупционных правонарушений также вводится шкала от 1 до 10. Опираясь на данные официальной статистики МВД по коррупционным правонарушениям, каждый из городов наносится на шкалу. Так, например, по данным за 2014 и 2015 года максимальное значение по шкале (10) принадлежало г. Москве, для г. Петрозаводска коэффициент составил 1,2, а для г. Санкт-Петербурга 3,2.

Таблица 1. Шкала коррупционных отношений

в денежном эквиваленте.

1	До 1 000 руб.
2	1 000 руб. – 10 000 руб.

3	10 000 руб. – 50 000 руб.
4	50 000 руб. – 100 000 руб.
5	Свыше 100 000 руб.

Опрос общественного мнения в г. Петрозаводске проходил в марте-апреле 2014 г. Генеральная совокупность составила 227 278 чел., куда вошли жители г. Петрозаводска от 16 лет и старше. Выборка составила 350 респондентов от 16 лет и старше. Выборка была стратифицирована по полу и возрасту. Опрос носил формат поквартирного (door to door), шаг отбора был равен 5. В ходе опроса было выявлено, что порядка 55% опрошенных в той или иной степени интересуются общественной и политической жизнью в городе. При этом активное участие в общественных и политических мероприятиях города принимают лишь 21%. В качестве основных источников информации выступают телевидение (44%), интернет (43%), газеты (11%) и радио (2%). При этом информацию о коррупционных скандалах в городе в СМИ встречают порядка 70% опрошенных. Из них порядка 11% встречают подобного рода информацию раз в 2 недели, 22% - раз в месяц, 48% - раз в несколько месяцев и 18% - раз в год.

Для жителей г. Петрозаводска характерно негативное отношение к коррупции. Так, 96% считают, что коррупция – явление негативное и с ней необходимо бороться. Непосредственный коррупционный опыт за последний год имели 10%, а в коррупционную ситуацию попадали еще 7%. Согласно полученным данным наиболее часто необходимость давать взятки у респондентов возникала при общении с сотрудниками полиции (60,8%), при необходимости открытия бизнеса (17,4%), а также при общении с представителями МСУ (10,9%). Наиболее частый размер коррупционного вознаграждения составил до 1 000 руб. (38%), от 1 000 до 10 000 руб. (31%) и свыше 100 000 руб. (12%).

Оценивая уровень коррупции в городе и в России в целом, жителям была предложена шкала от 0 до 10, где 0 – «нет коррупции», а 10 – «тотальная коррупция». Среднее значение оценки уровня коррупции в городе составило 6,3 балла. При этом минимальное значение было равно 2 баллам (0,9%), а максимальное 10 баллам (6,9%). Оценки уровня коррупции в России жителями г. Петрозаводска составили 8,3 балла. Здесь минимальное значение было равно 4 баллам (0,9%), а максимальное 10 баллам (31,4%).

Также отдельную группу составили вопросы, посвященные деятельности органов местного самоуправления. Так, например, порядка 62% оценили доступность информации о деятельности органов МСУ. Однако о прозрачности в деятельности органов МСУ говорит лишь 24% опрошенных. При этом большинство опрошенных в той или иной степени не удовлетворены деятельностью органов МСУ (66,6%). Большинство жителей считает, что общество не может оказывать влияние на процесс принятия решений в городе (57,6%).

Опрос в г. Санкт-Петербурге проходил через год, в марте-апреле 2015 г. Для этого опроса была изменена и расширена анкета, а также поднят возрастной порог участия в опросе до 18 лет. Генеральная совокупность по г. Санкт-Петербургу составила 4 456 200 чел., в нее вошли жители старше 18 лет. Выборка по г. Санкт-Петербургу составила 325 чел., была стратифицирована по полу и возрасту. Как и в случае г. Петрозаводска, опрос в г. Санкт-Петербурге носил формат поквартирного (door to door), шаг отбора был равен 5.

Данные по г. Санкт-Петербургу позволяют говорить о следующем. Чуть больше половины опрошенных (53,5%) интересуются в той или иной степени общественно-политической жизнью в городе. При этом основным источником информации выступают телевидение (40%), интернет (36%), газеты (17%) и радио (7%). В отличие от г. Петрозаводска, в г. Санкт-Петербурге информацию о коррупционных скандалах в СМИ встречают лишь 48%. При этом частота публикаций подобного рода информации по мнению респондентов следующая: 1,8% - раз в 2 недели, 6,5% - раз в месяц, 24% - раз в несколько месяцев, 11,4% - раз в год.

Отношение к коррупции у жителей г. Санкт-Петербурга в большинстве своем негативное (94,5%). Кроме того, обновленная анкета подразумевала возможность респондентов дать собственное определение и понимание коррупции. По результатам анализа стало ясно, что большинство воспринимает коррупцию в терминах Уголовного кодекса РФ. Так 100 человек свели определение коррупции к терминам «взятка» или «взяточничество», 75 человек использовали слово «подкуп», 35 человек определили как «использование должностного или служебного положения», 34 человека использовали «продажность». Также ряд респондентов определил коррупцию как «мошенничество» или «воровство» (15 чел.) и «вымогательство» (10 чел.).

Характеризуя коррупционный опыт жителей г. Санкт-Петербург можно сделать следующие выводы. За последний год в коррупционную ситуацию попадали порядка 18% респондентов. При этом распределение ответов по диапазону коррупционного

вознаграждения имеет следующие результаты: 35,6% - до 1 000 руб., 45,8% - от 1 000 до 10 000 руб., 8,5% - от 10 000 до 50 000 руб., 6,8% - от 50 000 до 100 000 руб., 3,4% - свыше 100 000 руб.

Оценки субъективного уровня коррупции как в г. Санкт-Петербурге, так и в России в целом имеют схожие тенденции с оценками в г. Петрозаводске. Как и в случае г. Петрозаводска, в г. Санкт-Петербург была предложена шкала от 0 до 10, где 0 – «нет коррупции», а 10 – «тотальная коррупция». Так для г. Санкт-Петербурга средняя оценка уровня коррупции составила 6,9 балла. При этом минимальное значение было равно 3 балла (0,3%), а максимальное 10 баллов (1,8%). Оценка уровня коррупции в России в целом у жителей г. Санкт-Петербурга составила 7,9 балла. Здесь минимальное значение также равно 3 баллам (0,3%), а максимальное - 10 баллов (3,4%).

В связи с изменившейся анкетой были получены не только характеристики органов власти, но также и институтов. Был сформирован список, куда вошли Губернатор Санкт-Петербурга, Законодательное Собрание Санкт-Петербурга, Правительство Санкт-Петербурга, суды (Уставной суд и мировые судьи), Администрации районов, СМИ, полиция, таможня, налоговые органы и общественные организации. Для каждого из вышеперечисленных пунктов респонденты должны были дать характеристику по уровню доверия и оценкам коррумпированности. По результатам анализа стало понятно, что наибольшее доверие жители г. Санкт-Петербурга питают к Губернатору (50,9%) и общественным организациям (47,7%). В наименьшей же степени жители доверяют таможне и полиции (по 84,6% каждый), судам (77,8%) и Правительству Санкт-Петербурга (77,5%). Оценки уровня коррумпированности во многом совпадают с оценками доверия. Так, наименее коррумпированными, по мнению респондентов, являются общественные организации (63,6%) и Губернатор Санкт-Петербурга (50%). Наиболее коррумпированными были выделены полиция (77,2%), налоговые органы (70,1%), таможня (69,5%) и администрации районов Санкт-Петербурга (65,7%).

Для двух других характеристик, таких, как удовлетворенность деятельностью и открытость, список был сокращен до пяти позиций: Губернатор Санкт-Петербурга, Законодательное Собрание Санкт-Петербурга, Правительство Санкт-Петербурга, суды (Уставной суд и мировые судьи) и Администрации районов. Для обоих показателей преобладают негативные оценки. Так, например, ни одна из пяти позиций по критерию удовлетворенности деятельностью не была оценена положительно. При этом в большей степени респонденты не удовлетворены деятельностью Правительства Санкт-Петербурга (70,1%) и Законодательного Собрания (62,7%). Характеризуя открытость в деятельности

органов власти, также нельзя говорить о положительных тенденциях. В большей степени не открытыми являются суды (62,4%) и Правительство Санкт-Петербурга (59,1%).

Таковы основные результаты опросов в двух городах России в 2014 и 2015 г. Следующим этапом станет проверка двух ранее выдвинутых гипотез.

Гипотеза 1. Если восприятие коррупции у граждан субъективно, то оно подвержено влиянию определенных факторов.

Для проверки данной гипотезы был проведен корреляционный и регрессионный анализ. В случае г. Петрозаводска зависимой переменной стал субъективный уровень коррупции. В качестве независимых переменных были выбраны участие в общественно-политической жизни города, частота публикаций коррупционных скандалов в СМИ, личный коррупционный опыт, открытость и прозрачность в деятельности органов МСУ, удовлетворенность деятельностью МСУ, возможность влиять на процесс принятия решений, уровень образования, пол. В случае г. Санкт-Петербурга в качестве зависимой переменной были выбраны оценки уровня коррумпированности. Независимыми переменными стали участие в общественно-политической жизни города, частота публикаций коррупционных скандалов в СМИ, личный коррупционный опыт, уровень доверия, открытость в деятельности органов власти, удовлетворенность деятельностью органов власти, уровень образования, уровень экономического благосостояния, пол.

В ходе анализа стало ясно, что на восприятие коррупции влияет уровень образования, уровень экономического благосостояния, частота публикаций в СМИ, открытость и прозрачность, степень доверия, удовлетворенность деятельностью, возможность влиять на процесс принятия решений (Таблица 2,3).

Таблица 2. Корреляционный и регрессионный анализ для г. Петрозаводска

	Стандартизованный Beta - коэффициент				
	M1	M2	M3	M4	M5
Уровень образования	- 0,144***	-	-	-	-
Коррупционные скандалы в СМИ	-	0,170*	-	-	-

(частота)		*			
Прозрачность и открытость деятельности МСУ	-	-	-0,228***	-	-
Удовлетворенность деятельностью МСУ	-	-	-	- 0,185***	-
Влияние на ППР	-	-	-	-	-0,211***
R ²	0,021	0,029	0,052	0,034	0,045
Adj. R ²	0,018	0,023	0,049	0,031	0,042
N	344	175	301	332	312
Значимость * - 0,1; ** - 0,05; *** - 0,01					
Зависимая переменная – субъективный уровень коррупции					

Таблица 3. Корреляционный и регрессионный анализ для г. Санкт-Петербурга

	Стандартизованный Beta – коэффициент				
	M1	M2	M3	M4	M5
Оценки доверия «Правительство Санкт- Петербурга»	-0,587***	-	-	-	-
Оценки доверия «Общественные организации»	-	-0,458***	-	-	-
Степень открытости «Губернатор Санкт- Петербурга»	-	-	- 0,475***	-	-
Удовлетворенность деятельностью «Правительство Санкт-	-	-	-	- 0,653***	-

Петербурга»					
Экономическое благосостояние	-	-	-	-	-0,134**
R^2	0,345	0,210	0,225	0,427	0,018
Adj. R^2	0,343	0,208	0,222	0,425	0,015
N	288	313	241	275	325
Значимость * - 0,1; ** - 0,05; *** - 0,01					
Зависимая переменная – степень коррумпированности					

Таким образом, можно говорить о том, что данная гипотеза подтверждается. Восприятие коррупции действительно подвержено влиянию других факторов, а значит и во многом зависит от них (по крайней мере, на примере двух городов).

Гипотеза 2. Если восприятие коррупции субъективно, то оно будет или выше, или ниже «реального» уровня коррупции.

Как было выявлено по результатам опроса субъективный уровень коррупции в г. Петрозаводске равен 6,3 балла, а в г. Санкт-Петербурге - 6,9 баллов. Для расчета реального уровня коррупции по вышеописанной формуле необходимо было получение ряда данных. Для г. Петрозаводска были получены следующие данные:

$$L_C = (28 \cdot 1,7 / 347 + 1,2)$$

Для г. Санкт-Петербурга по результатам опроса было получено:

$$L_C = (59 \cdot 2 / 325 + 3,2)$$

Рассчитывая по формуле, получаем, что уровень коррупции в г. Петрозаводске равен 1,3 балла, а в г. Санкт-Петербурге - 3,6 балла.

Таким образом, гипотеза подтверждается. По результатам анализа становится понятно, что «реальный» уровень коррупции в 2-6 раз ниже, чем восприятие коррупции.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что измерение уровня коррупции через восприятие, которое является столь популярным, благодаря относительной простоте и

достоверности получаемых данных, имеет свои особенности. Так, анализ на примере двух городов России показал, что восприятие изменчиво и подвержено влиянию других факторов, начиная от таких характеристик граждан, как уровень образования и благосостояния и заканчивая их уровнем доверия к властным институтам, удовлетворённостью деятельностью власти, её открытостью и возможностью повлиять на процесс принятия решений. Кроме того, приглашая оценить уровень коррупции в месте проживания, граждане в меньшей степени ориентируются на свой личный опыт попадания в коррупционную ситуацию. При относительно не высоком проценте граждан, встречающихся с коррупцией, оценки уровня коррупции достаточно высоки. Кроме того, сравнивая оценки воспринимаемого уровня коррупции с реальным уровнем, можно сделать вывод, что последний в разы меньше.

Вообще систематическое измерение коррупции по субъектам РФ позволило бы не только выявлять наиболее слабые в коррупционном отношении места, но и отражать общественные настроения в отношении деятельности органов власти, институтов и организаций. Кроме того, это позволило бы в лучшей мере определить потребности антикоррупционной борьбы для каждого из субъектов.

МАКСИМ БОРИСЕНКО, СПб

ГРАЖДАНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ: СРАВНЕНИЕ ПОДХОДОВ

Воспитание будущего поколения волновало людей на протяжении многих веков. Ведь от того, какими вырастут их дети, зависело то, каким будет государства и общества, в котором они живут. Поэтому во все времена детей старались воспитать “правильно”, т.е. в соответствии со взглядом старшего поколения на ценности и уклад жизни, которых следовало придерживаться.

Для того, чтобы воспитать подрастающее поколение “правильно” использовались разные меры и способы: в традиционном обществе основной объём функций по образованию и воспитанию детей лежал на их родителях, поэтому передача ценностей и уклада жизни не составляла труда. С появлением университетского образования в Европе в Средние века функция образования и передачи ценностей частично легла на

преподавателей, но так как большинство людей не могло себе позволить образование в университетах, эффект от передачи ценностей с помощью университетов был минимальным.

Огромный скачок в этой области произошёл с внедрением всеобщего бесплатного образования. Акцент в передаче ценностей и жизненного уклада сместился от частного, домашнего воспитания к массовому государственному. Ещё через некоторое время, развивая логику массового государственного воспитания/образования стали возникать разнообразные молодёжные организации, например, “Пионеры” или “Гитлерюгенд”, целью которых было воспитать детей будущими гражданами своей страны в духе актуального политического курса правительства. Следующий шаг был сделан в конце XX века. Развитие СМИ, интернета и гражданского самосознания подготовило почву для активного включения общества в процесс воспитания и образования детей. Теперь помимо родителей и преподавателей передача ценностей легла общественные организации, работающие с детьми, а также на СМИ.

После событий 1991 года новообразованная Российская Федерация активно включилась в этот процесс. В 90-е годы активно продвигались идеи гражданского образования и патриотического воспитания, которые были направлены на то, чтобы в будущем сделать из школьников достойных граждан своей страны.¹⁷²

В 00-е в этот процесс всё активней начало включаться государство¹⁷³, приводя за собой финансирование, а как следствие и политическое ангажирование некоторых проектов. В итоге, во второй половине 00-х произошёл переориентирование государства в сторону патриотического воспитания с отходом от гражданского образования. К этому же периоду возможно следует отнести возникновение такого понятия как военно-патриотическое воспитание.

На данный момент можно заметить, что не существует чётко сформированной типологии гражданского образования также, как и нет общепринятого определения этого

¹⁷²В частности, можно рассматривать деятельность проф. Н. И. Элиасберг и общественной организации “Гражданин XXI века” в Санкт-Петербурге, (Элиасберг Н. И. Петербургская модель гражданско-правового образования и воспитания гражданина России [Электронный ресурс]: сайт “Информация для всех”. URL: <http://www.ifap.ru/projects/elias.pdf> (дата обращения: 15.02.2016))

¹⁷³В этот период в России принимаются полноценные программы, чего не было в 90х: Государственная программа «Гражданское образование населения Российской Федерации на 2005-2008 годы» - Проект. Вариант от 04.04.2005 [Электронный ресурс]: сайт организации “Гражданская восьмёрка” URL: <http://civilg8.ru/priority/education/4530.php> (дата обращения 18.12.15); Государственная программа “Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001-2005 годы”. М.: 2001.

понятия. Поэтому актуальной является задача поиска такой типологии, предложении возможных моделей гражданского образования, что и является задачей настоящей работы.

В 1961 году Карл Дойч описывая в своих исследованиях социальную мобилизацию и модернизацию, доказал, что на успех этих процессов в первую очередь влияют не экономические, а ценностные изменения в обществе¹⁷⁴. Исследования на схожую тематику проводятся до сих пор. Роналд Инглхарт в работе “Culture and Democracy”, посвященной функционированию демократических институтов в разных странах, приходит к выводу, что культура и ценности, ей свойственные, в большей степени определяют качество работы институтов, нежели экономические изменения.¹⁷⁵ Эти исследования позволяют сделать вывод, что социальные изменения часто обусловлены изменением культуры, в том числе и политической. Из этого возникает следующий вопрос: чем, в свою очередь, обусловлены изменения политической культуры?

Поскольку политическая культура – это “специфическая модель ориентации на политическое действие”¹⁷⁶, необходимо изменить ориентацию, чтобы повлиять на политическую культуру. Так как ориентация основывается на ценностях, мы можем сделать вывод, что политическая культура общества обусловлена ценностями, в нём разделяемыми. Роль проводника новых ценностей в современном обществе выполняет гражданское образование. Его акторы осуществляют политическую социализацию/ресоциализацию граждан общества, а также формируют в них необходимые для данного общества качества, основываясь на своих собственных ценностях. Таким образом, гражданское образование может являться инструментом изменения политической культуры.

Существует несколько пониманий того, что есть гражданское образование. Так, Стивен Финкель, в работе, посвященной политическому участию в Доминиканской Республике и ЮАР, понимает под гражданским образованием систематизированный процесс направленный на политическую мобилизацию общества.¹⁷⁷ Другой американский учёный, Маргарет Бренсон, в меморандуме рабочей группы, Центра Гражданского

¹⁷⁴ Deutsch K. W. Social mobilization and political development // American Political Science Review. 1961. № 3. P. 493-494, 514.

¹⁷⁵ Inglehart R. Culture and democracy // Culture matters: How values shape human progress. 2000. P. 95-96

¹⁷⁶ Almond G. Comparative Political Systems // Journal of Politics. 1956 Vol. 18. № 3. P. 396.

¹⁷⁷ Finkel S. E. Civic education and the mobilization of political participation in developing democracies // The journal of Politics. 2002. №. 4. P. 1017

образования определяет его, как образование, направленное на выработку “культуры участия” в политической жизни у граждан.¹⁷⁸ Стоит заметить, что оба исследователя уделяют внимание тому, что “политическая мобилизация” и развитие “культуры участия” должны осуществляться в соответствии с ценностями демократии и прав человека.

Темой гражданского образования занимаются также и российские учёные. Основываясь на документах Совета Европы, свою трактовку понятия гражданского образования даёт А. Б. Суслов: “Под воспитанием демократической гражданственности (Educationfordemocraticcitizenship) понимается проведение обучения, тренингов, распространение информации, организация практической деятельности с целью дать обучающимся знания, умения и понимание, а также сформировать их отношение и поведение для того, чтобы дать им возможность реализовывать и защищать их демократические права и ответственность в обществе, ценить разнообразие и играть активную роль в демократической жизни, понимать, как продвигать и защищать демократию и верховенство права.”¹⁷⁹ Другой российский автор, С. А. Морозова, в своей статье, посвященной гражданскому образованию, пишет о существовании двух трактовок данного понятия. В первой оно понимается – как образование, направленное на формирование в человеке чувства гражданственности. Во второй оно определяется как гражданско-правовое образование.

Стоит заметить, что несмотря на различия всех четырёх определений, в них присутствует одна общая проблема. Все авторы предполагают, что гражданское образование реализуется в демократическом государстве и направленно на формирование политической культуры участия. Получается, что они упускают те случаи, когда гражданское образование направлено на формирование “подданнической” политической культуры. Скорее всего это связано с разным пониманием понятия “гражданин”: в рамках данных определений “гражданин” понимается как житель государства, принимающий активное участие в политике, с целью улучшить жизненные условия. Если же мы говорим об авторитарных государствах, то там “гражданин” далеко не всегда должен участвовать в

¹⁷⁸ Branson M. S. The role of civic education. A Forthcoming Education Policy Task Force Position Paper from the Communitarian Network. 1998 [Электронный ресурс]: сайт “Center for civic education” URL:http://www.civiced.org/papers/articles_role.html (Дата обращения: 16.03.16)

¹⁷⁹ Суслов А.Б. Образование в области прав человека: европейский опыт и российская практика // Права человека перед вызовами XXI века / под ред. В. В. Смирнова и А. Ю. Сунгурова. М., 2012. С. 208

политическом процессе, зато от него требуются другие качества, такие как политическая пассивность и лояльность (одобрение любых действий государственной власти).

Чтобы нейтрализовать пробел, о котором было сказано выше, следует выработать новое определение. За основу можно взять понятие гражданского образования, которое дала А. М. Везирова в своей работе, посвященной роли государственных и негосударственных акторов в системе гражданского образования Санкт-Петербурга. Оно отражает основной элемент описываемого нами процесса. Согласно ей, гражданское образование – это специфическое направление воспитательно-образовательной работы, включающей в себя элементы гуманитарного знания из разных отраслей науки, отобранных на основе определенных ценностных ориентиров.¹⁸⁰

Таким образом, предлагаемое определение будет выглядеть так: гражданское образование – это специфическое направление воспитательно-образовательной работы, включающее в себя элементы гуманитарного знания различных из различных отраслей науки, отобранных на основе определенных ценностных ориентиров, с целью воспитать в человеке личность, содержащую в себе политические и социальные качества, соответствующие этим ориентирам.

Одна из возможных типологий гражданского образования представлена в магистерской диссертации Д. Смирновой на тему “Гражданское образование в современной России: влияние государственной исторической политики”. В ней предложена матрица, где по одной оси выделяются три сущностных типа гражданского образования: гражданско-правовое, гражданско-патриотическое и духовно-нравственное, а по другой – три уровня форм такого образования – формальное, неформальное и информальное¹⁸¹. Гражданско-правовая модель характеризуется направленностью на формирование правового сознания, гражданской ответственности и критического мышления. Гражданско-патриотическая модель направлена на “формирование патриотизма, борьбу с духовным кризисом, воспитание подрастающего поколения на основе культурных и исторических достижений Российской Федерации”¹⁸² Духовно –

¹⁸⁰ Везирова А. М. Сравнение роли государственных и негосударственных акторов в системе гражданского образования в Санкт-Петербурге, 2015. – Курсовая работа, рукопись. С. 7.

¹⁸¹ Смирнова Д. Гражданское образование в современной России: влияние государственной исторической политики, 2014. - магистерская диссертация, рукопись. С. 30 - 31

¹⁸² Там же. С. 31

нравственная модель направлена на формировании качеств, соответствующих религиозным или историко-культурным ценностям.

В основе такого разделения лежит критерий метода реализации образовательного процесса, способа получения знаний и умений со стороны школьников. Под “формальным образованием” понимается стандартное среднее школьное образование. “Неформальное образование” представляет собой внеучебную деятельность. Под “информальным образованием” понимается процесс получения знаний через личный опыт. Также, в своей работе, Смирнова отмечает, что выяснить принадлежность какой-либо активности к тому или иному виду гражданского образования можно только качественным путём, то есть исходя из анализа конкретного сущностного содержания процесса.¹⁸³

Данная типология хорошо отражает сущностное содержание разных моделей гражданского образования, а также помогает чётко разделить их по акторам, вовлечённым в реализацию каждой модели. Однако в рамках типологии, предложенной Смирновой, не рассматриваются ценности, напрямую влияющие на политическую культуру. По этой причине имеет смысл предложить ещё одну классификацию, основывающуюся на таких ценностях. Я предполагаю, что в рамках гражданского образования можно выделить три модели образования: гражданско – правовое¹⁸⁴, гражданско – патриотическое¹⁸⁵ и гражданско – демократическое¹⁸⁶.

Гражданско – правовая модель подразумевает под собой формирование конкретного отношения индивида к правам человека и социальным ценностям, с ними связанным, не акцентируя внимания на политических качествах воспитуемого. Гражданско - патриотическая модель представляет собой формирование патриотизма и воспитание в гражданине политических качеств, основанных на ценности любви к Родине и Отечеству. Гражданско - демократическая модель направлена на формирование у индивида культуры политического участия и других политических и социальных качеств,

¹⁸³ Там же. С. 32

¹⁸⁴ Суслов А.Б. Образование в области прав человека: европейский опыт и российская практика // Права человека перед вызовами XXI века / под ред. В. В. Смирнова и А. Ю. Сунгурова. М., 2012. С. 207 – 208.

¹⁸⁵ Иванова И. Гражданско-патриотическое воспитание школьников в воспитательно-образовательном процессе. [Электронный ресурс]: сайт организации «Фестиваль педагогических идей». URL: <http://festival.1september.ru/articles/514134/> (дата обращения: 17.03.16)

¹⁸⁶ Гражданско-демократическое образование по своему смыслу наиболее близко к определению гражданского образования М. Бренсон: Branson M. S. The role of civic education. A Forthcoming Education Policy Task Force Position Paper from the Communitarian Network. 1998 [Электронный ресурс]: сайт “Center for civic education” URL: http://www.civiced.org/papers/articles_role.html (Дата обращения: 16.03.16)

основанных на демократических ценностях. Как и в классификации предложенной Д. Смирновой, оценка принадлежности какой-либо активности к одной из трёх моделей возможна только качественным методом, то есть анализом сущностного содержания.

Таким образом две типологии, представленные в данной главе, целостно отражают роль гражданского образования в изменении политической культуры. Во-первых, гражданское образование передаёт от одних индивидов другим ценности, формирующие ориентации. Во-вторых, оно формирует на основе этих ценностей новые ориентации, за счёт которых постепенно изменяется политическая культура общества.

Далее для классификации определенных видов гражданского образования предполагается распределить по ряду показателей, которые могут отражать как транслируемые ими ценности, так и принципы их функционирования. Приведем эти показатели, которые удобно, на наш взгляд, представлять в виде соответствующих осей.

Ось 1. Плюрализм – “монизм”. Данная ось отображает ценности, которые стремиться привить та или иная модель гражданского образования. Плюрализм предполагает, что обучаемый осознаёт, что может существовать несколько мнений относительно одного вопроса, каждое из которых необходимо принимать и учитывать. “Монизм” предполагает, что воспитуемый принимает и полностью разделяет мнение, согласно которому по каждому конкретному вопросу существует или может существовать единственно верное мнение. **Пример:** вопрос о том, как зародилась жизнь на земле. Согласно плюралистическому подходу ответ будет выглядеть так: “Существует несколько теорий зарождения жизни на Земле: теория самопроизвольного зарождения, теория креационизма, теория стационарного состояния, теория панспермии и теория биохимической эволюции. Каждая из них обладает своей доказательно базой, своими преимуществами и недостатками. Лично я придерживаюсь теории креационизма, так как она кажется мне наиболее обоснованной, хотя я могу быть не прав.” Согласно “монистическому” подходу ответ будет выглядеть следующим образом: “Жизнь на земле была создана Богом. Это – единственно верный ответ на данный вопрос”

Ось 2. Рациональность – чувственность. Данная ось отображает то, на основе чего индивида учат принимать решения. Под рациональность понимается принятие обучаемым решения по какому-либо вопросу на основе построения логических цепочек (также, возможно на основе теории игры и теории рационального выбора). Под чувственность понимается принятие обучаемым решения по какому-либо вопросу на основе чувственного восприятия и/или личного опыта, связанного с ним. **Пример:**

индивид стал свидетелем преступления, что ему следует делать? Согласно рациональному подходу ответ будет выглядеть так: “Я должен сообщить в полицию, иначе я могу понести наказания согласно закону.” Согласно чувственному подходу ответ будет выглядеть так: “Я должен помочь этому человеку и сообщить в полицию, потому что в детстве меня учили, что нехорошо стоять в стороне, когда другие страдают.”

Ось 3. Источники финансирования и организационная форма («государственность – негосударственность»). Данная ось отображает, то откуда та или иная организация, занимающаяся гражданским образованием, находит деньги для своего функционирования. Под государственностью понимается, что деятельность лица финансируется государственными структурами или организациями, которые управляются государством. Под негосударственностью подразумевается, что деятельность лица финансируется независимыми фондами или другими структурами, которые не связаны с правительством страны, в которой функционирует лицо. **Пример:** Как можно охарактеризовать деятельность НКО “Светоч знаний”. Если она является государственной, то ответ может выглядеть так: ““Светоч знаний” финансируется Министерством образования РФ”. Если она является негосударственной, то ответ может выглядеть так: ““Светоч знаний” финансируется фондом Сороса.”

Ось 4. Индивидуализм – коллективизм. Данная ось отображает ориентацию ценностей прививаемых, индивиду. Под индивидуализмом понимается то, что в центр всей системы ценностей ставится личность, её права и желания. Это непосредственно влияет на принятие решений по какому-либо вопросу. Под коллективизмом понимается то, что главной ценностью является общественное благо, то есть в принятии решений обучаемый опирается на то, что будет лучше для общества, а не для него самого. **Пример:** Индивид принимает решение о службе в армии. Согласно индивидуалистическому подходу ответ будет выглядеть так: “Я пойду служить в армию, потому что там у меня будет возможность много зарабатывать, командовать подчинёнными и получить квартиру”. Согласно коллективистскому подходу ответ будет выглядеть так: “Я пойду служить в армию, потому что сейчас нашей стране требуется защита, от возможных врагов.”

Ось 5. Критичность – некритичность. Данная ось отражает то, каким образом, индивид принимает решения. Под критичностью понимается склонность индивида принимать решения по какому-либо вопросу, исходя из сравнения разных источников информации и/или взглядов на данный вопрос, причём обучаемый склонен недоверять источникам. Под некритичностью понимается склонность индивида принимать решения исходя только из одного источника информации, причём обучаемый доверяет ему и не

желает провести сравнение. **Пример:** По телеканалу передают какую-либо новость. Согласно критическому подходу обучаемый попытается найти несколько источников информации об этой новости, чтобы увидеть её с разных сторон и только после этого сформирует своё отношение. Согласно некритическому подходу обучаемый поверит тому описанию новости, которое было дано по телевидению, у него не возникнет желание найти иной взгляд на новость и сравнить его с первым.

Ось 6. Новаторство – консерватизм. Данная ось отражает то, как индивид, относится к новому в общественной, культурной и политической жизни. Под новаторством понимается, что обучаемый готов к тому, чтобы воспринять новшества и составить их критическую оценку. Под консерватизмом понимается, что обучаемый отказывается воспринимать новшества и придерживается традиций, выработанных его предками или обществом. **Пример:** Вопрос, касающийся отношения индивида к ЕГЭ. Согласно новаторскому подходу ответ может выглядеть так: “У ЕГЭ есть как сильные, так и слабые стороны и я полагаю, что оно полезно, потому что позволит детям из деревень гораздо проще поступить в столичные вузы.” Согласно консервативному подходу ответ может выглядеть так: “Я думаю, что ЕГЭ – это плохое нововведение, потому что оно нарушает систему образования, которая была в СССР и при которой учились мои родители.”

Соответственно, каждая из предложенных выше моделей гражданского образования может быть расположена по кратко рассмотренным нами осям – показателям, что и будет задачей наших последующих исследований.

Ольга Бузенкова, СПб

Институт омбудсмана в России как фактор демократизации¹⁸⁷

Демократизация современных обществ, которая в общем смысле понимается как внедрение демократических принципов в общественную жизнь¹⁸⁸, не означает

¹⁸⁷ Текст подготовлен в ходе проведения работы (№ 16-05-0059) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2016 г. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ

безусловный переход от недемократического режима к демократическому. Примером этого может являться случай России и других постсоветских государств, которые, как пишет В.Я.Гельман, «находятся по ту сторону общепринятых представлений о "переходах к демократии"»¹⁸⁹. В большинстве государств постсоветского пространства наблюдается парадоксальная ситуация: внедрение таких демократических принципов, как свободные выборы, многопартийность, политическая конкуренция, в результате все равно приводит к образованию авторитарных режимов. Почему так происходит? В. Гельман, рассуждая о государстве, в котором возможны «свободные, но несправедливые выборы», отмечает важность преобладающего типа институтов в данном государстве. Два типа институтов, формальные и неформальные, регулируют отношения как в рамках демократических режимов, так и недемократических. Однако только в недемократических режимах возникает проблема верховенства неформальных институтов над формальными - политические решения в таких режимах принимаются не по принципу rule of law, а по принципам клиентелизма или коррупции¹⁹⁰. Поэтому в данных государствах представляется важным развитие демократических правовых институтов. Иногда возникновение и развитие формальных институтов происходит по эндогенной инициативе, но чаще всего эти попытки не являются успешными. Но в большинстве случаев используется заимствование правовых инноваций из более демократизированных стран. Например, такой перенос использовался в странах Южной Европы и Латинской Америки. Данные государства представляют различные модели посткоммунистических транзитов, отличающихся стадиями, затрудненностью институционализации новых режимов и т.д.¹⁹¹. Одним из ярких примеров заимствования инноваций является развитие института омбудсмана в России.

Целью работы является анализ развития института омбудсмана в современной России с точки зрения поиска ответа на исследовательский вопрос, насколько этот институт является фактором демократизации?

¹⁸⁸ Понятие демократизации в политической науке. [Электронный ресурс] // Сайт Фонд знаний «Ломоносов» URL: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0126554:article> (дата обращения 21.03.16)

¹⁸⁹ В.Я. Гельман. Постсоветские политические трансформации: наброски к теории. // Общественные науки и современность. 2001. № 1. С. 58

¹⁹⁰ Там же.

191

Бродовская Е. В. Варфоломеев М. А. Специфика функционирования политических систем в моделях демократического транзита. // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. №2. С. 11-12

Гарантия соблюдения и защиты прав человека является одной из первостепенных функций демократического государства. Существуют три основные категории государственных учреждений по охране прав и свобод человека: комиссии по правам человека, специализированные национальные учреждения (например, по защите прав детей) и омбудсмены¹⁹². Институт омбудсмана первоначально возник в Швеции, в политической системе которой в XVI-XVII вв. «омбудсмены осуществляли контрольные функции королевской власти по отношению к провинциальным судебным чиновникам»¹⁹³. Начиная с XVII века, канцлер юстиции был подотчетен Рикстагу (Парламенту), закрепляя традиции прозрачности и открытости публичной власти. Важнейшим шагом в развитии Швеции как правового государства стало конституционное закрепление позиции парламентского омбудсмана.¹⁹⁴ Институт омбудсмана является важнейшим государственным правозащитным институтом в преимущественно демократических странах, созданным с целью более детального контроля и регулирования вмешательства государства в частную жизнь человека¹⁹⁵. Полномочия каждого омбудсмана зависят от условий, характерных для его страны, поэтому в разных государствах организация и инструменты деятельности аппарата омбудсмана различны и зависят от «национальных традиций, действующей системы органов контроля и надзора, распределением компетенции между ними»¹⁹⁶. Каждое государство имеет эндогенные принципы, определяющие его правовую систему, в которую включается классическая модель шведского омбудсмана, что обуславливает различные формы института. Альваро Хиль-Роблес, Комиссар Совета Европы по правам человека, считает, что институт омбудсмана способен «прижиться» в каждом государстве в силу его широкой компетенции¹⁹⁷. Н.Ю. Хаманева пишет, что из всех государственных учреждений, занимающихся защитой прав человека, омбудсман – наиболее демократичен¹⁹⁸. Это можно утверждать в силу того, что омбудсман выполняет роль медиатора между гражданами и властными структурами, используя при этом довольно

¹⁹² Мухитдинов Е.Н. Эволюция института омбудсмана. // Право и политика. 2009. №5 (113). С. 1010

¹⁹³ Сунгуров А.Ю. Институт омбудсмана: эволюция традиций и современная практика (опыт сравнительного анализа). - СПб.: Норма, 2005. – 384 с. С.39

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Бойцова В.В. Служба защиты прав человека и гражданина. Мировой опыт. - М.БЭК, 1996. – 408 С.

¹⁹⁶ С.И.Симановский. Институт омбудсмана и его роль в политической системе общества. Веснік БДУ. Сер. 3. 2013. № 1. С. 88

¹⁹⁷ Альваро Хиль-Роблес. Парламентский контроль за администрацией (институт омбудсмана). – М.: Московская школа политических исследований, 2004. С. 12

¹⁹⁸ Хаманева Н.Ю. Место и роль института омбудсмана в системе правового контроля. // Правоведение. 1992. № 2. С. 84

открытые способы коммуникации с обществом. Именно поэтому развитие института омбудсмана можно рассматривать как фактор демократизации, задающий общее направление для развития правозащитных институтов как в «старых демократиях»¹⁹⁹, так и в поставторитарных государствах. Во-первых, именно этот институт особенно связан с восстановлением принципа верховенства права в недемократических режимах. Во-вторых, деятельность омбудсманов неразрывно связана с процессом транзита инноваций в сфере защиты прав человека.

Процесс становления института омбудсмана в бывших государствах Советского Союза был довольно длительным и непростым. В условиях начавшейся демократизации, внедрения новых правовых институтов, для регулирования общественных отношений понадобились инновационные правозащитные механизмы, которые смогли бы контролировать всецелое соблюдение гражданских прав. Поэтому на территории Российской Федерации начал свою работу институт омбудсмана. Для нормативно-правовой базы его деятельности возникла необходимость принятия соответствующего нормативного акта²⁰⁰. В России институт омбудсмана получил название «Уполномоченный по правам человека». Так, согласно пункту 1 статьи 1, должность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации учреждается «в целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами»²⁰¹. В соответствии с пунктом 3 статьи 1, первостепенными функциями и обязанностями Уполномоченного является «восстановление нарушенных прав, совершенствование законодательства Российской Федерации о правах человека и гражданина и приведение его в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права, развитию международного сотрудничества в области прав человека, правовому просвещению по вопросам прав и свобод человека, форм и методов их защиты»²⁰². Правовой статус Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации не может быть определен совершенно точно, так как он не наделен широкими властными полномочиями, и, следовательно, не может быть отнесен к высшим органам власти. В тоже время Уполномоченный наделен весьма широким спектром обязанностей,

¹⁹⁹ Роберт Даль к старым демократиям относит государства, в которых «базовые демократические институты существуют примерно с 50-х гг.» прошлого века.

²⁰⁰ С.И.Симановский. Институт омбудсмана и его роль в политической системе общества. *Вестник БДУ*. Сер. 3. 2013. № 1. С. 90

²⁰¹ Федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации». 26 февраля 1997г., №1 – ФКЗ [Электронный ресурс]: Об Уполномоченном по правам человека в РФ // Сайт Конституционного суда Российской Федерации. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/LegalBases/RepRights/Pages/default.aspx> (дата обращения 27.03.16)

²⁰² Там же.

что приводит к его значительному влиянию на властные структуры. Таким образом, российский омбудсман представляет собой уникальный институт, объединяющий обширно поставленные цели и сравнительно малые возможности для их достижения²⁰³. Российский омбудсман оказывает огромное влияние на взаимодействие общества и власти. Например, одним из основных направлений деятельности Уполномоченного является формирование гражданского правосознания, повышение правовой культуры государства в целом²⁰⁴. Также за омбудсманом законодательно закреплено участие в законотворческом процессе в сфере защиты прав человека, более того, региональным Уполномоченным предоставлено право законодательной инициативы в своих регионах²⁰⁵.

Рассмотрим, как институт омбудсмана в России влияет на демократизацию общества, используя анализ докладов Уполномоченного по правам человека с 2013 по 2015 гг. Стоит отметить, что в докладе 2013 года слово «демократия» упоминается 14 раз, в докладе 2014 года – 8 раз и в докладе 2015 года – 4 раза. Такая разница в «риторике» докладов может быть объяснена как политической обстановкой и повесткой дня, так и высокой «персонифицированностью» института Уполномоченного по правам человека: так, доклад 2013 года на посту омбудсмана готовил Владимир Лукин, а доклады 2014-2015 гг. сменившая его Элла Памфилова.

Отчитываясь о деятельности Уполномоченного по правам человека в 2013 году, В. Лукин отмечает, что демократия в России находится в стадии развития. Практика работы омбудсмана в 2013 году показала проблемы, например, в законодательстве о местном самоуправлении. Так, в результате обращений к Уполномоченному было выяснено, во-первых, что процедуры публичных слушаний являются непродуманными, а регулирующий их закон – «размытым». В отсутствие четкого регулирования такой важный инструмент демократии, как публичное слушание, становится «профанацией». Во-вторых, В. Лукин заострил внимание на проблеме проведения выборов на муниципальном уровне – Уполномоченный выступает за систему прямых выборов в структуры местного самоуправления. Согласно доводам Уполномоченного, в 2011 г. применение пропорциональной избирательной системы на муниципальных выборах в сельских поселениях с малым числом депутатов было признано Конституционным Судом не соответствующим Конституции Российской Федерации. Также В. Лукин обращает

²⁰³ Мухитдинов Е.Н. Указ. Соч. С. 1015

²⁰⁴ Волков Н.А. Становление института Уполномоченных по правам человека в Российской Федерации и её субъектах: социально-философские аспекты. – Практический опыт и технологии деятельности Уполномоченных по правам человека в субъектах РФ. Под ред. Г.Л. Бардиер и А.Ю. Сунгурова. – СПб.: Норма, 2010. – 160с. С.11

²⁰⁵ Там же. С.13

внимание на «поспешную» отмену мажоритарных избирательных округов и подготовку их возврата. Непоследовательные изменения законодательства, особенно касающегося выборов, мешают развитию в стране демократии, считает Уполномоченный²⁰⁶. Выборы являются одним из ключевых механизмов функционирования демократии, и активность омбудсмана в подобных вопросах представляется крайне важной.

В докладе за 2014 год отмечена низкая политическая активность граждан России, «нигилизм», что не позволяет демократическим механизмам работать правильно. К острым проблемам отчетного года Э. Памфилова относит появление законов, ограничивающих свободу СМИ: «в Уголовный Кодекс возвращены и постоянно используются статьи о клевете, оскорблении представителя власти, расширено так называемое антиэкстремистское законодательство, расширена сфера компетенции Роскомнадзора, который стал обладать правом блокировать доступ к интернет-СМИ по признакам правонарушений, не дожидаясь судебного решения»²⁰⁷. В соответствии с этим, Уполномоченный в своем докладе предлагает «субъектам права законодательной инициативы рассмотреть возможность внесения проектов федеральных законов, направленных на изменения законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации в целях наделения журналистов, исполняющих обязанности в зонах повышенного риска, дополнительными гарантиями защиты их прав, а также дополнительным страхованием их жизни и здоровья при работе в экстремальных условиях»²⁰⁸.

Доклад 2015 года освещает действия Уполномоченного по урегулированию статуса нежелательных организаций. Э. Памфилова пишет, что деятельность таких организаций, как Национальный фонд в поддержку демократии (The National Endowment for Democracy), «Институт Открытое Общество Фонд Содействия» (OSI Assistance Foundation), Фонд «Открытое общество» (Open Society Foundation), Американо-российский фонд экономического и правового развития (U.S. Russia Foundation for

²⁰⁶ ДОКЛАД Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2013 год. Москва, 2014. [Электронный ресурс] // URL: <http://ombudsmanrf.org/upload/files/docs/appeals/doclad2013.pdf> (дата обращения 21.05.16)

²⁰⁷ ДОКЛАД Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2014 год. С. 24. [Электронный ресурс] // URL: <http://ombudsmanrf.org/www/upload/files/docs/appeals/doklad2014.pdf> (дата обращения 21.05.16)

²⁰⁸ ДОКЛАД Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2014 год. С. 109. [Электронный ресурс] // URL: <http://ombudsmanrf.org/www/upload/files/docs/appeals/doklad2014.pdf> (дата обращения 21.05.16)

Economic Advancement and the Rule of Law) «может быть признана нежелательной на территории России и подвергаться ограничениям»²⁰⁹. Поэтому Уполномоченным направлялось обращение Генеральному Прокурору Российской Федерации в связи с законодательным регулированием статуса нежелательных организаций²¹⁰. Давление, оказываемое российской властью на некоммерческие организации, деструктивно влияет на состояние развивающейся демократии, поэтому вмешательство омбудсмана как сугубо демократического института в ситуацию необходимо.

На сегодняшний день Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации является «важнейшим публично-правовым установлением, представляющим собой дополнительный институт правовой защиты граждан от неправомерных действий государства»²¹¹. Деятельность омбудсмана РФ - Уполномоченного по правам человека - обусловлена как нормативной базой (Федеральным конституционным законом), так и транзитом многолетнего европейского опыта существования этого института²¹².

Большинство авторов, изучающих процесс перехода от недемократических режимов к демократическим, соглашаются, что необходима определенная правовая и ценностная основа для успешного начала демократизации жизни общества. В первую очередь, такой основой является гарантия соблюдения правовых норм и обеспечение верховенства права со стороны формальных институтов. Т. Карозерс пишет, что некоторые государства не заинтересованы в переходе от автократического режима к демократии, поэтому внешние агенты, например международные сообщества, имеют целью простимулировать позитивные сдвиги в политической системе этих стран. Для этого необходимо несколько условий, которые сводятся к функционированию государственных институтов в соответствии с демократическими принципами²¹³. Одной

²⁰⁹ ДОКЛАД Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2015 год. С. 101. [Электронный ресурс] // URL: <http://ombudsmanrf.org/www/upload/files/docs/appeals/doclad2015web.pdf> (дата обращения 21.05.16)

²¹⁰ ДОКЛАД Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2015 год. [Электронный ресурс] // URL: <http://ombudsmanrf.org/www/upload/files/docs/appeals/doclad2015web.pdf> (дата обращения 21.05.16)

²¹¹ Маркелова Е.Г. Институт Уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации, экспертные советы и административная реформа: точки соприкосновения. – Экспертное обеспечение деятельности Уполномоченных по правам человека в субъектах РФ. Под ред. А.Ю. Сунгурова. - СПб.: Норма, 2006. – 184с. С.115

²¹² Осин В. Н. О результативности деятельности Уполномоченного. – Институт Уполномоченного по правам человека в России: опыт ветеранов и позиции экспертов. Под ред. А.Ю. Сунгурова. – СПб.: Норма, 2011. – 176с. С. 41

²¹³ Томас Карозерс. Ошибка теории «позапной демократизации». //Pro et Contra. 2007. Январь—февраль. С. 86

из существенных особенностей института омбудсмана является то, что он помогает созданию этих условий, функционируя как один элемент в системе сдержек и противовесов. По мнению Мартена Юстинга, омбудсман не может вести свою деятельность на должном уровне в пределах любой системы кроме демократии, в которой соблюдается принцип верховенства права. И в случае, если страна только встала на путь демократизации, омбудсман может играть существенную роль в этом развитии - может помочь развить и продвинуть концепцию rule of law и поспособствовать верховенству формальных институтов над неформальными путем увеличения их эффективности²¹⁴.

В случае России создание института омбудсмана для достижения этой цели является примером импорта института. А.Ю. Сунгуров задается вопросом, какова роль омбудсмана в России, насколько он соответствует своей первоначальной задаче правозащитного института, не принял ли он форму «бюро жалоб»²¹⁵? Он описывает четыре варианта, возможных при импорте правовых институтов: «копирование, адаптация, имитация и отторжение», при этом отмечает, что в случае института омбудсмана в России можно пронаблюдать все последствия, кроме копирования (которое характерно для стран Балтии и Молдавии)²¹⁶. В России институт приобрел черты, соответствующие политической системе страны, например широкую сферу работы омбудсмана в комплексе с недостаточными полномочиями, что существенно ограничивает эффективность работы института.

В заключение отметим, что институт Уполномоченного по правам человека в РФ способствует развитию гражданского правосознания, распространению демократических ценностей и укреплению международных принципов защиты прав и свобод человека в России. Также к положительным аспектам деятельности Уполномоченного можно отнести активное взаимодействие с региональными российскими омбудсманами, что обеспечивает качественную обратную связь и делает институт еще более эффективным. Однако стоит отметить, что при отсутствии нормально работающей системы сдержек и противовесов и принципа rule of law институт омбудсмана не может функционировать в полную силу. В таких условиях рекомендации Уполномоченного могут не сколько выполняются, сколько принимаются к сведению представителями власти. Таким образом, развитие института омбудсмана в России тесно связано с постепенным внедрением в обществе

²¹⁴ Marten Oosting. Protecting the Integrity and Independence of the Ombudsman Institution: the Global Perspective. [Электронный ресурс] // URL http://old.mevaker.gov.il/serve/site/docs/Protecting_the_Integrity.pdf (дата обращения 21.03.16)

²¹⁵ А.Ю.Сунгуров. Институализация прав человека в России: взгляд из 2010 года. Экономика и институты / Под ред. А.П.Заостровцева. – СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2010, с. 61-75

²¹⁶ Там же.

демократических принципов, таких как гражданское участие, свободные и справедливые выборы, подотчетность администрации.

Андрей Коломацкий, СПб

Анализ политической культуры России и Украины через призму постматериалистических ценностей

Распад Советского Союза в 1991 году, который ознаменовал начало третьей волны демократизации, повлек за собой появление множества суверенных государств. Ряд новых стран, такие как Латвия, Эстония, Литва, избрали путь европейской интеграции, в то время как правительства большинства постсоветских республик, среди которых Россия, Казахстан, Украина, Беларусь и др., принимая во внимание неготовность режима к кардинальным изменениям, а также подданническую политическую культуру советских граждан, в той или иной степени удалось сохранить централизованную власть. С течением времени граждане двух наиболее развитых государств в рамках СНГ – России и Украины – начали путь к переосмыслению демократических ценностей. Прежде всего, это стало возможным благодаря снятию «железного занавеса», в результате чего граждане получили возможность путешествовать по всему миру, а также благодаря широкому распространению социальных сетей, которые, как известно, оказывают большое влияние на общественное мнение, особенно если речь идет о молодом поколении. Самой популярной социальной сетью в России и Украине является сеть ВКонтакте, которая представляет из себя открытую и свободную платформу для общения и обмена информацией. Социальная сеть ВКонтакте сыграла важную мобилизационную роль во времена двух украинских революций – 2004 и 2014 гг., а также про-демократических движениях в России с 2011 по 2013 гг. В то же время, несмотря на эти обстоятельства, в соответствии с Индексом Демократии, который измеряет состояние демократии в мире, Украина является гибридным режимом. То есть выборы проводятся нерегулярно и нередко сопровождаются многочисленными нарушениями; распространено давление на оппозицию; широко распространена коррупция, а также характерно слабое верховенство права; слабое гражданское общество; нередки притеснения журналистов и отсутствие независимости судебной власти²¹⁷. Однако ситуация в России еще хуже. Так, в

²¹⁷ Democracy Index 2014. Democracy and its discontents // The Economist Intelligence Unit. – p. 38. Retrieved November 22, 2015 from <http://www.sudestada.com.uy/Content/Articles/421a313a-d58f-462e-9b24-2504a37f6b56/Democracy-index-2014.pdf>

соответствии с индексом, Россия обладает авторитарным режимом, где отсутствует политический плюрализм, если выборы и проводятся, то, скорее всего, они несвободные и несправедливые, часто происходит злоупотребление гражданскими свободами, не соблюдается принцип независимости СМИ, имеет место цензура и отсутствие независимой судебной власти²¹⁸. Кроме этого, в соответствии с рейтингом мировой демократии, качество демократии в Украине характеризуется как «среднее», в то время как в России – «низкое»²¹⁹. Тем не менее эти рейтинги не измеряют общественное мнение в отношении действующих властей и принимаемых ими решений. В связи с этим остается открытым вопрос, поддерживают ли все-таки граждане России и Украины демократические принципы и идеи. В этой работе я постараюсь ответить на этот вопрос, используя данные World Value Survey.

Термин «политическая культура» получил широкое распространение благодаря фундаментальной работе Г. Алмонда и С. Вербы «Гражданская культура». Они рассматривали политическую культуру через ориентации граждан по отношению к политической системе и ее различным частям, а также по отношению к роли личности в этой системе²²⁰. Они выделяют три типа политических культур: парохильную, подданническую и участническую. Для парохильной политической культуры характерно отсутствие каких бы то ни было ожиданий от политической системы наряду с безучастным отношением индивида к этой системе. В таких обществах индивиды могут даже не знать о существовании политической системы. В то же время в обществах с подданнической политической культурой, напротив, люди знают о существовании политической системы, они на ее ориентируются, но все же остаются безучастными в ответ на действия правительства. Наконец, для участнической политической культуры характерна ориентация на политику властей и ответная реакция на их действия.

Однако следует отметить, что данные типы являются некими идеальными моделями. Они не могут существовать в чистом виде, как, например, и демократия в определении Р. Даля. Такие идеальные модели помогают нам выяснить, насколько та или иная система ближе к шаблону, что дает нам возможность сравнить эти системы. Таким образом, политическая культура в отдельно взятом государстве представляет собой

²¹⁸ Ibid. p. 38.

²¹⁹ Campbell D., Pöhlbauer P., Barth T., Pöhlbauer G. Democracy Ranking 2014 (Scores). Vienna: Democracy Ranking. – 29/12/2014. Retrieved November 22, 2015 from http://democracyranking.org/wordpress/ranking/2014/data/Scores_of_the_Democracy_Ranking_2014_a4.pdf

²²⁰ Almond G., Verba S. The civic culture: Political attitudes and democracy in five nations. – Sage, 1989. – p. 13

смешение всех представленных типов политических культур, однако степень смешения каждого типа будет варьироваться от случая к случаю.

В книге «Гражданская культура» авторы анализируют результаты опросов, проведенных в пяти странах: США, Великобритании, Германии, Италии и Мексики, чтобы определить доминантный тип политической культуры в каждом случае. Вопросы направлены на выяснение роли государства в жизни респондента, его осведомленность о политической жизни страны, а также степени его участия в политическом процессе. Они утверждают, что участническая политическая культура, где граждане активно участвуют в политической жизни страны, характерна для развитых демократических обществ, в то время как подданническая культура является уделом недемократических государств.

Бесспорно, «Гражданская культура» Алмонда и Вербы внесла огромный научный вклад в политическую науку. Тем не менее, в результате модернизации общество и ценности в современном мире изменились и поэтому Р. Инглхарт предложил новый способ измерения современных развитых обществ через призму пост-материалистических ценностей. Инглхарт разработал концепцию Тихой Революции, суть которой заключается в том, что количество материалистов в западных демократиях снижается, в то время как происходит увеличение числа пост-материалистов в результате бурного экономического роста и отсутствия больших вооруженных конфликтов. Инглхарт убежден, что люди в этих государствах начинают больше заботиться о таких ценностях, как качество жизни, гражданская свобода, экология, самореализация и т. д. Мое исследование будет основано на этой теории. Я предполагаю, что ни Россия, ни Украина еще не претерпели такой трансформации, в отличие их от западных соседей.

Инглхарт утверждает, что материалистические/нематериалистические ценности являются сильным предсказателем демократии. В доказательство этого утверждения, он построил корреляционную модель. На основании первых четырех позиций (см. Таблицу 1), он создал индекс Демократии/Автократии, в соответствии с которым государство, обладающее наибольшей поддержкой демократических принципов и наибольшим отвращением к авторитарному правлению, будет иметь тенденцию к установлению стабильной демократии. Данный индекс коррелирует с общественным показателем на .01 уровне значимости. В то же время мы можем наблюдать .750 корреляцию между общественным показателем и индексом Материалистических/Пост-материалистических ценностей, что является наиболее сильной связью между ценностями и демократической

поддержкой²²¹. Таким образом, мы можем использовать пост-материалистические ценности в качестве предсказателя демократической политической культуры.

Таблица 1. Насколько хорошо массовые настроения предсказывают реальный уровень демократии?²²²

	Корреляция с	
	Общественным показателем 1995	Кумулятивным общественным показателем 1981-2000
А. Демократическая система является хорошим методом управления государством	.072	.224
В. Демократия имеет недостатки, однако она является лучше формой правления, по сравнению с остальными	.204	.315**
С. Для страны будет лучше, если принимать государственные решения будет не правительство, а компетентные специалисты	-.201	-.322**
Д. Наличие сильного лидера, не зависящего от мнения парламента или выборов	-.313**	-.360**
Индекс Демократии/Автократии (А+В)-(С+Д)	.351**	.506**
Индекс Материалистических/Пост-материалистических ценностей	.570**	.750**

*significant at .05 level

**significant at .01 level

После распада СССР, подавляющее большинство бывших советских граждан были материалистами. Всего 0,1% российских респондентов, принимавших участие в Опросе 1993 года, обладали пост-материалистическими ценностями²²³. Дело в том, что трансформация политической системы сопровождалась страхом и непредсказуемостью. На место веры в единое коммунистическое общество пришла абсолютная

²²¹ Inglehart R. How solid is mass support for democracy—and how can we measure it? //Political Science and Politics. – 2003. – Т. 36. – №. 01. – p.54.

²²² Ibid. p. 54.

²²³ Andreenkova A. Materialisticheskiye/postmaterialisticheskiye tsennosti v Rossii [Materialistic and post-materialistic values in Russia] // Sotsiologicheskiye issledovaniya. – 1994. – №. 11. – p. 74.

неопределенность относительно будущего. Именно поэтому коммунистические ценности, ценности прошлого, оказались тогда более ценными. Однако с того момента прошло уже более 20 лет, уже ушел страх и появились новые поколения граждан, не знавшие коммунистической жизни. Соответственно, вопрос состоит в том, сместились ли сейчас ценности украинцев и россиян в сторону пост-материализма, что было бы сигналом о появлении демократической политической культуры.

Для начала необходимо убедиться в том, что в обоих случаях мы соблюдаем предварительные условия, необходимые для осуществления ценностного сдвига. К таким условиям относятся отсутствие больших военных конфликтов и экономический рост. Так, в XXI веке Украина не принимала участие в вооруженных конфликтах, в то время как Россия участвовала в русско-грузинском конфликте 2008 года, который, однако, был довольно локальным и вряд ли существенно повлиял на жизнь граждан.

Второе условие также выполняется в обоих случаях. Представленные графики (рисунки 1 и 2) демонстрируют значительный рост ВВП в период между 2000 и 2014 гг. в обоих странах. За это время ВВП России увеличилось в десять раз, а ВВП Украины – в шесть раз. Таким образом, экономический рост наблюдается в обоих случаях. Соответственно, согласно Инглхарту, Россия и Украина соответствуют предварительным условиям для перехода к пост-материализму.

Рисунок 1. Изменения ВВП России (2000-2014)²²⁴

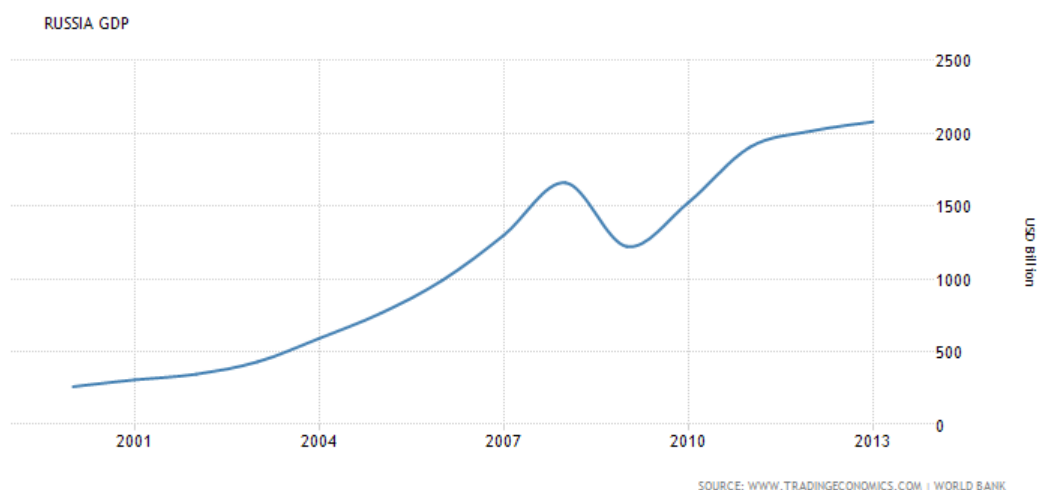
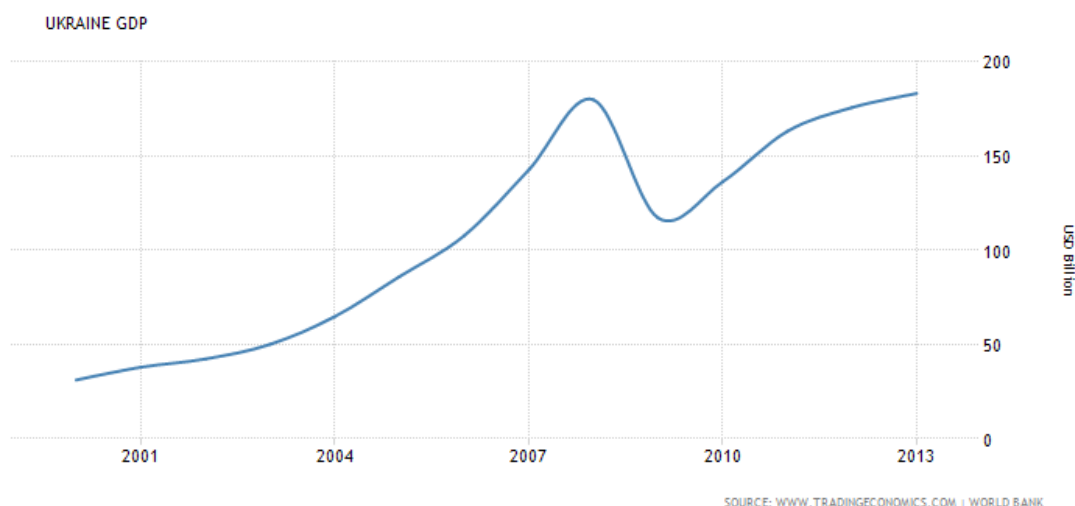

Рисунок 2. Изменение ВВП Украины (2000-2014)²²⁵

²²⁴ Trading Economics. Russia GDP. Retrieved November 22, 2015 from <http://www.tradingeconomics.com/russia/gdp>

²²⁵ Trading Economics. Ukraine GDP. Retrieved November 22, 2015 from <http://www.tradingeconomics.com/ukraine/gdp>

Теперь обратимся к данным World Values Survey 2010-2014 относительно материалистических и пост-материалистических ценностей в России и Украине. Как мы можем увидеть из таблицы (таблица 2), для обоих случаев характерно преобладание материалистических ценностей: 74.8% респондентов в России и 74.6% – в Украине.

Таблица 2. Распределение материалистических-пост-материалистических ценностей в России и Украине в 2011 году²²⁶

Страна	Материалист	1	2	3	4	Пост-материалист	Без ответа
Россия	16.3	27.9	30.6	13.8	3.5	0.3	7.6
Украина	13.5	28.7	32.4	22.2	2.4	0.9	-

Такая же ситуация видна и при рассмотрении Пост-материалистического индекса Инглхарта. Данный индекс определяет материалистические ценности через важность поддержания порядка в стране и рост цен, в то время как пост-материалистические ценности определяются через роль граждан в процессе принятия политических решений и свободы слова. Соответственно, «чистые» материалисты в этой модели – это те, кто ориентирован на материалистические ценности: экономическое благополучие, безопасность, процветание семьи и т.д. В свою очередь «чистые» пост-материалисты ориентированы на нематериалистические ценности: качество жизни, ценности свободы

²²⁶ WORLD VALUES SURVEY Wave 6 2010-2014 OFFICIAL AGGREGATE v.20150418. World Values Survey Association (www.worldvaluessurvey.org). Aggregate File Producer: Asep/JDS, Madrid SPAIN. – p. 777.

выражения, заботы об окружающей среде и т. д. «Смешанные» материалисты находятся в переходном состоянии, либо они не определились.

В таблице 3 мы видим, что 52.7% респондентов являются «чистыми» материалистами в России и 46.2% в Украине, в то время как всего 2.1% и 3.7% респондентов являются «чистыми» пост-материалистами соответственно.

Таблица 3. Распределение Пост-материалистического индекса Инглхarta в России и Украине в 2011 году²²⁷

Страна	Материалист	Смешанный тип	Пост-материалист	Без ответа
Россия	52.7	41.8	2.1	3.4
Украина	46.2	50.1	3.7	-

Таким образом, данные подтверждают заявление Инглхarta, что после драматического шага в сторону демократии в 1991 году, граждане бывшего Советского Союза не стали более толерантными, счастливыми или пост-материалистичными: многие из них, наоборот, пошли в обратном направлении²²⁸.

Таким образом, мы показали, что Россия и Украина скорее являются материалистическими странами, потому что они тяготеют к материалистическим ценностям. Соответственно, вряд ли мы можем здесь говорить о демократической политической культуре. Тем не менее, было бы интересно посмотреть на динамику изменения ценностей в обоих рассматриваемых случаях, например, используя уже нам известный Пост-материалистический индекс Инглхarta. В таблице 4 мы видим, что процент материалистов как в России, так и в Украине немного снижается каждый отчетный период. Это подтверждает тезис о том, что каждое новое поколение является все более и более пост-материалистичным.

Таблица 4. Распределение Пост-материалистического индекса Инглхarta в России и Украине в 1995 (1996)²²⁹, 2006²³⁰ и 2011 гг.²³¹

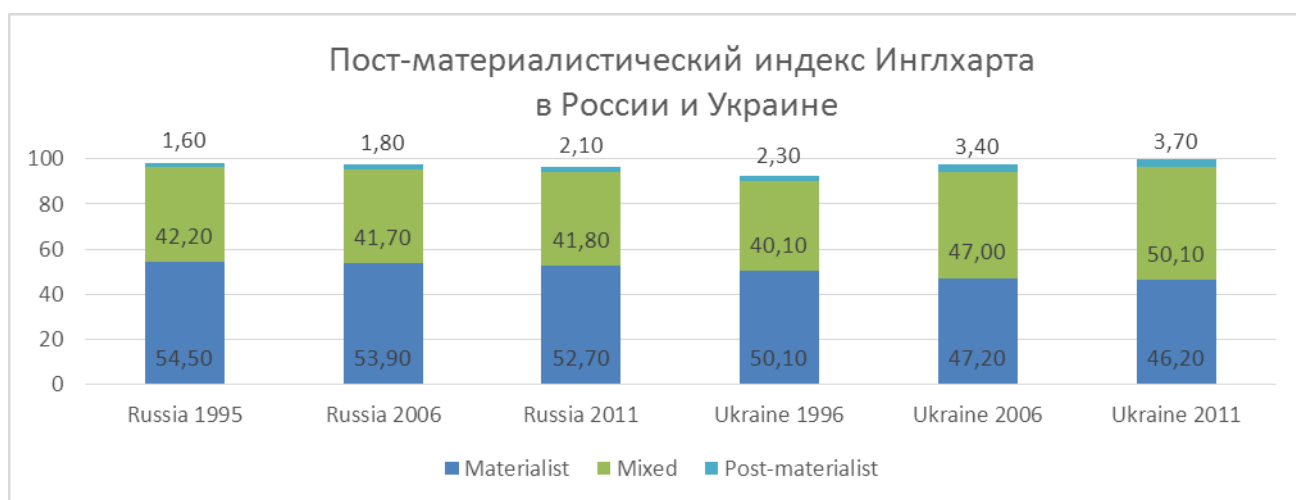
²²⁷ WORLD VALUES SURVEY Wave 6 2010-2014 OFFICIAL AGGREGATE v.20150418. World Values Survey Association (www.worldvaluessurvey.org). Aggregate File Producer: Asep/JDS, Madrid SPAIN. – p. 780.

²²⁸ Inglehart R. How solid is mass support for democracy—and how can we measure it? //Political Science and Politics. – 2003. – Т. 36. – №. 01. – p.56.

²²⁹ WORLD VALUES SURVEY Wave 3 1995-1998 OFFICIAL AGGREGATE v.20140921. World Values Survey Association (www.worldvaluessurvey.org). Aggregate File Producer: Asep/JDS, Madrid SPAIN. – p. 476.

Страна	Материалист	Смешанный тип	Пост-материалист	Без ответа
Россия 1995	54.5	42.2	1.6	1.8
Россия 2006	53.9	41.7	1.8	2.6
Россия 2011	52.7	41.8	2.1	3.4
Украина 1996	50.1	40.1	2.3	7.5
Украина 2006	47.2	47.0	3.4	2.4
Украина 2011	46.2	50.1	3.7	-

График 1. Распределение Пост-материалистического индекса Инглхarta в России и Украине (1995-2011)

Таким образом, подданническая политическая культура является у россиян доминирующей. Возможно, это связано с рядом внутренних конфликтов и столкновений, таких как демократия/авторитаризм, социализм/капитализм, либерализм/этатизм и др. При этом отличительной особенностью российской политической культуры мне видится отсутствие устойчивых традиций гражданского участия в политической жизни, политическая инфантильность большинства населения и слаборазвитое гражданское общество.

В то же время, украинская подданническая культура также обладает своими особенностями: предвзятость суждений, низкая компетентность властей, правовой нигилизм, а также слаборазвитое гражданское общество и нехватка духа индивидуализма.

²³⁰ WORLD VALUES SURVEY Wave 5 2005-2008 OFFICIAL AGGREGATE v.20140429. World Values Survey Association (www.worldvaluessurvey.org). Aggregate File Producer: Asep/JDS, Madrid SPAIN. – p. 694.

²³¹ WORLD VALUES SURVEY Wave 6 2010-2014 OFFICIAL AGGREGATE v.20150418. World Values Survey Association (www.worldvaluessurvey.org). Aggregate File Producer: Asep/JDS, Madrid SPAIN. – p. 780.

Таким образом, мы рассмотрели распределение пост-материалистических и пост-материалистических ценностей в России и Украине. Как и предполагалось, ни Россия, ни Украина не обладают демократической политической культурой. Однако с течением времени российское и украинское общество становится все более и более пост-материалистичным, и, как следствие, более демократичным. Впоследствии представляется возможным обратить внимание на связь пост-материализма и зависимости государства от энергоресурсов, однако это тема для отдельного исследования.

Егор Лисица, СПб

Сравнение политических машин в моногородах и городах-миллионниках.

С. Хантингтон выделяет в мировой истории три волны демократизации, каждая из которых затем сменялась «откатом»²³², обратным увеличением количества автократий и тоталитарных режимов. Тем не менее, за последние два века число демократий увеличилось значительно, большая часть государств в мире являются демократическими, нежели автократиями. Несмотря на значительные успехи демократии, переход и установление демократического политического режима - задача крайне сложная. Транзиты, состояния перехода от автократии к демократии могут сопровождаться крайне противоречивыми и сложными социально-экономическими изменениями в структуре общества. Политические машины, о деятельности и структуре которых я буду писать в своей работе, являются одним из «побочных продуктов» транзита от автократии к демократии.

В рамках своей работы я постараюсь проанализировать феномен политических машин, его место в современной российской политике. До сих пор в политической науке не было предпринято попыток каким-либо образом различать типы политических машин.

232Samuel P. Huntington The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century [Электронный ресурс]: сайт «<https://books.google.ru>»

URL:https://books.google.ru/books?hl=en&lr=&id=6REC58gdt2sC&oi=fnd&pg=PR11&dq=huntington+reverse+wave&ots=S31OMqAuIV&sig=UIdj80p1KBtQ3-OHsFUPW0Ij1SE&redir_esc=y#v=onepage&q=reverse&f=false(дата обращения 09.12. 2015) Р. 15-16

Очевидно, что машины формирующиеся в городах с резко отличающимися социально-экономическими условиями могут иметь совершенно разную структуру, а соответственно, и эффективность. В своей работе я проанализирую политические машины сформировавшиеся в моногородах и городах-миллионниках России.

Что известно политической науке о политических машинах? Одним из первых исследователей, осветивших тему политических машин был Д. Скотт, описавший политические машины в своей работе «Коррупция, политические машины и политические изменения», вышедшей в 1969 году. Скотт в своей работе точно описал «организационный цемент²³³», позволяющий политической машине эффективно работать. Спустя 6 лет, в 1975 году С. Стоукс развила изучение политических машин на примере Аргентины. Работу С.Стоукс стоит оценить, как более детальную, авторы работы «проанализировала стратегическое взаимодействие между политическими машинами и избирателями²³⁴», а конкретнее- «каким образом машина удерживает избирателей от невыполнения неявной сделки, распределяя при этом ценности²³⁵»

Перейдем к определению самого понятия, объекта моего исследования «Чем являются и чем не являются политические машины²³⁶». Впервые, термином «политическая машина» были описаны политические режимы, сложившиеся в крупных городах США. Скотт выделяет три наиболее важных условия для возникновения политической машины «избрание политических лидеров посредством выборов, массовое избирательное право (для совершеннолетних)²³⁷» помимо этого для появления политической машины необходима «относительно высокая степень конкуренции на выборах в течение какого-то времени – обычно между партиями, но иногда и внутри доминирующей партии²³⁸».

233 Scott J. C. Corruption, machine politics, and political change //American political science review. 1969. Т. 63. №. 04. P. 1143

234 Stokes S. C. «Perverse Accountability: A Formal Model of Machine Politics with Evidence from Argentina» American Political Science Review Vol. 99, No. 3 August 2005 P.315

235 Ibid P.315

236 Golosov G. V. Machine politics: the concept and its implications for post-Soviet studies //Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization. 2013. Т. 21. №. 4. P. 460

²³⁷Scott J. C. Corruption, machine politics, and political change //American political science review. 1969. Т. 63. №. 04. P. 1143

²³⁸Ibid P.1143

Из вышеприведенного становится ясно, что политическая машина имеет много общего с политической партией, в чем же ее специфика? В первую очередь это основание, то на чем держится, и одновременно чем пользуется политическая машина как основными инструментами. Речь идет о «патронаже, протекции и коррупции, которые являются атрибутами политических машин²³⁹». Политическая машина стремится к установлению полного контроля над властью, впрочем, это характерно для всех партий, серьезное различие коренится в методах. «Принципиальное отличие в специфическом пути установления связей между избираемым политиком(политиками) и избирателями²⁴⁰». Одним из важнейших элементов политической машины является Босс, или же- патрон, как отмечает Г. Хейл «Политические машины обычно руководятся патроном (примером может быть Юрий Лужков в России)²⁴¹». Наибольшую популярность в России «боссы» имели в 90-е годы.

Политическая машина применяет распределение, как основную стратегию, распределение ведется между различными группами населения, для необходимой мобилизации и получения желанных для политической машины голосов «за». Предмет распределения- партикуляристские вознаграждения, примеры подобных вознаграждений довольно часты во время выборов проводимых в гибридных режимах или автократиях, однако, подобная практика существует и в традиционно демократических странах, С. Ничтер приводит пример из США «Во время выборов 2004 года пять агитаторов Демократической Партии в Восточном Сент-Луисе были осуждены федеральным судом за то, что раздавали сигареты, пиво, лекарства избирателям²⁴²».

КПСС была крупнейшей партией и единственной политической организацией на территории СССР, и разумеется обладала огромными патронажными сетями. На региональном уровне эти сети «завязывались» на одного человека, помимо контроля над всей сетью партийных организаций в регионе, первые секретари также были крепко связаны с главами крупных предприятий, все это способствовало их деятельности в качестве своеобразных брокеров которые страховали и помогали организовывать

239Ibid P.1144

240Goloso V. G. Machine politics: the concept and its implications for post-Soviet studies //Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization. 2013. T. 21. №. 4. P. 461

241Hale H. E. Eurasian politics as hybrid regimes: the case of Putin's Russia //Journal of Eurasian studies. 2010. T. 1. №. 1. P. 34

242Nichter S. Vote buying or turnout buying? Machine politics and the secret ballot //American political science review. 2008. T. 102. №. 01. P. 19

«неформальные, внеплановые обмены различными благами внутри своих регионов²⁴³». Персональными сетями знакомств, способными мобилизовать электорат обладали не только бывшие председатели районных или областных комитетов партий, чиновники КПСС. Как известно, СССР был многонациональной страной, но помимо разделения на различные Союзные Республики (Российская, Балтийские республики, Казахстан, и проч.) внутри РСФСР (в будущем-РФ) также были созданы национальные субъекты, к таким Г. Хейл относит «Автономные республики (ныне- Республики) автономные округа и области²⁴⁴», именно эти образования «стали родиной для каждой из национальностей²⁴⁵». Представители данных субъектов обладали высокой склонностью к созданию сетей, своеобразных общин, в будущем подобные сети могли стать эффективным подспорьем для создания политических машин.

СССР был огромной индустриальной державой, фабрики, заводы, огромные территории занятые производством индустриальной продукции были обыденностью для миллионов жителей Союза. Высокая занятость людей на производствах создавала возможности для расширения сетей, Хейл отмечает, что несмотря на совершенную исключительность советской экономики, ее значительное отличие от западной, различные предприятия, заводы, фабрики «взяли на себя роль проводника социальных благ²⁴⁶». Значимость предприятия в поддержании социальной стабильности прямо зависело от того, какая доля населения города трудилась на данном объекте, отсюда следует, что наиболее значимыми становились предприятия в моногородах, которые «практически полностью определяли экономические отношения на конкретной территории²⁴⁷».

Сельхозы и совхозы были еще одним столпом советской экономики, именно в них были сконцентрированы все трудовые ресурсы деревни, общий труд, а также известная еще с царских времен склонность крестьян к коллективизму превращали сельское население в масштабную патронажную сеть.

Советское наследие предоставило много возможностей для появления политических машин, губернаторы в свою очередь реализовали установление

243 Hale H. E. Why not parties in Russia?: Democracy, federalism, and the state. Cambridge University Press, 2005. P.155

244Ibid P.152

245Ibid P.152

246Ibid P. 154

247Ibid P. 154

региональных машин. Однако почему губернаторы сделали выбор в пользу формирования машин, а не инвестировали в создание региональных партий или блоков? Объяснить это можно более низким издержкам- для создания серьезной партийной структуры, которую было бы необходимо поддерживать губернаторам потребовались бы серьезные ресурсы, кроме того- необходимо было вкладываться и в создания имиджа новой партии, повышения ее репутации в глазах избирателя. Куда проще было взять и попросту перекупить уже сложившуюся партийную структуру, такими обладала КПРФ, унаследовавшая партийные активы КПСС. Подобная практика подрывала национальную партийную систему в целом. На мой взгляд опасность заключалась не столько в циничности использования подобных технологий, ни в региональном монополизме политических машин или их коррупционности, сколько в отсутствии институализации таких практик с формальной точки зрения. Никаким законодательством нельзя было предписать возможность оформления политических машин, они становились своеобразным квази-институтом при партиях, добавление к общему политическому дизайну страны.

Рассмотрев политические машины в контексте современной российской политики, проследив их эволюцию теперь же необходимо перейти к последней части работы. Область моего исследования состоит в потенциальных различиях политических машин в моногородах и городах с населением от миллиона человека. Политические машины довольно непрозрачный объект исследования, поэтому судить о их внутреннем устройстве довольно сложно, гораздо проще судить о их эффективности. Однако, как выявить и оценить эффективность политической машины? Разумеется, здесь необходимо рассматривать конкретный период времени.

В период 1990-х годов и начала 2000-х эффективность политической машины стоило оценивать в первую очередь по количеству голосов поданных за «босса», или же кандидата, выгодного политической машине в конкретном регионе, также под данный критерий могла бы подпадать и партия, или же блок, в рядах которого появлялся босс. Однако с отменой губернаторских выборов и эволюцией политического режима изменились и политические машины. Ключевым моментом здесь стоит считать именно отмену губернаторских выборов, ибо вектор задач машины изменился коренным образом- одна из основных составляющих структуры машины «Босс» стала легко заменима посредством воли федерального центра. Задача же высокой явки и процента голосов за губернатора отпала вовсе, ввиду отсутствия выборов как таковых. Центральной же задачей для политических машин стали высокие показатели партии власти- «Единой России» в

собственном регионе, в первую очередь это касалось федеральных выборов, и уже затем- региональных и местных. Разумеется от региональных машин требовались и высокие показатели на президентских выборах, особенно актуальным стало это при выборах 2008 года, поскольку к президентскому посту шла новая фигура Кремля.

Таким образом два показателя мы можем определить, как важные для эффективности региональных машин- процент голосов поданных за кандидата от Кремля на президентских выборах и процент за политическую партию «Единая Россия». Именно эти данные и были собраны мной по конкретным городам-миллионерам и моногородам. Что может влиять на эффективность машин как в города-миллионеры так и в моногородах? Моя гипотеза заключается в том, что сменяемость «Босса» (президента республики, мэра, губернатора, в целом-глав субъектов РФ.) может влиять на эффективность политической машины. Стоит предположить, что в условиях моногорода «трансплантабельность²⁴⁸» машины будет выше, поскольку групп интересов, акторов, способных повлиять на политический процесс значительно меньше, чем в города-миллионеры. Я собрал данные о сменяемости в обоих типах городов с момента образования РФ. В первую очередь результаты полученные в городах-миллионеры.

Таблица 1

Таблица-2

По полученным данным можно выделить наиболее эффективные политические машины. К таким мы можем отнести в первую очередь национальные республики -Уфа, Казань, они являются наиболее характерным примером, минимальное значение «сменяемости» и также самые высокие результаты.

Затем мы можем выделить Москву, Самару, здесь сменяемость власти чуть выше, что впрочем повлияло на снижение результатов, однако в целом несмотря на «протестное» голосование оба города показывают довольно высокие результаты среди всех миллионеров. По результатам мы можем увидеть, что Челябинск, несмотря на довольно высокое число сменивших друг друга губернаторов продемонстрировал довольно схожие с Москвой и Самарой результаты- объяснить это можно тем, что

248Golosov G. V. The territorial genealogies of Russia's political parties and the transferability of political machines //Post-Soviet Affairs. – 2014. – Т. 30. – №. 6. – P. 469

последний губернаторов в Челябинске был избран в 2014 году, именно поэтому этот случай нуждается в объяснении.

Единственным же примером которой вряд ли получится объяснить в рамках данной работы- Омск. С 1991 по 2012 губернатор Полежаев являлся губернатором Омска, 11 лет вполне достаточно чтобы построить эффективно работающую политическую машину. Тем не менее несмотря на долгий срок пребывания у власти результаты 2007 и 2011 отличаются в два раза, что говорит о серьезном провале в работе политической машины. Попытаться объяснить это можно посмотрев на сменяемость власти на более низком уровне, нередко бывают конфликты между губернатором области и мэром самого населенного города. Таким образом в Омске, как центральном городе сменилось всего 5 мэров, что в принципе косвенно может говорить о конфликтах между губернатором и мэром. Разумеется, что это влияло и на устойчивость и эффективность политической машины, поскольку ей свойственна «кооптация новых лидеров²⁴⁹», поскольку таким образом «машина отвечает на новые запросы и в то же время заботится о собственном будущем»²⁵⁰.

Оценив политические машины вышеперечисленных городов можно сделать следующие выводы- машины в Уфе и Казани отличаются наиболее высокой эффективностью, помимо этого трансплантабельны-переход от одного «Босса» к другому не влияет на ее эффективность в целом, однако данный вид машин стоит считать скорее исключением, ввиду ее национального состава. Политические машины в Москве и Ростове, Самаре а также Челябинске также можно считать эффективными, даже несмотря на смену власти губернаторов. Все машины также могут быть признаны трансплантабельными, однако по сравнению с «национальными» политическими машинами смена босса разумеется более разительно влияет на эффективности машин, тем не менее данные примеры определенно эффективнее оставшихся городов-миллионеров.

Далее необходимо рассмотреть ситуацию у моногородов, выбранных мной и выявить, верна ли гипотеза о том, что сменяемость руководителя исполнительной власти влияет на эффективность политической машины. Применительно к моногородам мы будем говорить в первую очередь о мэрах и главах поселений- в зависимости от величины рассматриваемого субъекта.

249 Scott J. C. Corruption, machine politics, and political change //American political science review. 1969. Т. 63. №. 04. P. 1154

250IbidP.1154

Таблица 2.

ск ые Челны рск Тагил	Пикалево	5	4.37	3 8.98	6 2.41	6 3.6	7
	Череповец	4	0.92	3 7.62	5 9.99	5 2.27	7
	Находка	2	3.92	3 9.27	5 5.44	5 6.13	6
	Урай	3	5.18	3 4.48	6 6.71	6 4.99	6
	Тольятти	5	6.12	2 3.9	5 9.19	4 9.42	5
	Северск	2	3.55	3 2.92	5 4.63	5 8.44	5
	Прокопьев	2	5.44	7 4.63	8 4.59	8 0.32	7
	Набережн	4	6.34	6 4.06	7 5.8	6 7.48	6
	Асбест	2	6.02	3 8.81	6 2.51	6 8.23	6
	Буденовск	4	6.7	4 4.34	6 2.02	6 2.58	6
	Гуково	2	0.89	3 5.16	5 8.24	6 0.01	7
	Кондопога	4	3.18	3 5.43	5 7.16	5 5.31	6
	Магнитого	5	9.83	5 5.47	6 2.23	6 7.81	6
	Нижний	3	1.52	3 5.22	6 1.28	6 6.54	6
	Норильск	4	7.59	4 8.8	6 7.09	6 0.35	7
	Северодви	3		2	5	4	6

нск		6.85	2.76	8.04	1.03	
	Стерлитамак		7	7	7	9
ак	4	3.58	2.3	8.09	0.28	

Судя по процентам из таблицы мы можем выявить наиболее успешные машины-Стрелитамак и Набережные челны. Однако несмотря на эффективность здесь мы можем заметить и довольно частую сменяемость глав моногородов, данный факт опровергает нашу гипотезу. Объяснить данный факт можно тем, что машины в моногородах, находящихся в национальных республиках замыкаются в первую очередь на главу субъекта Федерации- президента, а не на местного мэра.

Помимо моногородов находящихся в национальных республиках высокие проценты голосов мы можем обнаружить только в двух оставшихся городах-Магнитогорске и Прокопьевске. Попробуем объяснить данный факт. Магнитогорск является вторым городом в Челябинской области, что разумеется, делает его крайне важным. В предыдущем пункте я писал о Челябинской политической машине, которая была определена мной как вполне эффективная, можно предположить, что руководство Магнитогорска также встроено в структуру Челябинской машины, что само собой отражается и на ее эффективности.

Прокопьевск же входит в состав Кемеровской области, главой которой является Аман Тулеев, бессменный лидер Кемерово с 1997 года. Вероятно, что Тулееву удалось выстроить хорошо работающую политическую машину. Чтобы убедиться в эффективности Тулеевской политической машины посмотрим на результаты Кемеровской области на выборах, которые мы рассматриваем: 2007 год- 76 процентов за «Единую Россию» в 2011 году 64.6 за «Единую Россию»2008- 70.51 процент за кандидаты в президенты Дмитрия Медведева, в 2012-77 процентов за кандидаты в президенты Владимира Путина. В целом результаты Прокопьевска находятся в общем тренде с результатами Кемеровской области в целом. Сюда можно добавить и факт того, что нынешний глава Прокопьевска может быть признан «Долгожителем» на своем посту, поскольку он занимает эту должность с 1999 года, поэтому вполне логично что он также встроен в политическую машину Амана Тулеева.

Из полученных и проанализированных мной данных можно сделать определенные выводы. Во первых, мы можем утверждать, что эффективность политической машины сформировавшейся в городе-миллионнике зависит от сменяемости главы субъекта в

котором находится данный город, чем реже меняется глава субъекта- тем выше эффективность машины. Сюда можно добавить и то, что эффективность машин выстроенных в городах-миллионниках национальных республик минимальным образом страдает от сменяемости власти. Во вторых, проанализированные мной моногорода оказываются совершенно не восприимчивы к смене власти внутри этого города. Обосновывается это тем, что судя по полученным данным мы можем заключить, что эффективность машин в моногородах зависит от в первую очередь от эффективности ключевого города данного региона, вне зависимости от того, является он миллионником или нет. Таким образом машины моногородов оказываются встроенными в структуру более крупных политических машин, которые в свою очередь замыкаются на «Босса» - главу данного региона. В дальнейшем мной будет продолжена работа по сравнению политических машин этих двух типов. Моей гипотезой, которую я буду развивать в продолжении работы является предположение о том, что характер собственности и ее конечного бенефициара влияет на структуру политических машин.

Максим Расчупкин, СПб

Влияние партийной идеологии на позицию по законодательной политике в сфере проституции²⁵¹

Законодательная политика в сфере проституции - одна из обсуждаемых социально-политических вопросов современности. Последние изменения в изучаемой сфере – криминализация покупки секса в Скандинавии, Канаде²⁵² и Франции²⁵³, резолюция организации «Международная Амнистия», призывающая страны мира к декриминализации проституции²⁵⁴. Изучение политики в сфере регулирования этого явления зачастую ограничивается попытками свести спектр подходов к ряду типов, пытаясь сравнить их влияние на рынок секс-услуг, как представлено в классификации

²⁵¹ Статья написана на основе курсовой работы на 2 курсе Департамента прикладной политологии НИУ ВШЭ СПб под научным руководством и общим редактированием ст.преподавателя Т.Л.Барандовой.

²⁵² Justice minister insists new prostitution bill will protect sex workers. The Canadian Press, September 9, 2014 [Электронный ресурс] URL: <http://www.macleans.ca/news/canada/justice-minister-insists-new-prostitution-bill-will-protect-sex-workers> (дата обращения: 09.12.2015).

²⁵³ France prostitution: MPs outlaw paying for sex. BBC News, 7 апреля 2016. [Электронный ресурс] URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-35982929> (дата обращения: 08.04.2016).

²⁵⁴ Amnesty votes to decriminalise sex work and prostitution. The Irish Times, August 11, 2015. [Электронный ресурс] URL: <http://www.irishtimes.com/news/social-affairs/amnesty-votes-to-decriminalise-sex-work-and-prostitution-1.2313863> (дата обращения: 09.12.2015).

Н.В. Ходыревой²⁵⁵. Она выделяет типы политики: криминализация/запрещение, регулирование/легализация, аболиционизм (декриминализация) и неоаболиционизм (обратная криминализация). Существование многих подходов вызывает вопрос: что способствует принятию законодательной модели? В данной статье на основе классического анализа текстов предпринята попытка выявить связи между законодательными подходами к регулированию проституции и политическими идеологиями, выраженных в виде позиций политических партий.

Одной из предпосылок построения модели является признание за политическими партиями ключевой роли в формировании законодательной политики. Дж. Сартори²⁵⁶ предложил методологию классификации партийных систем, из которой важны три аспекта. Во-первых, партии можно классифицировать по склонности к максимизации голосов в ущерб идеологической целостности: от «партий-свидетелей» до «демагогических»²⁵⁷. Во-вторых, модель пространственного соревнования предсказывает, что структура политической системы побуждает партии к идеологической поляризации при большом их числе (от пяти)²⁵⁸. В-третьих, системы верований политической элиты оказывают ограничивающее влияние на действия²⁵⁹. В совокупности, предполагаем, что при соблюдении этих условий и наличии связи между партийной идеологией и законодательным подходом к регулированию проституции, партия прибегнет к нему.

Важно понимать, что идеологии в современном обществе являются не «помехой» для политики, а функциональным элементом системы, несущим уникальные блага²⁶⁰. В качестве разделения используют три «классические» идеологии, к которым относят либерализм, консерватизм и социализм, поскольку каждая закончила формирование постулатов и прошла через кризисы²⁶¹, сохранив влияние на дискурс, несмотря на дробление и появление секторальных конкурентов (например, феминизма и «зеленых»).

²⁵⁵ Современные дебаты о проституции. Гендерный подход / Н.В. Ходырева. - СПб.: Алетейя, 2006. – с. 44-46.

²⁵⁶ Sartori, G. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis.// ECPR Press, 2005.

²⁵⁷ Там же, р. 291.

²⁵⁸ Там же, pp. 289-312.

²⁵⁹ Sartori G. Politics, Ideology and Belief Systems//The American Political Science Review, Vol. 63, No. 2 (Jun., 1969), p.407.

²⁶⁰ Кому нужна идеология? Григорий Голосов. URL: http://slon.ru/russia/komu_nuzhna_ideologiya-798045.shtml (дата обращения: 22.10.15)

²⁶¹ Шварцмантель Д. Идеология и политика / Пер. с англ. — Х.: Изд-во Гуманитарный центр, 2009, с. 28-36.

«Традиционные» идеологии - удобная точка отсчёта с учетом их дроблений, например для либерализма на левый (социал-либерализм) и правый (классический либерализм, либертарианство). В итоге, в списке современных идеологий: правый либерализм, левый либерализм, традиционный консерватизм, неоконсерватизм и социал-демократия²⁶².

Использование феминизма в числе идеологий представляется ожидаемым, но на практике оно оказывается малопродуктивным из-за существования конфликтующих позиций²⁶³, его нельзя использовать для различения позиций без углубленного описания внутреннего дискурса конкретных партий. За время исторического развития феминизм включил множество способов восприятия проституции: как «социальной болезни» (вызванной тяжёлым материальным положением²⁶⁴ и/или гендерной асимметрией, сопряжённой с неравенством полов)²⁶⁵, так и альтернативным дискурсом сексуальной эмансипации или радикализма²⁶⁶. Слабо отраженном в феминистском дискурсе является лишь понимание проституции как девиантного поведения, играющего большую роль в отечественной научной и общественной среде²⁶⁷, несмотря на наличие альтернативных концепций — гендерного и экологического подходов. Вероятно, причиной его доминирования в анализе проституции явилось стремление сохранить концепцию сексуальности в непластичной форме²⁶⁸, связанной с браком и деторождением, через маргинализацию практик, не подпадающих под эту рамку.

Полагаем, что использование того или иного дискурса политическими акторами оказывает влияние на позицию по разработке и поддержке оптимального законодательства. Столкновения позиций происходят не только между партиями, но и

²⁶² Современное состояние «традиционных» идеологий и кризис каждой из «них подробно разбирает в: Мусихин Г. Очерки теории идеологий — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013 — 288 с.

²⁶³ Современные дебаты о проституции. Гендерный подход/ Н.В. Ходырева.- СПб.: Алетейя , 2006. — с. 148-151.

²⁶⁴ Социологические исследования проституции в России // И.А. Голосенко, С.И. Голод — СПб.: Петрополис, 1998 — с. 19-23.

²⁶⁵ Современные дебаты о проституции . Гендерный подход / Н.В. Ходырева.- СПб.: Алетейя , 2006. — с.16-17.

²⁶⁶ Социологические исследования проституции в России // И.А. Голосенко, С.И. Голод — СПб.: Петрополис, 1998, с. 95-97.

²⁶⁷ Современные дебаты о проституции . Гендерный подход / Н.В. Ходырева.- СПб.: Алетейя , 2006. — с.15-18.

²⁶⁸ О пластичной сексуальности см: Гидденс Э. Трансформация интимности. — СПб.: Питер, 2004. — с. 181-185

внутри их. В. Брайсон и Т. Хэппелл²⁶⁹ показывают, как развитие идеологии ведет к расхождениям в вопросах, касающихся гендерной политики. Логика наших рассуждений строится на ряде оснований: поскольку проституция регулируется законами, а законы принимаются парламентами, где важную роль играют партии, то главным фактором в принятии законодательной модели является мнение доминирующих в стране партий. Для установления связи между идеологиями партий и законодательной политикой проведен анализ четырех подходов регулирования проституции и выделены предпосылки каждого из них, после чего они соотнесены с ценностями идеологий и их ответвлений.

Декриминализация: Политика заключается в снятии запретов или регулятивных ограничений проституции (за исключением возраста и добровольности), в ограничении или запрете деятельности борделей и сутенеров²⁷⁰, стремясь максимизировать личную свободу секс-работников, отказываясь от анализа индивидуальных мотиваций для входа в это занятие²⁷¹ и игнорируя «традиционные» моральные нормы, хотя первоначально дискурс воспринимал проституцию как негативное явление, но государственное регулирование отвергалось по причине неспособности улучшить условия их труда²⁷², а взамен предлагалось прикладывать усилия общественных организаций для преодоления проблемы²⁷³. В современности это выражается во мнении, что в отсутствии негативного давления на проституцию, создаваемого запретом и регулированием, улучшатся как условия труда, так и общественное отношение к ней²⁷⁴. Необходимыми предпосылками позиции является рассмотрение человека как рационального индивида, имеющего право на распоряжение своей жизнью и невмешательства в нее государства, что позволяет связать подход с правым либерализмом. Для левого либерализма и неоконсерватизма

²⁶⁹ V. Bryson, T. Heppell *Conservatism and feminism: the case of the British Conservative Party* // *Journal of Political Ideologies* (February 2010), 15(1), 31–50.

²⁷⁰ Ходырева. Указ. соч. с. 45.

²⁷¹ Sampson L. "The Obscenities of this Country": Canada v. Bedford and the Reform of Canadian Prostitution Laws, 22 *Duke Journal of Gender Law & Policy*, pp. 146-137.

²⁷² Об этом пишут: Judith R. Walkowitz. *The Politics of Prostitution* // *Signs*, Vol. 6, No. 1, Women: Sex and Sexuality, Part 2 (Autumn, 1980), pp. 124-125; Nancy R. Reagin. "A True Woman Can Take Care of Herself": The Debate over Prostitution in Hanover, 1906 // *Central European History*, Vol. 24, No. 4 (1991), pp. 349-352

²⁷³ Социологические исследования проституции в России// И.А. Голосенко, С.И. Голод — Спб.: Петрополис, 1998 — с. 51-54

²⁷⁴ D'Cunha J. *Prostitution Laws: Ideological Dimensions and Enforcement Practices* // *Economic and Political Weekly*, Vol. 27, No. 17 (Apr. 25, 1992), cc. WS36

связь с данным подходом маловероятна, для традиционного консерватизма и социал-демократии — невозможна без сохранения их идеологической целостности.

Криминализация: Политика подразумевает наличие формального запрета (различной строгости) на занятие проституцией, на посредничество и организацию бизнеса в этой сфере. Покупка проституции также может быть запрещена²⁷⁵, секс-работники воспринимаются как источник нелегальной экономической деятельности, или как её ключевое звено. Сама проституция представляется как социальной болезнью, угрожающей обществу и требующей государственного вмешательства²⁷⁶, так и индивидуальной девиацией поведения (преимущественно, женщин). Ключевым является признание за государством роли «защитника морали», необходимости закрепления нравственных норм законодательно. Эта логика позволяет связать политику криминализации с традиционно-консервативной идеологией. Для неоконсерватизма и социал-демократии подход тоже возможен с оговорками, а для правого и левого либерализма поддержка криминализации невозможна.

Легализация: Правительство устанавливает нормативные условия для функционирования проституции, позволяя её в этих рамках, но преследуя за их пределами аналогично криминализационному подходу. Из-за затрат на соответствие требованиям, основным способом существования проституции в системе являются организованные для неё учреждения. Подход строится на постулировании невозможности эффективной борьбы и на признании вреда, наносимого обществу нерегулируемой проституцией, что делегирует государству права и обязанности устанавливать рамки, минимизирующие вред²⁷⁷. Логика заботы государства о благополучии «уязвимых групп», о смягчении негативных последствий неограниченного капитализма, приближает дискурс к идеологии левого либерализма. Для традиционного консерватизма подход представляется возможным при принятии постулата о «вечности» проституции. Для правого либерализма, неоконсерватизма и социализма поддержка подхода по разным причинам маловероятна.

Неоаболиционизм: Обратная криминализация строится на наказании за покупки секс-услуг при сохранении легальности к их оказанию. Практическим атрибутом является активная государственная поддержка выхода женщин из проституции (она может сопровождать любой подход, но здесь фактически обязательно для смягчения давления на

²⁷⁵ Ross E. Prostitution and the Gender Debate //History Workshop, No. 21 (Spring, 1986), p. 202.

²⁷⁶ Современные дебаты о проституции . Гендерный подход/ Н.В. Ходырева.- СПб.: Алетейя , 2006. – с. 44.

²⁷⁷ Там же, с. 80-81.

секс-работников, вызываемого сужением их клиентской базы). Многие детали (например, строгость наказания третьей стороны и степень сотрудничества с общественными организациями, специализирующимися на поддержке секс-работников) могут варьироваться от страны к стране, но не меняется главное — модель направлена на устранение или минимизацию объёма проституции²⁷⁸. Одной из целей является и уменьшение вреда для вовлеченных в неё. Первым постулатом является признание эксплуатации сущностью проституции, её вредоносности для вовлеченных вне зависимости от законодательных рамок²⁷⁹. Второй опорой является принижение важности «добровольного согласия»²⁸⁰. Третьим признание права и обязанности государства ограничивать поведение в этой сфере, чтобы максимизировать благополучие самих секс-работников. Неоаболиционизм связан с социал-демократической (в некоторой степени с социалистической) идеологией из-за развернутой логики экономической эксплуатации под прикрытием личной свободы, акцента на влиянии социального окружения на поведение индивида, призыва государства к кардинальному изменению «естественного» общественного положения. Для их сочетания необходимо и понимание основ гендерной теории, что для современных социал-демократических партий не препятствие. Для левого либерализма и обеих ветвей консерватизма подход, по разным причинам, тоже возможен. Перенос фокуса наказания с проститутки на клиента менее значим, но фактически неоаболиционизм является одним из немногих гендерных дискурсов, который консерватизм успешно принимает, например, в США²⁸¹. Без восприятия гендерных аспектов вероятность поддержки его консервативными партиями низка. Для правого либерализма поддержка подхода невозможна без потери идеологической целостности. Возможно, что курс на принятие неоаболиционистских законов (Норвегия, Канада, Франция) вызван сравнительной приемлемостью дискурса для различных идеологий.

Модель включает совокупность связей между законодательными подходами и партийными идеологиями (Таблица № 1), и условий, при которых политика партий

²⁷⁸ Skilbrei M., Holmström C. Is There a Nordic Prostitution Regime? // *Crime and Justice* Vol. 40, No. 1, 2011, pp. 506-507

²⁷⁹ От Хаммурапи до Аси Казанцевой. Что социальные науки могут сказать о продаже сексуальных услуг. Троицкий вариант — Наука, 05.04.2016. URL: <http://trv-science.ru/2016/04/05/ot-hammurabi-do-asi-kazancevoj/> (дата обращения: 15.05.16).

²⁸⁰ Guy S. Prostitution Policy in Canada: Models, Ideologies, and Moving Forward // *Canadian Association of Social Workers* © 2014 — p.7; Современные дебаты о проституции. Гендерный подход / Н.В. Ходырева.- СПб.: Алетея, 2006 — с. 165-168.

²⁸¹ Weitzer R. Moral Crusade Against Prostitution // *SOCIETY*. • March/April 2006. — p.34.

проводится с сохранением идеологических ценностей. Используемая модель пространственной конкуренции Даунса-Сартори предполагает, что система возникает при числе активных партий от пяти и выше. При наличии двухпартийной системы позиции партий намного ближе, сильнее опираются на общественное мнение и практические аргументы об эффективности предшествовавшей законодательной модели. Разумно учесть, что в менее демократических системах, где партии в меньшей степени зависят от голосов избирателей, предсказать их поведение сложнее. Кроме того, сами партии, вне зависимости от партийной системы, должны принимать идеологию в качестве чего-то большего, чем просто ярлыка. Заложенные в модель предпосылки пока оставляют без ответа несколько вопросов. Прежде всего, каким образом можно на практике отделить идеологический аспект политики от других, которые не менее важны? Неясно, можно ли применять модель к политическим системам, где партии не оказывают решающего влияния на формирование законодательства. Преодоление этих трудностей является задачей дальнейшего изучения законодательной политики в сфере проституции на примере сравнительных исследований стран в мировой перспективе.

Таблица №1. Соотношение между подходами и идеологиями (аналитическая модель)

	Декриминализация	Криминализация	Легализация	Неоаболиционизм
Правый либерализм	Желателен	Неприемлем	Маловероятен	Неприемлем
Левый либерализм	Возможен	Неприемлем	Желателен	Возможен
Традиционный консерватизм	Неприемлем	Желателен	Возможен	Возможен
Неоконсерватизм	Маловероятен	Возможен	Маловероятен	Возможен
Социализм	Неприемлем	Возможен	Маловероятен	Желателен

Иван Сапсай

Проблемы реализации антикоррупционной политики на уровне бизнеса в Российской Федерации

Для предотвращения коррупции в бизнесе во многих странах, а также на наднациональном уровне были разработаны законодательные акты и рекомендации, обязывающие корпорации внедрять собственную антикоррупционную политику – меры комплаенс. Специальное законодательство было разработано и в России. Более того, Минтруд подготовил для представителей бизнеса методические рекомендации²⁸², а четыре крупнейшие бизнес-ассоциации разработали и предложили для подписания Антикоррупционную Хартию. Проведённые ранее исследования свидетельствуют о неготовности российских компаний разрабатывать антикоррупционные меры и неготовности к прозрачности в целом. Мониторинг Антикоррупционной Хартии показал, что она носит в основном формальный характер.²⁸³

Цель данного исследования – выявить причины неэффективности антикоррупционной политики на уровне частного сектора в РФ. Коррупция в бизнесе недостаточно изучена политологами, как проблема, возникающая на стадии реализации политики, ее исследование занимает по большей части учёных в области экономики и менеджмента.

Для достижения поставленной цели и определения причин несостоятельности антикоррупционной политики на уровне частного сектора будут рассмотрены теоретические концепции, объясняющие коррупцию в бизнесе. Теория принципал-агента, как пишет Роберт Клитгаард, объясняет коррупцию как конфликт между двумя акторами: принципалом, который обычно воплощает общественные интересы, и агентом, у которого личные интересы стоят на первом месте, поэтому он предпочитает воспользоваться коррупционной сделкой.²⁸⁴ Уильямс добавляет, что при этом между ними существует информационная асимметрия, так как агент информирован больше.²⁸⁵

Применение этой теории для изучения коррупции в сфере бизнеса позволяет выстроить сложную модель, так как эту проблему можно рассматривать с позиций разных акторов. С одной стороны, принципалом будет правящая элита, а агентом

²⁸² Методические рекомендации по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции. Минтруд // URL: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/employment/26> (дата обращения: 26.02.2016).

²⁸³ Вандышева Е. А., Сапсай И. А. Разработка и реализация мер предупреждения коррупции в компаниях // Противодействие коррупции: современные технологии / Под общ. ред. М. Б. Горного. - СПб.: Норма, 2015. - С. 118-125.

²⁸⁴ Klitgaard R. Controlling Corruption. Berkeley: University of California Press, 1988. - P. 54.

²⁸⁵ Williams R. New Concepts for Old? // Third World Quarterly. – 1990. – Vol. 20. - № 3. - P. 508.

недобросовестная бюрократия, как уже писалось ранее. Но в то же время появляются акторы со стороны компании, которая дает взятку, следовательно, принципалом выступает собственник, цель которого – максимизация прибыли, а агентами выступают корыстные менеджеры, которые преследуют свои личные цели. Таким образом, теория принципал-агента дает возможность определить основных акторов в коррупционных сделках и отчасти выявить их мотивы.

Концепция хорошего управления применяется для объяснения принципов успешного управления как на уровне государства, так и на уровне организации. В рамках этой теории коррупция в организациях объясняется отхождением от этих принципов, а именно следствием ошибок в управленческой сфере, неправильного функционирования институтов, неэффективных практик, а также, что особенно важно, отсутствия достаточного количества ресурсов, необходимых для воплощения остальных принципов.²⁸⁶ С опорой на эту теорию можно сделать вывод, что одной из предположительных причин неэффективности антикоррупционной политики является нехватка ресурсной базы для внедрения эффективного комплаенса в компаниях.

В рамках теории коллективного действия сосредоточим внимание на проблеме безбилетника, суть которой в том, что некоторые участники действия, не прикладывая своих усилий, тоже получают коллективное благо.²⁸⁷ Коррупция является типичной проблемой безбилетника: «все граждане страны или компании, подверженные давлению, смогли бы выиграть, если бы составили некое соглашение не платить взятки, однако каждый в отдельности имеет стимул дать взятку, чтобы получить льготы»²⁸⁸. Эта теория дает представление о том, что потенциал коллективных действий для предотвращения коррупции используется в минимальной степени.

В рамках теории операционных издержек взяточничество рассматривается как причина увеличения операционных издержек в конкретной стране, так как его последствиями являются дополнительные затраты и неопределенность в отношениях фирмы и правительства. Проведение операций в коррумпированной стране увеличивает их стоимость, так как фирма должна оплатить взятку для получения доступа к

²⁸⁶ The Principles for the Governance of Regulators. OECD // URL: <http://www.oecd.org/gov/regulatory-policy/> (дата обращения: 26.02.2016).

²⁸⁷ Olson M. The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. - Cambridge MA: Harvard University Press, 1965. - P. 53-65.

²⁸⁸ Pieth M. Collective action and Corruption, Amherst College // Collective Action: Innovative Strategies to Prevent Corruption, Dike Zurich/St. Gall, 2012. - P. 3.

правительственным службам, более того, она должна потратить время на организацию взяток.²⁸⁹ Таким образом, эта теория помогает в определении мотивации акторов внедрять определенные антикоррупционные программы.

Рассмотрев вышеупомянутые теории и определив их применимость к объяснению эффективности антикоррупционной политики на локальном уровне, можно перейти к характеристике стадии реализации политики в теории политического курса. Теория состоит в том, что каждый политический курс в своем развитии проходит одни и те же стадии. Стадия реализации политики является неотъемлемой частью политического курса, так как полностью разработанный проект не гарантирует то, что на практике будут выполняться поставленные цели и задачи. Стадию реализации в широком смысле определяют, как «разницу между заданным правительством курсом и тем, как он ведет себя в действительности»²⁹⁰. Этот этап имеет критическое значение, так как политические проекты не бывают совершенны без проверки на практике. По этой причине в процессе реализации проекты часто претерпевают значительные изменения или даже могут быть отменены.²⁹¹

Несостоятельность антикоррупционной реформы в Российской Федерации особенно показательна на стадии ее реализации. Проведённый анализ показал, что реализации антикоррупционных реформ на уровне частного сектора препятствуют такие факторы, как недостаток стимулов у менеджеров компаний соблюдать корпоративную этику, недостаток у компаний необходимых ресурсов, недостаток мотивации для разработки и внедрения антикоррупционной политики, а также неспособность частного сектора объединить свои общие ресурсы для жизнеспособности комплаенс проектов.

Анализ законодательства позволяет выявить возможности и ограничения бизнеса в сфере локальной антикоррупционной политики. На формирование российского антикоррупционного законодательства оказал влияние ряд международных актов, таких как Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции²⁹², а также

²⁸⁹ Kaufmann D. Corruption: The facts // Foreign Policy. – 1997. - № 3. - P. 117.

²⁹⁰ Fischer F., Miller G. J., Sidney M. S., Handbook of Public Policy: Analysis Theory, Politics, and Methods // CRC Press, Taylor & Francis Group, 2006. - P. 51.

²⁹¹ Ibid. - P. 51.

²⁹² Конвенция объединенных наций против коррупции. ООН // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (Дата обращения: 05.04.16).

Конвенция Совета Европы «Об уголовной ответственности за коррупцию»²⁹³, которые были имплементированы в Российской Федерации.

Ратификация этих международных актов закрепила за государством определенные обязанности, в том числе обязанность введения антикоррупционной политики на федеральном уровне. С 2008 года Президентом утверждаются двухлетние планы по противодействию коррупции, которые закрепляют меры по законодательному обеспечению противодействия коррупции. Так, в соответствии с Национальным планом противодействия коррупции на 2014-2015 годы в политической повестке появился мониторинг выполнения организациями обязанности принимать меры по противодействию коррупции; обязанность проводить такой мониторинг закреплена за Генеральной прокуратурой РФ и крупнейшими бизнес ассоциациями.²⁹⁴

Обязанность организаций на уровне частного сектора принимать меры по предупреждению коррупции предусмотрена статьей 13.3 Федерального закона "О противодействии коррупции"²⁹⁵. Перечисленные в указанной статье меры представляют собой обобщение международного опыта, и, во многом, ориентированы на крупный бизнес. Содействовать компаниям в разработке и внедрении успешной антикоррупционной политики призваны крупнейшие бизнес ассоциации: Торгово-промышленная палата РФ, Российский союз промышленников и предпринимателей, ОПОРА России, Деловая Россия, которые выступили учредителями Антикоррупционной хартии российского бизнеса²⁹⁶, упомянутой ранее.

Принятие законодательных мер позволяет сделать вывод, что органами государственной власти, под влиянием международных акторов, таких, как ООН, ОЭСР, Совет Европы, проведена формальная работа по внедрению антикоррупционной политики на уровне компаний. Помимо законодательства были разработаны также рекомендации, отражающие методы и средства внедрения комплаенс-политики в компаниях, которые

²⁹³ Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию. Совет Европы. // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121544/ (Дата обращения: 05.04.16).

²⁹⁴ Указ Президента РФ от 11.04.2014 N 226 "О Национальном плане противодействия коррупции на 2014 - 2015 годы" // URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102348935> (Дата обращения: 07.04.2016).

²⁹⁵ Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ "О противодействии коррупции" // Российская газета - Федеральный выпуск №4823.

²⁹⁶ Антикоррупционная хартия российского бизнеса // URL: http://against-corruption.ru/images/documents/%D0%A5%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B8%D1%8F_21.09.12.pdf (Дата обращения: 05.04.16).

можно использовать на практике. Тем не менее, реализация выбранного политического курса на практике оставляет желать лучшего.

Для оценки реализации политического курса было проведено интервьюирование представителя бизнес ассоциации «Торгово-промышленная палата Российской Федерации», представителя крупного бизнеса, а также эксперта коммерческой организации, занимающейся борьбой с мошенничеством в компаниях. Все респонденты пожелали остаться анонимными. Также был проведен мониторинг сайтов компаний, которые являются членами Антикоррупционной хартии российского бизнеса.

Мониторинг сайтов проводился для того, чтобы охарактеризовать уровень информационной открытости в сфере антикоррупционной политики. При анализе учитывался размер бизнеса, наличие иностранных партнеров, а также регион размещения предприятия. Проверялось наличие документов, содержащих антикоррупционные нормы, специального раздела, посвященного антикоррупционной политике, упоминания о вступлении в Антикоррупционную хартию российского бизнеса, информации, содержащей об обучении сотрудников антикоррупционным мерам, а также каналов для сообщении о нарушениях.

В реестре членов Антикоррупционной хартии российского бизнеса числится 723 компании и индивидуальных предпринимателей, однако, только 157 участников оставили ссылки на свои сайты, и только 126 из них оказались работоспособны. На сайтах 31 компании были размещены какие-либо документы, относящиеся к антикоррупционной политике. Информацию об обучении сотрудников мерам борьбы с коррупцией опубликовали всего 15 организаций. Также, только 18 компаний создали каналы для сообщения о коррупционных нарушениях. Из них 21 компания поместили данную информацию в специально отведенных для этого разделах, при этом, только в девяти компаниях существует должность комплаенс-менеджера, занимающегося профилактикой коррупции в компании.

Однако, стоит отметить, что достаточно высокий процент компаний ведут регулярную отчетность о своей деятельности и финансах – эти данные публикуются на сайтах 68 организаций. Итого, только 7 организаций из 126 публикуют всю необходимую информацию и соответствуют государственным и международным стандартам. Стоит отдельно отметить, что все эти организации являются представителями крупного бизнеса и имеют множество иностранных партнеров, что говорит о том, что у компаний без иностранных партнеров недостаточно мотивации вводить антикоррупционную политику.

Тем не менее, данные, полученные в ходе интервьюирования представителя Торгово-промышленной палаты Санкт-Петербурга расходятся с данными, которые показал мониторинг сайтов. По его словам палата располагает исключительно информационными и экспертными ресурсами и ни в чем не испытывает дефицита. Респондентом отрицается любое влияние государства на деятельность палаты, несмотря на обязательство в «Национальном плане по противодействию коррупции на 2014-2015 годы», о котором говорилось ранее. Среди организаций, сотрудничающих с Палатой, он выделяет самих членов Торгово-промышленной палаты, Совет при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции, органы прокуратуры, а также Уполномоченного по защите прав предпринимателей, при отсутствии иностранных партнеров.

Респондент высоко оценивает эффективность проводимых мер. Отмечается, что 80% представителей бизнеса приветствуют и готовы вести прозрачный, добропорядочный бизнес. Успешным коллективным антикоррупционным действием называется непосредственно Антикоррупционная хартия. На вопрос о «Испытывают ли представители бизнеса недостаток ресурсов для внедрения антикоррупционной политики?» респондент ответил, что требуется программное обеспечение под внедрение комплексной антикоррупционной программы на предприятиях.

Однако, как уже упоминалось ранее, результаты мониторинга опровергают большинство информации, полученной от данного респондента. Так, антикоррупционные программы на сайтах компаний преимущественно отсутствуют, что опровергает вывод о готовности 80 % компаний вести прозрачный бизнес, тем более данная статистика не подтверждена никакими фактическими данными. По этим причинам сама Антикоррупционная хартия российского бизнеса не может считаться успешным коллективным действием в сфере борьбы с коррупцией. Тем не менее, даже Торгово-промышленная палата признает то, что компаний испытывают недостаток ресурсов для полноценного внедрения антикоррупционных мер.

Следующим респондентом выступил представитель крупного бизнеса²⁹⁷. На вопрос о том, достаточно ли государство информирует предпринимателей в этой сфере респондент, был получен положительный ответ и уточнение, что компания, совместно с группой отраслевых предприятий, учредила собственную ассоциацию, нацеленную на

²⁹⁷ Компания, которую представляет интервьюируемый, является одной из первых компаний, внедривших и распространяющих антикоррупционные меры, после проведения оценки коррупционных потерь.

помощь государству в разъяснении антикоррупционных, что косвенно свидетельствует о недостатке информации в бизнес-среде. По словам респондента, компания не испытывает недостатка ресурсов для реализации политики. Иностранные партнеры рекомендуют внедрять и реализовывать комплаеc-политику, что говорит о наличии дополнительного стимула. По его мнению, в компании создано достаточно стимулов в виде наказания, таких как штрафы и увольнения, для избегания коррупционных сделок. По оценке респондента, большинство компаний не внедряют антикоррупционную политику в связи с отсутствием штрафных санкций со стороны государства, что рассматривается в качестве демотивирующего фактора. Компания состоит в нескольких бизнес-ассоциациях, таких как Торгово-промышленная палата, а также в отраслевой ассоциации, эффективность работы которых респондент оценил крайне высоко.

Приведённый пример свидетельствует о том, что в России появляются компании, которые целенаправленно внедряют и используют передовой опыт реализации антикоррупционной политики. Крупные компании могут не испытывать дефицита ресурсов, для менеджеров и иных сотрудников создаются стимулы избегать коррупционных сделок. В отдельных случаях задействуется потенциал коллективных действий в рамках нескольких бизнес ассоциаций.

Третьим респондентом выступил представитель коммерческой организации, занимающейся борьбой с мошенничеством в организациях. На вопрос о том, достаточно ли сделало государство, чтобы проинформировать предпринимателей, он ответил, что оно декларативно сделало больше, чем от него ожидалось, так как подготовленные документы соответствуют мировым стандартам. Однако были отмечены также значительные затруднения в области воплощения декларируемых мер на практике. Указывалось также на недостаток материальных и трудовых ресурсов на этапе внедрения антикоррупционных мер в компаниях. По словам эксперта, одним из стимулов для реализации антикоррупционной политики на локальном уровне является давление со стороны иностранных партнеров, так как большинство крупных европейских компаний внимательно относятся к оценке надежности контрагентов. Дополнительные стимулы избегать коррупционных схем в компаниях создаются редко, так как обычно выгода от них не может превысить выгоду от коррупционной сделки. Также было высказано мнение, что помешать проведению антикоррупционной политики в некоторых случаях могут партнеры компаний по причине их высокой информированности о коррупционных практиках.

Полученные данные позволяют утверждать, что компаниям, не имеющим иностранных партнеров, недостает стимулов внедрять антикоррупционную политику. Ситуации, в которых выгода менеджера от коррупционных сделок существенно превышает выгоду от того, чтобы отказаться от участия в них, должны рассматриваться в качестве коррупционных рисков и требуют специальных мер. Однако на этапе внедрения таких мер компании могут испытывать дефицит материальных и трудовых ресурсов.

В ходе данного исследования с опорой на теоретические концепции, объясняющие коррупцию в бизнесе, были выявлены гипотетические причины и проблемы в сфере реализации политического курса, направленного на борьбу с коррупцией на уровне частного сектора. Был проведен анализ практики внедрения локальной антикоррупционной политики посредством мониторинга сайтов членов Антикоррупционной хартии российского бизнеса, а также интервьюирования.

Согласно данным, полученным в ходе интервьюирования, успешной реализации политического курса, направленного на противодействие коррупции в бизнесе, препятствует отсутствие достаточных стимулов для внедрения антикоррупционной политики. Для многих компаний основным стимулом продолжает оставаться влияние со стороны иностранных партнеров. В ряде случаев наблюдается недостаток ресурсов для разработки и внедрения мер и процедур комплаенс. Собранные данные не позволяют подтвердить или опровергнуть гипотезу о минимальном использовании потенциала коллективных действий. Имеются примеры положительного влияния бизнес ассоциаций на реализацию антикоррупционной политики, в частности, повышается роль отраслевых ассоциаций. Для более детальной и комплексной оценки факторов, оказывающих влияние на успешность реализации антикоррупционного политического курса, требуется проведение дальнейшего исследования.

Алексей Сорбалэ, СПб

**Влияние особенностей национальных партийных систем на скорость
вступления стран-кандидатов в Европейский союз: случай
постсоциалистических государств Центральной, Восточной и Южной
Европы**

После окончания политических и экономических пертурбаций на территории Центральной, Восточной и Южной Европы, и начала движения постсоциалистических государств по пути к членству в ЕС, у многих исследователей возник вполне логичный вопрос: Удастся ли этим странам стать полноправными членами Европейского союза? Этот вопрос, несомненно, не потерял своей актуальности и сегодня, ведь из 16 постсоциалистических стран, рассматриваемых в нашей работе²⁹⁸, 11 удалось одолеть долгую дорогу к дверям «единой Европы», в то время как остальные 5 находятся на неопределённой позиции относительно европейского членства. Каковы же причины таких разных исходов процесса европейской интеграции в странах постсоциалистической группы?

Следуя полезному совету К. Бута, Г. Коломба и Дж. Уильямса²⁹⁹ в нашей работе мы решили переместить акцент на более узкую сферу, непосредственно связанную со взаимоотношениями национальных государств-кандидатов и Брюсселем. Мы говорим о *партийных системах стран-кандидатов* и их роли в процессе принятия государства в состав Европейского союза. Наше исследование будет посвящено изучению влияния особенностей национальных партийных систем постсоциалистических стран-кандидатов на скорость их вступления в Европейский союз.

Наш *исследовательский вопрос* звучит так: **Какое влияние особенности национальных партийных систем оказали на скорость вступления постсоциалистических стран-кандидатов в Европейский союз?** Формулировка выглядит таким образом, поскольку в своей работе мы постараемся выявить взаимосвязь таких характеристик парламента страны-кандидата как *фрагментация, идеологическая поляризация, поляризация по европейской повестке и евро-скептицизм/евро-оптимизм значимых для партийной системы политических партий* со скоростью вступления данного государства в Европейский союз.

Исходя из вышесказанного, именно **процесс европейской интеграции 16 постсоциалистических государств Центральной, Восточной и Южной Европы в**

²⁹⁸ В качестве кейсов для анализа мы берём Албанию, Болгарию, Босния и Герцеговину, Венгрию, Латвию, Литву, Македонию, Польшу, Румынию, Сербию, Словению, Словакию, Хорватию, Чехию, Черногорию и Эстонию.

²⁹⁹ Booth W. C., Colomb G. G., Williams J. M. The craft of research. - Chicago and London: The University of Chicago Press. P. 31

период с 1994 по 2015 год³⁰⁰ будет выступать в нашей работе в качестве *объекта исследования*. Мы изучаем конкретную часть эмпирической реальности под названием «европейская интеграция» - процесс вступления постсоциалистических стран-кандидатов в Европейский союз. При этом мы концентрируемся на **влиянии особенностей партийных систем стран-кандидатов на скорость их вступления в Европейский союз**. Это и будет *предметом* нашей работы.

Зависимой переменной в нашем исследовании является *скорость вступления государства в Европейский союз*, которая будет измеряться в месяцах, потребовавшихся государству для вступления в ЕС. В качестве *независимых переменных* выступают *фрагментация национальной партийной системы, евро-скептицизм/евро-оптимизм* значимых для партийной системы политических партий, *идеологическая поляризация и поляризация по европейской повестке*. Также мы планируем ввести три *контрольных переменных* – *ВВП на душу населения, качество государственного управления и социальный капитал*.

Недостаточный для статистического исследования и слишком большой для кейс-стади пул рассматриваемых нами кейсов, вкупе с тем фактом, что все анализируемые случаи обладают рядом признаков, позволяющих говорить о схожести их первоначальных экономических, политических и социальных характеристик, предопределили выбор основного *метода анализа данных* в нашем исследовании. Мы говорим о **качественном сравнительном анализе множественных значений** (*Qualitative comparative analysis of multiple values, QCAmv*).

Большой охват и разнообразие литературы, описывающей предмет и объект нашего исследования, приводит нас к необходимости сконструировать *теоретическую рамку*, которая бы смогла выстроить генерализированные каузальные связи между вводимыми нами переменными. Теоретическая литература по рассматриваемой тематике позволила выделить 4 ключевых фактора, связанных с особенностями партийных систем постсоциалистических стран-кандидатов. Помимо этого, нам необходимо ввести 3 вспомогательных фактора, которые относятся к социально-экономическим

³⁰⁰ Данный временной промежуток объясняется тем, что в 1994 году для стран Восточной, Центральной и Южной Европы официально начался процесс европейской интеграции: Венгрия первой подала заявку на вступление, за ней последовали остальные постсоциалистические государства. В свою очередь, временной горизонт, установленный на 2015 году выбран по причине неоконченной евро-интеграции 5 балканских стран пост-социализма.

характеристикам рассматриваемых государств, которые лягут в основу наших контрольных переменных.

Факторы, связанные с особенностями партийных систем постсоциалистических стран-кандидатов:

- *Фактор евро-скептицизма/евро-оптимизма значимых для партийной системы политических партий;*
- *Фактор фрагментации партийной системы;*
- *Фактор поляризации парламента по европейской повестке*
- *Фактор идеологической поляризации парламента*

Факторы, отражающие социально-экономические характеристики постсоциалистических стран-кандидатов:

- *ВВП на душу населения;*
- *Фактор социального капитала;*
- *Фактор качества государственного управления.*

В нашем распоряжении имеется теория, обладающая достаточно высокой объяснительной способностью в том случае, когда мы рассматриваем скорость вступления в ЕС через призму партийной активности, ведущей к *поляризации системы*. Мы говорим о теории, разработанной такими авторами как Д. Финк-Хафнер³⁰¹ и Т. Хогтон³⁰². Каузальная связь, демонстрируемая данной теорией, предельно проста: если в парламенте страны-кандидата имеется согласие значимых для этой партийной системы политических игроков по вопросу о вступлении в Европейский союз, то имплементация частей *acquiscommunitaire* проходит, в основном, бесп проблемно и, следовательно, скорость вступления данного государства в ЕС находится на высоком уровне. Напротив, если партийная система поляризована по вопросу интеграции в ЕС, и две или более значимых для данной системы партии не могут прийти к консенсусу по евро-интеграционной повестке, путь страны к дверям Брюсселя серьезно замедляется. При этом, как отмечают сами авторы, которых поддерживает М. Вачудова³⁰³, границы подобной программной поляризации зачастую совпадают с границами идеологической поляризации, поэтому не вызывает удивления тот факт, что радикальные левые и правые

³⁰¹Freyburg T., Richter S. National identity matters: the limited impact of EU political conditionality in the Western Balkans //Journal of European Public Policy. – 2010. – №. 2. – P. 263-281.

³⁰²Jano D. From 'Balkanization' to 'Europeanization': The Stages of Western Balkans Complex Transformations // L'Europeen Formation. - 2008. - №. 3. – P 55-69.

³⁰³Vachudova M. A. Political Parties and Democratic Change in the Western Balkans: When Do External Actors Change Agendas? // APSA 2011. Annual Meeting Paper. – 2011. – P. 9.

силы всегда настроены скептически и даже враждебно по отношению к перспективе европейской интеграции своей страны.

Именно из этих двух теорий следует **первая выдвигаемая нами основная гипотеза**: *Если партийные системы 16 рассматриваемых постсоциалистических государств характеризовались различной степенью идеологической поляризации (и поляризации по европейской повестке), то скорость вступления стран с меньшей идеологической поляризацией (и поляризацией по европейской повестке) была выше, чем скорость вступления государств с более высоким показателем идеологической поляризации (и поляризации по европейской повестке)*³⁰⁴.

Для обоснования выбора фактора евро-скептицизма/евро-оптимизма значимых для партийной системы политических партий мы обратимся к теоретической базе, разработанной П.Г. Льюисом³⁰⁵ [10,159] и С. Реннером и Ф. Траунером³⁰⁶ [18,455]. При рассмотрении взаимосвязи национальных партийных систем стран-кандидатов и скорости их вступления в Европейский союз через предложенную этими авторами теоретическую перспективу, становится понятно, что решающую роль в евро-интеграционном процессе играет именно евро-оптимизм и евро-скептицизм ведущих политических партий. В случае, если сильнейшие политические игроки имеют различное представление о выгодах и потерях страны от процесса евро-интеграции, то вероятность скорого вступления государства в ЕС практически равна нулю. В свою очередь, если отношение ключевых политических игроков в национальной партийной системе к европейской интеграции является позитивным, то страна уверенно может рассчитывать на быструю выработку единого и санкционированного всеми политическими силами европо-ориентированного курса.

Отсюда следует наша **вторая основная гипотеза**: *Если в партийных системах 16 рассматриваемых постсоциалистических государств значимые партии имели различное отношение к перспективам вступления своих стран в ЕС, то скорость вступления стран, где большинство или все значимые партии являлись еврооптимистами, была*

³⁰⁴ Несмотря на то, что гипотеза включает в себя как фактор идеологической поляризации, так и фактор поляризации по европейской повестке, мы сконструировали две отдельных независимых переменных для каждого из этих факторов, поскольку, как показывают собранные нами эмпирические данные, теория, предложенная М. Вачудовой, работает не всегда.

³⁰⁵ Lewis P. G. Changes in the party politics of the new EU member states in Central Europe: patterns of Europeanization and democratization // Journal of Southern Europe and the Balkans. - 2008. - №. 2. - P. 159

³⁰⁶ Renner S., Trauner F. Creeping EU membership in south-east Europe: the dynamics of EU rule transfer to the Western Balkans // European Integration. – 2009. – №. 4. – P. 455/

выше, чем скорость вступления государств, где большинство или все партии являлись евроскептиками.

В. Шмидт³⁰⁷ отмечает, что в условиях постсоциалистических государств доминирующие партии играют роль рулевого в вопросе евроинтеграции: именно от их предпочтений зависит успех европейской повестки. Эта теория лежит в основе выделенного нами фактора *фрагментации партийной системы*.

Вышеописанная теория берётся за основу для выдвигаемой нами **третьей основной гипотезы**: *Если партийные системы 16 рассматриваемых постсоциалистических государств характеризовались различной степенью фрагментации, то скорость вступления стран с меньшей фрагментацией была выше, чем скорость вступления государств с более высоким показателем фрагментации.*

Фактор социального капитала базируется на известной теории Р. Патнэма³⁰⁸, согласно которой, большое количество социальных связей между людьми и высокий уровень групповой активности, в первую очередь – политической, делают развитие и консолидацию демократии в государстве более вероятной, чем в странах, где эти показатели находятся на низком уровне. Этот фактор важен для нас, поскольку одним из ключевых требований Брюсселя к стране, стремящейся стать частью ЕС, является укрепление демократических институтов и имплементация частей *acquiscommunitaire*, что, опять же, возможно лишь в том случае, когда такие ключевые для демократии институты, как парламент, способны функционировать в нормальном режиме и обладают достаточной легитимностью в глазах населения. Отсюда следует наша **первая вспомогательная гипотеза**: *Если 16 рассматриваемых постсоциалистических государств характеризовались различным уровнем развития социального капитала, то скорость вступления стран с большим уровнем социального капитала была выше, чем скорость вступления государств с меньшим показателем социального капитала.*

М. Липсет³⁰⁹, А. Пшеворски и др.³¹⁰ и многие другие авторы связывают установление и укрепление демократии с экономическим развитием государства или,

³⁰⁷ Schmidt V. A. Democracy in Europe: The EU and national polities. – Oxford: Oxford University Press, 2006. - P. 202.

³⁰⁸ Putnam R. Social capital: Measurement and consequences // Canadian Journal of Policy Research. – 2001. – №. 1. – P. 42-43.

³⁰⁹ Lipset M., Seong K. R., Torres J. C. A comparative analysis of the social requisites of democracy // International Social Science Journal. - 1993 - №45 (2). - P. 154-175.

попросту говоря, с его богатством. Несмотря на то, что эта теоретическая перспектива многократно подвигалась критике³¹¹, мы берём её в качестве основы для нашей второй контрольной переменной – *ВВП на душу населения*. Показатель ВВП на душу населения выбран не случайно: во-первых, это общепризнанный показатель для измерения богатства нации, который, в частности, используется и Всемирным Банком³¹², чьи данные берутся нами для кодировки этой переменной, а во-вторых, ВВП на душу населения – это показатель, наиболее приближенный к микро-уровневому благосостоянию, то есть, к благосостоянию отдельных граждан, которое традиционно берётся за основу во внутрипарламентских дебатах в плоскости экономической политики. В форме **второй вспомогательной гипотезы** это предположение будет звучать так: *Если 16 рассматриваемых постсоциалистических государств характеризовались различными показателями ВВП на душу населения, то скорость вступления стран с более высоким показателем ВВП на душу населения была выше, чем скорость вступления государств с более низким показателем ВВП на душу населения.*

World Governance Indicators³¹³ в качестве ключевого фактора, обеспечивающего стабильность развития государства и его политического режима, выделяет *эффективность государственного управления*. Это достаточно широкий фактор, который включает в себя целый спектр индикаторов и показателей – от показателя эффективности борьбы с коррупцией до показателя свободы слова и самовыражения. Нас, однако, интересует показатель, который отражает *качество работы государственных институтов*, поскольку именно от эксэргии таких институтов как парламент, зависит скорость имплементации частей общеевропейского законодательства и, как следствие, скорость европейской интеграции государства, находящегося в пути к дверям Брюсселя. **Третью вспомогательную гипотезу** можно сформулировать так: *Если 16 рассматриваемых постсоциалистических государств характеризовались различной степенью качества государственного управления, то скорость вступления стран с более*

³¹⁰ Przeworski A., Alvarez M. E., Cheibub J. A., Limongi F. What Makes Democracies Endure? // Journal of Democracy. – 1996. - №7:1 (January). – P. 39-55.

³¹¹ См., например, Rowbottom J. Democracy distorted: wealth, influence and democratic politics. – Cambridge University Press, 2010. – 312 p.

³¹² GDP per capita (current US\$). [Электронный ресурс] // The World Bank. URL<http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD> (дата обращения: 12.03.16).

³¹³ The Worldwide Governance Indicators (WGI). [Электронный ресурс]. URL<http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#home> (дата обращения: 12.03.16).

высоким показателем качества государственного управления была выше, чем скорость вступления государств с более низким показателем качества государственного управления.

В данном блоке перед нами стоит задача выделить ключевые факторы, которое способствовали увеличению общей скорости европейской интеграции постсоциалистических стран-кандидатов или, напротив, привели к замедлению этого процесса.

QCA_{mv}: что влияет на увеличение скорости европейской интеграции?

Закодируем наши переменные, мы провели первый этап качественного сравнительного анализа множественных значений – составили таблицу истинности для «положительного исхода» (1), то есть, для исхода вступления страны в Европейский союз.

Таблица 1. Таблица истинности для положительного исхода европейской интеграции.

v1	v2	v3	v4	v5	v6	v7	O	id
3	0	2	0	0	1	1	0	ALB
3	2	1	0	0	0	0	0	BIH
1	0	1	1	1	1	1	1	BUL, CRO
2	1	2	1	1	2	1	1	CZH
3	2	2	0	1	2	2	1	EST
3	1	2	1	1	2	1	1	HUN
2	2	1	1	1	1	1	1	LAT
2	1	2	0	1	1	1	1	LIT
2	1	2	1	0	1	1	0	MAC
2	0	1	0	1	1	1	0	MONT
2	1	1	1	1	2	1	1	POL
1	1	1	1	1	1	1	1	ROM
3	1	1	2	1	1	0	0	SER
2	1	2	2	1	2	1	1	SLO

3	1	0	0	2	2	1	1	SLE
---	---	---	---	---	---	---	---	-----

Как мы видим, таблица истинности демонстрирует довольно интересный результат: практически каждый выбранный нами для анализа кейс составляет отдельный вариант сочетания факторов, которые ведут к успеху европейской интеграции. Единственным исключением является группа, куда попали Болгария и Хорватия – в обоих случаях средняя идеологическая поляризация партийной системы, вкупе со средней поляризацией по европейской повестке, средним уровнем качества государственного управления, средним уровнем социального капитала и фрагментации, привели к вступлению этих стран в Европейский союз.

Нам необходимо сократить количество предполагаемых комбинаций и убрать комбинации, которые содержат одинаковые предполагаемые факторы влияния. Для этого воспользуемся процедурой минимизации по правилам булевой алгебры. После удаления 1620 повторяющихся и логически противоречащих друг другу предположений и булевой минимизации оставшихся комбинаций (процедура *simplifyingassumptions*), мы получили следующую формулу, объясняющую увеличение скорости европейской интеграции в рассматриваемых нами кейсах:

$$\text{polarization_ideology}\{0\} + \text{polarization_ideology}\{2\} * \text{GDP per capita}\{1\} + \text{EU_polarization}\{1\} * \text{GDP per capita}\{1\}$$

Иными словами, *увеличение скорости европейской интеграции* зависело от *отсутствия идеологической поляризации партийной системы ИЛИ высокой идеологической поляризации вкупе со средним уровнем ВВП на душу населения ИЛИ средним уровнем поляризации по европейской повестке вкупе со средним уровнем ВВП на душу населения.*

Первая часть этой формулы верна для **Словении**, вторая – для **Чехии, Эстонии, Венгрии, Литвы и Словакии**, а третья – для **Болгарии, Хорватии, Чехии, Венгрии, Латвии, Польши и Румынии**.

Таблица 2. Объяснительная формула для положительного исхода европейской интеграции.

Факторы	Объяснён	Rawcover	Consiste
---------	----------	----------	----------

	ые случаи	age	ncy
polarization_ideology{0}	SLE	0.5	1.00000
polarization_ideology{2} *GDP per capita{1}	CZH, EST, HUN, LIT, SLO	0.62	1.00000
EU_polarization{1}*GDP per capita{1}	BUL, CRO, CZH, HUN, LAT, POL, ROM	0.87	1.00000

Solutioncoverage: 1.0

Solutionconsistency: 1.0

Чехия и Венгрия попали под объяснительную способность сразу двух формул, что означает, что успех европейской интеграции этих двух кейсов может быть в равной степени объяснён как совместным влиянием среднего уровня идеологической поляризации и высокого уровня ВВП на душу населения, так и низким уровнем поляризации по европейской повестке вкупе с высоким уровнем ВВП на душу населения.

В этой части нам необходимо выявить факторы, которые привели к относительному провалу евро-интеграционного процесса (0) в Албании, Боснии и Герцеговине, Македонии, Сербии и Черногории.

Таблица 3. Таблица истинности для отрицательного исхода европейской интеграции.

V1	v2	v3	v4	v5	v6	v7	O	id
3	0	2	0	0	1	1	0	ALB
3	2	1	0	0	0	0	0	BIH
1	0	1	1	1	1	1	1	BUL, CRO
2	1	2	1	1	2	1	1	CZH
3	2	2	0	1	2	2	1	EST
3	1	2	1	1	2	1	1	HUN
2	2	1	1	1	1	1	1	LAT
2	1	2	0	1	1	1	1	LIT
2	1	2	1	0	1	1	0	MAC
2	0	1	0	1	1	1	0	MONT
2	1	1	1	1	2	1	1	POL
1	1	1	1	1	1	1	1	ROM
3	1	1	2	1	1	0	0	SER
2	1	2	2	1	2	1	1	SLOVAK
3	1	0	0	2	2	1	1	SLOVEN

Как и в случае с анализом положительных исходов евроинтеграции, анализ отрицательных исходов европейской интеграции Албании, Боснии и Герцеговины, Македонии, Сербии и Черногории демонстрирует тот факт, что в каждом из рассматриваемых случаев действовала своя комбинация факторов. После удаления 1184 повторяющихся и логически противоречащих друг другу предположений, и минимизации оставшихся комбинаций по правилам Булевой алгебры, нам удалось вычислить следующую формулу, объясняющую замедление процесса европейской интеграции в 5 рассматриваемых странах Западно-Балканского региона:

$$\text{GDP per capita}\{0\} + \text{polarization_ideology}\{1\} * \text{EU_polarization}\{0,2\}$$

Иными словами, *уменьшение скорости европейской интеграции зависело от низкого уровня ВВП на душу населения ИЛИ среднего уровня идеологической поляризации*

вкупe с низкой или высокой поляризацией национального парламента по европейской повестке.

Первая часть формулы справедлива для кейсов **Албании, Боснии и Герцеговины и Македонии**, в то время, как вторая часть способна объяснить относительный провал евро-интеграционного процесса в **Боснии и Герцеговине, Черногории и Сербии**.

Таблица 4. Объяснительная формула для отрицательного исхода европейской интеграции.

Факторы	Объяснённые случаи	R a w co ve ra ge	Consistency
GDP per capita{0}	ALB, BIH, MAC	0.75	1.0000
polarization_ideology{1}*EU_polarization{0,2}	BIH, MONT, SER	0.87	1.0000

Solutioncoverage: 1.0

Solutionconsistency: 1.0

Как видно из этой таблицы, в группу объяснённых кейсов попали только страны, которые на данный момент всё ещё не получили место члена в Европейском союзе. В свою очередь, Solutioncoverage продемонстрировало тот факт, что полученная в результате анализа формула смогла объяснить уменьшение скорости европейской интеграции во всех выбранных для анализа случаях.

Относительный провал европейской интеграции в Боснии и Герцеговины может быть объяснён как низким уровнем ВВП на душу населения этой страны, так и сочетанием низкой идеологической поляризации, и низкой поляризации национального парламента по европейской повестке.

В этой работе мы стремились определить причины разной скорости европейской интеграции в 16 странах-кандидатах из Центральной, Восточной и Южной Европы, рассматривая этот процесс через призму партийных систем этих государств. Нас интересовали ключевые характеристики партийных систем этих стран: *парламентская фрагментация, идеологическая поляризация, поляризация по европейской повестке и евро-скептицизм/евро-оптимизм значимых партий*. Помимо этого, в анализ нами были введены три контрольных переменных, которые отражали социально-экономические характеристики отобранных нами кейсов в период их европейской интеграции: *ВВП на душу населения, социальный капитал и качество государственного управления*.

На первый план в нашей аналитической модели вышло сочетание социально-экономических характеристик и характеристик национальных парламентов: главным детерминантом ускорения европейской интеграции **Словении** стало *отсутствие идеологической поляризации партийной системы*, **Венгрия, Литва, Словакия, Чехия и Эстония** увеличили скорость своей интеграции благодаря *высокой идеологической поляризации вкупе со средним уровнем ВВП на душу населения*, а успех **Болгарии, Венгрии, Латвии, Польши, Румынии, Хорватии и Чехии** на евроинтеграционном поприще был детерминирован *средним уровнем поляризации по европейской повестке вкупе со средним уровнем ВВП на душу населения*. В свою очередь, относительный провал (и замедление) европейской интеграции **Албании, Боснии и Герцеговины и Македонии** определялся *низким уровнем ВВП на душу населения*, а уменьшение скорости европейской интеграции в **Боснии и Герцеговине, Черногории и Сербии** зависело от *среднего уровня идеологической поляризации вкупе с низкой или высокой поляризацией национального парламента по европейской повестке*. Таким образом, модель показала адекватность теорий М. Вачудовой и Д. Финк-Хафнер и Т. Хогтона, которые лежат в основе наших **Гипотез 1 и 2**, для объяснения причин ускорения и замедления процесса европейской интеграции в странах-кандидатах пост-социализма. Также важно отметить, что в этой модели своё подтверждение получила и **Вспомогательная гипотеза 2**, которая базируется на предположении о том, что страны с более высоким ВВП на душу населения имеют большие шансы на ускорение евроинтеграционного процесса. В нашей интерпретации, более высокий ВВП на душу населения отражает более стабильное экономическое положение в стране, как следствие, европейская повестка имеет большие шансы появиться в поле внимания политических партий.

Список авторов

Амбрасовская Ксения Дмитриевна – студентка 2 курса магистерской программы «Политика и управление» Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Балаян Александр Александрович – к.полит.н., доцент департамента прикладной политологии НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург.

Борисенко Максим Сергеевич – студент 1 курса бакалаврской программы «Политология» Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Брянцев Иван Иванович - к.с.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления, РАНХиГС, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина, г. Саратов

Бузенкова Ольга Юрьевна – студентка 3 курса бакалаврской программы «Политология» Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Гоптарева Ирина Борисовна – д.полит.н., зав. кафедрой политологии Оренбургского государственного университета, г. Оренбург

Горный Михаил Бениаминович–кандидат физико-математических наук, исполнительный директор СПб гуманитарно-политологического центра «Стратегия», доцент департамента прикладной политологии НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург.

Даугавет Дмитрий Игоревич – директор АНО «Центр исследования рыночной среды», Санкт-Петербург

Коломацкий Андрей Владимирович – студент 3 курса бакалавриата факультета сравнительной политологии Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы

Лисица Егор Андреевич – студент 2 курса бакалаврской программы «Политология» Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Попов Максим Евгеньевич - д.ф.н., профессор кафедры социальной философии и этнологии Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь,
maximus.popov@gmail.com

Расчупкин Максим Константинович - студент 2 курса бакалаврской программы «Политология» Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Реут Олег Чеславович, доцент Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Петрозаводск

Рожнева Светлана Сергеевна - к.полит.н., доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Петрозаводского государственного университета

Сапсай Иван Алексеевич - студент 2 курса бакалаврской программы «Политология» Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Севастьянов Сергей Александрович - к.и.н., в.н.с. отдела политических исследований БАГСУ, Уфа

Сорбалэ Алексей Борисович – студент 4 курса бакалаврской программы «Политология» Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Суслов Евгений Валерианович - к.пол.н., доцент Марийского гос. университета, г. Йошкар-Ола

Тетеревлёва Татьяна Павловна - к.и.н., доцент Северного (Арктического) Федерального университета.

Томин Леонид Владимирович, кандидат полит. наук, доцент кафедры "Философия, политология и социология" Петербургского государственного университета путей сообщений.

